

3

APT

12+

Журнал «Арт»

Акценты

Третий номер журнала открывает раздел «Семья в мире и мир в семье». Значение семьи и семейных ценностей в культуре переоценить трудно. Можно с уверенностью сказать, что семья – это и есть тот фундамент, на котором выстроено всё здание мировой культуры. Не случайно в мифологиях многих народов сюжет сотворения мира завершается тем, что творящее божество создаёт первую семейную пару. В небольшой статье Павла Лимерова на примере мифологии коми показаны перипетии отношений первой семейной пары в только что сотворённом мире. Статья этнографа Юлии Бойко раскрывает читателю особенности создания семьи в Прилузье, бытовавшие в прошлом и сохранившие актуальность в настоящем. О том, как семейные ценности осваивались ребёнком уже в его детских играх, рассказывает учёный-фольклорист Алексей Рассыхаев.

Рассказы Лидии Логиновой – маленькие семейные байки, это иногда смешные, иногда грустные ситуации, которые случаются в каждой семье. Роман в рассказах Анатолия Валевского «Одуванчики Карла Фаберже» написан легко, немного иронично, с нотками юмора. Но сквозь призму иронии слышится неподдельная любовь рассказчика к героиням – женщинам с их нередко трагичными сюжетами судеб. Стихи и миниатюры Елены Игнатовой «Муодз копырөн» – это букет осенних цветов из удивительной коми речи.

Ставший уже традиционным раздел «Зырянский мир: визуальная этнография коми» также посвящён семье. Статья сотрудников Национального музея РК Татьяны Пьянковой, Ирины Каневой и Игоря Юлдашева открывает галерею редких семейных фотографий из музейных коллекций начала XX века.

В разделе «Литература сегодня» два юбилейных материала. Это интервью Галины Бобраковой с первым главным редактором журнала «Арт» Галиной Бутыревой с интригующим названием «После «Арта», а также интервью Лили Вовк с известным поэтом Андреем Поповым, отметившим свой 65-летний юбилей. В разделе представлены и новые стихи поэта «Созерцать блики речной воды...».

«Арт-факт» представляет прошедшую в Национальном музее РК выставку «Сон рыбака», посвящённую мифологии реки. Очерк куратора Анжелы Размановой раскрывает тайны рождения этой удивительной выставки, её неповторимой концепции.

Журнал в журнале «Ы!» открывают путевые заметки Анастасии Лосевой о путешествии из Сыктывкара в Уфу «Сыктывкарсянь Уфаодз да бөр: луннебõгысь лист бокъяс». Девушка делится своими впечатлениями о городе Уфе, о Башкортостане, о новых друзьях и, что немаловажно, находит место для интересных этимологий. Два дебюта – сказка Анастасии Быковой «Лõзмик» и рассказ Евы Нечаевой «Тшакла». Дай Бог, чтобы девушки продолжили свои творческие опыты. Редактор журнала Алёна Шомысова перевела для читателей рассказ Эллы Савченко «Маяксянь письмõяс».

АРТ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

• Семья в мире и мир в семье

П. Лимеров. Самая первая семья: совсем мифологическая история.....	4
Ю. Бойко. Семья в традиционной культуре прилузских коми.....	8
А. Рассыхаев. Детские игры коми и семейные ценности.....	14
Л. Логинова. Гозъя оломысь. <i>Висьтьяс, кывбуръяс</i>	21
А. Валеvский. Одуванчики Карла Фаберже. <i>Роман в рассказах</i>	27
Е. Игнатова. Муодз копырөн. <i>Кывбуръяс, миниатюраяс</i>	92

• Зырянский мир: визуальная этнография коми

Т. Пьянкова, И. Канева, И. Юлдашев. Коми семья в фотографиях	113
--	-----

• Литература сегодня

Г. Бобракова. Галина Бутырева: «После «Арта». <i>Интервью</i>	130
Л. Вовк. Поэзия начинается с удивления. <i>Интервью с А. Поповым</i>	139
А. Попов. «Созерцать блики речной воды...». <i>Стихи</i>	147

• Арт-факт

А. Разманова. Сон рыбака	156
--------------------------------	-----

• Ы

А. Лосева. Сыктывкарсянь Уфаодз да бөр: луннебөгьсь лист бокъяс	178
А. Быкова. Лöзмик. <i>Мойд</i>	184
Е. Нечаева. Тшакла. <i>Висьт</i>	185
Э. Савченко. Маяксянь письмöяс. <i>Висьт</i>	187

t.me/komiart

Делимся с вами
новостями в Telegram

Присоединяйтесь
к увлекательному чтению!

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал

Республика литература,
публицистика, история,
культурология да
художественной журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год
на коми и русском языках.

Публикация социально значимых тем
осуществляется при государственной поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Республики Коми.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики
Республики Коми, МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Татьяна Логинова.

Главный редактор – Павел Лимеров.

Художественный редактор – Юрий Лисовский.

Технический редактор – Роман Пашнин.

**Заведующий отделом по основным
направлениям деятельности** – Татьяна Малева.

Корректор – Алёна Старцева.

Главный бухгалтер – Татьяна Леончик.

Журнал «Арт»

Зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Республике Коми.
Регистрационный номер и дата принятия
решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 3 (107) 2024 г.

Дата выхода в свет: 18 сентября 2024 г.

Руководитель редакции:

Логинова Т. И.

Главный редактор:

Лимеров П. Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки
и заставок использованы работы
(©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136.

тел./факс: (8212) 201-499.

E-mail: artkomi@mail.ru,

www.artlad.ru

Отпечатано в ООО «Коми

республиканская типография»

с электронных носителей заказчика
в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов.

Подписано к печати по графику – 09.09.2024.

Фактически – 09.09.2024.

Формат: 70х100 1/16. Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,48. Заказ № 24-4696.

Адрес типографии: 167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:

П4453 по каталогу «Почта России»

Все права на материалы, опубликованные в
номере, принадлежат журналу «Арт».

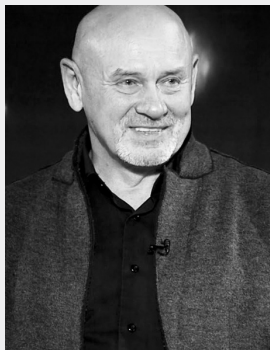
Перепечатка без разрешения редакции
запрещена. При использовании
материалов ссылка обязательна.

Материалы, не опубликованные в журнале,
редакция не рецензирует и не возвращает
авторам. Публикуя материал, редакция не
обязательно поддерживает точку зрения
автора.

www.artlad.ru

Семья в мире и мир в семье

Павел
ЛИМЕРОВ

Павел Фёдорович Лимеров – главный редактор журнала «Арт», член Союза писателей России, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Область научных интересов – коми и русский фольклор, коми мифология, фольклоризм литературы, литературно-фольклорные взаимосвязи, проблемы религиозности народа коми. Автор более двухсот научных публикаций, в том числе девяти книг.

Самая первая семья: совсем мифологическая история

Жил когда-то в селе Маджа богатырь по имени Юрка. Был он неимоверно силен, но прославился не своими героическими подвигами, а обжорством. Снедал его лютый голод, и стал Юрка воровать у односельчан скотину. Многие не досчитались коров и телят. Надоели сельчанам Юркины бесчинства, и решили они его погубить. Подпоили богатыря-обжору хмельным суром-пивом, спеленали верёвками, привязали к ногам два огромных мельничных жернова и сбросили его в воды озера. А чтобы умиловить мятежный дух Юрки, сварили в большом котле каши и всем селом съели её на помин незадачливого богатыря. С тех пор озеро носит имя Юрки, а маджинских жителей называют «маджинскими кашедами». Прямо скажем: не очень красивая история. Это если судить о ней с точки зрения нашего времени. Но если чудесно перенести эту историю во время Мифа, начала всех начал, то убийство Юрки будет выглядеть совершенно иначе.

Время мифа – это эпоха, когда боги создают мир. Собственно, времени как такового в мифологическом веке нет, как нет различия между людьми и животными, правым и левым, верхом и низом, мужским и женским. Мы не знаем, как долго длилась эта сказочная эпоха, но совершилось первое убийство. Индийские боги убивают первого великана Пурушу, расчленив его тело, скандинавские боги то же самое делают со своим великаном Имиром, в мифах других народов общество убивает жертву – так или иначе из тела этой мифической жертвы создаётся мир, произрастают растения, употребляемые людьми в пищу. То есть люди живут, питаются плотью принесённого в жертву бога. Но миф говорит и о другом. Когда в мир пришла смерть, закончилось Время Мифа, и потекло наше историческое время со всеми современными реалиями. Но само прекращение Времени Мифа подобно взрыву, словно единая субстанция разрывается на части и возникают пары противоположностей: жизнь и смерть, добро и зло, верх и низ, левое и правое, мужское и женское. Происходит разделение полов, появляется возможность

продолжения рода и рождения. И все наши обряды, ритуалы и праздники являются по сути повторением этого первого жертвоприношения и направлены на то, чтобы поддержать бытие мира.

Читатель-скептик вправе спросить: а причём здесь предание о Юрке и заявленная тема семьи? Конечно, Юрка, как и маджинские кашееды, здесь ни при чём, просто предание сохранило сюжет того мифического жертвоприношения, когда всё только ещё начиналось. И вот, небо отделилось от земли, правое от левого, а мужчины от женщины. И снова вопрос скептика: а как же всем известный красивый миф о Ене и Омёле (Боге и Чёрте), которые в обликах утят или лебедя и гагары создают мир? Современный человек привык полагаться только на одну точку зрения, к примеру,

если доказано наукой, что земля – шар, а человек произошёл от обезьяны, то других мнений быть вроде и не может. Но древние люди были другими. Они не имели единой религиозной или научной доктрины, каждый народ верил в своих богов, создавших мир именно для этого народа. Но народы в течение тысячелетий смешивались, одни – исчезали из большой истории, другие – жили и процветали, но что характерно: боги и мифы исчезнувших народов сохранялись в мифологической памяти. Они становились своими и включались в пантеон наряду с прежними богами. Сюжеты мифов кочевали по всему миру, становились своими для разных, зачастую никак не связанных друг с другом народов. Поэтому один и тот же народ мог иметь сразу несколько мифов о сотворении, но древние и не задумывались

о том, какой из них наиболее верный. Коми народ – не исключение.

Одних только сюжетов сотворения мира можно насчитать порядка десяти. Здесь и сюжеты о творении из яйца, и древнейшие – о нырянии утки и гагары за комочком земли, и невероятные тексты о двух лягушках. Но какое отношение имеют эти мифы к представлениям о семье? Самое прямое. Мифы рассказывают нам не только о том, как создавался мир, но и о том, для кого он создавался. А он создавался для человека, для людей. И вот, когда мир уже приобрёл более или менее комфортный для жизни облик, – посажены деревья, текут реки, ручьи, высятся горы, в лесах обитают звери и птицы, – тогда бог или боги приступают к сотворению венца природы – человека. Самый известный миф – о том, как создав тело человека из глины, Ен (Бог) отправился отдыхать, оставив присматривать за первенцем собаку. Омоль (Чёрт), соблазнив собаку шубой, обслюнявил неподвижное тело и вывернул его наизнанку. Бог, конечно, дал человеку своё дыхание-жизнь, но скверна Чёрта навеки осталась внутри человека. Миф прежде всего объясняет несовершенство человеческой природы, почему в человеке перемешано много всего – и хорошего, и плохого, почему он тяготеет и к Богу, и к чёрту. Этот мотив красной линией проходит через всю мифологию, приобретая разные варианты, вплоть до идеи первородного греха первых людей. Известно из Ветхого Завета, что Бог создал Адама из глины, а из его ребра – жену ему, Еву. Люди говорят, что с тех пор у мужчин на одно ребро меньше, чем у женщин. Впрочем, мало ли что говорят люди, но дело было сделано – в мире появилась первая семья. А дальше, по сюжету Библии, разворачивается история этой семьи, приобретаая постепенно масштаб истории всего человечества.

Подобные «семейные» истории были у всех народов, населяющих этот мир. Некоторые из них были очень похожи на библейский сюжет, другие – не очень, но

все они рассказывали историю первой семьи, от которой произошёл тот или иной народ. Как известно, семейные истории порой драматичны. Вот и мифы акцентируют внимание на первых семейных драмах, ставших с тех пор архетипами всех семейных коллизий.

Вот Ен и Омоль решили создать человека. Вылепил Ен из земли фигуру человека-мужчины и дохнул ему в лицо. И стал первый человек-мужчина на земле. Вылепил Омоль из земли фигуру человека-женщины и дунул ей в лицо один, два, три раза, но не ожила женщина, так как не было в нём животворного начала. Тогда дохнул Ен на творение Омолья, и ожила первая женщина.

Сказал Ен первым людям: «Живите, размножайтесь и властвуйте над землёй и не творите грехов».

После этого Ен выстроил себе небо, ушёл туда со своими ангелами и целых 12 лет не являлся на землю. На двенадцатый год пришёл и спросил у Адама, первого человека: «Где, Адам, твои дети?» И Адам ничего не сумел ответить, потому что ничего не знал о своих детях. Двенадцать лет жена его рожала детей, каждый год по девочке, и каждый год она убивала их сразу после родов, как учил её Омоль. Проклял тогда Ен первую женщину и сказал, что вечно она будет пожирать своих детей. И так была велика тяжесть греха её, что земля не смогла больше держать её на себе. Поглотила земля жену Адама, и превратилась она в смерть, чтобы пожирать своих потомков, а двенадцать убитых ею дочерей стали помощницами своей матери, духами болезней и пороков.

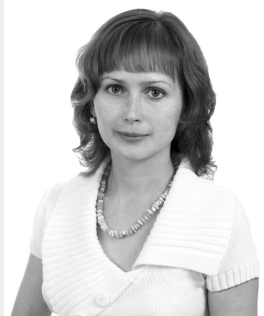
Несмотря на библейское имя первого мужчины, миф не имеет никаких параллелей с ветхозаветным текстом. Первая женщина также лепится из глины, как и Адам, причём её создателем является Омоль-Чёрт, но животворящее начало ей вдыхает всё же Бог. Тем не менее, первая женщина тяготеет к Чёрту, вот и попадает под проклятие Бога. Однако первая семейная

драма получает поистине космический масштаб. Именно после создания первой семейной пары Ен отдаёт под их власть всё пространство сотворённой им земли, всех птиц и зверей, а сам для себя творит верхний небесный мир. И уже после его проклятия женщина превращается в смерть и, провалившись под землю, открывает таким образом нижний мир мёртвых, будущую резиденцию Омёля-Чёрта. Так что первая семейная драма завершилась переобразованием всего мира: отныне мир состоит из трёх уровней. Небесный уровень забирает себе Ен, бог неба, средний, земной достаётся человеку, а нижний уровень становится обителью мёртвых, подпадая под эгиду Омёля.

А что же Адам? Он заскучал без жены. И чтобы ему не было скучно, Ен проделывает уже известную хирургическую операцию, удалив у спящего первочеловека одно ребро и сотворив из него другую женщину – Еву, как утверждается в мифе – женщину чистую и непорочную. Это была уже другая история, не менее драматичная, чем предыдущая, однако Ен перестал вмешиваться в дела людей, ушёл на веки вечные на небеса. Ну а люди стали такими, какими стали.

В чём смысл всей этой мифической истории? Да в том, что какая бы ни была семья, мир начинается с её создания и на ней держится. Это аксиома, утверждённая мифом, а мифам, как известно, не одна тысяча лет.

Юлия
БОЙКО

Юлия Ивановна Бойко,
кандидат исторических
наук, научный сотрудник
сектора этнографии
Института языка,
литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

Семья в традиционной культуре прилузских коми

Этнографическая группа прилузских коми, проживающая в бассейнах рек Лузы и Летки в юго-западной части Республики Коми (по современному административному делению – Прилузский район Республики Коми), отличается этническим и языковым своеобразием, а также характеризуется земледельческим типом хозяйства и связанной с ним культурно-бытовой спецификой.

Семья прилузских коми конца XIX – начала XX в. являлась самостоятельным социально-экономическим институтом, представляла собой хозяйственную единицу, как правило, объединявшую близких родственников: родителей, взрослых женатых сыновей, их детей. Наряду с малыми, состоящими из нескольких человек, встречались и неразделённые семьи, численность которых могла достигать 30-50 человек (Белицер, 1958. С. 285, 290). Так, у южных коми ещё в 30-е гг. прошлого столетия были зафиксированы многоизбные дома, состоящие из чётного количества отдельных изб (срубов), поставленных по мере увеличения большой семьи, ведущей общее хозяйство, связанное с земледелием (НА МАЭРАН Ф. К-V. Оп. 1. Д. 101, с. 1-9; 23-28; Белицер, 1958, с. 181).

Молодые пары.
с. Слудка. 1950-е гг.

Для обозначения группы родственных семей у прилузских коми применяется термин *рöдвуж*. Родственная общность проявлялась в обычае взаимопомощи. Родственники объединялись во время различных работ, требовавших коллективного труда *помеч*, принимали участие в наиболее значимых событиях жизни членов семьи.

Вопросы внутрисемейного характера, такие, как наследование, семейные раздоры и заключение брака, выносились на мирские сходы общины. Большинство браков заключалось внутри волостной общины, что должно было обеспечивать единство и сплочённость данного коллектива. Поэтому приём в дом зятя из другой общины был сопряжён с большими трудностями (Соловьев, 1987, с. 156).

Вступление в брак осознавалось как необходимый и важнейший этап жизненного цикла, закладывавший фундамент последующего хозяйственно-экономического благополучия, физического, нравственного здоровья человека. Замужество женщины, как и женитьба мужчины, в традиционной культуре символизировали окончательное оформление женского и мужского статуса.

В среднем брачный возраст в конце XIX – начале XX в. для юношей колебался от 20 до 25 лет, возраст невесты составлял 16-20 лет. При выборе подходящей кандидатуры родители в первую очередь обращали внимание на социальный статус семьи, достаток в доме, здоровье, трудолюбие, добропорядочность. Представления о важной роли семьи и преемственности поколений отразились в одной из пословиц: «*Кутшöм пу сюрöс, сэтшöм и ул-бадь*» (букв.: Какова сердцевина дерева, таковы и сучья). Как правило, брак заключался между родами с одинаковым достатком, о чём свидетельствовало выражение: «*кыдзи рöдитчан, сідзи и сунитчан*» (букв.: как родишься, так и сунешься).

Не менее значимым аргументом в выборе партии являлась экономическая це-

Свадьба Анны и Василия Шулеповых.
с. Объячево. 1962 г.

лесообразность, этим объяснялись также зафиксированные ранние браки (15 лет); большое возрастное неравенство супругов.

Соблюдался обычай старшинства в браке: старшие дети вступали в брак раньше младших. Перед началом свадебных обрядов обращались к священнику за благословением, дававшимся только после проверки степени родства и выяснения, не являются ли будущие жених и невеста родственниками по прямой и боковой линии.

Как правило, свадьбы игрались в свободный от сельскохозяйственных работ период. Согласно традиционным представлениям, благополучие семьи зависело от времени проведения свадебного обряда, которое регламентировалось церковным календарём. Несоблюдению запрета на брак во время церковных постов приписывали различные несчастья в семье: «*кодi постнас петö, всё равно налöн олöмыс не*

Семейная пара. с. Прокопьевка.
Первая половина XX в.

сэтшöм, абу бур олöмыс' 'кто в пост выходит <замуж, женится>, всё равно у них жизнь не такая, не хорошая жизнь'.

Основной формой заключения браков был свадебный ритуал, который представлял собой сложный комплекс обрядовых церемоний. В числе наиболее значимых из них было сватовство (*корасьöм*). Обязательным являлось нечётное количество участников сватающей группы, в состав которой входили родители и крёстные жениха. Сваты, приходившие обычно поздно вечером, зайдя в дом невесты, проходили по одной половине: «Лактасны корасьсны дай, öтик пöлья мунöны, шöр лабичас пуксясны, но корасьсны ли мый лактін пö?» ('Придут свататься, по одной половине идут, на центральную лавку сядут, ну что, мол, свататься пришли?'). Для объяснения цели своего прихода разговор начинали в иносказательной форме: «Ми татчö воштiм чышъян, да лактiм корсьсны» 'Мы здесь потеряли платок, пришли искать'; «Кепысь пöлнымöс воштiм да, танi кепысь пöлным, лактiм кепысь пöлла» 'Рукавицу

одну потеряли, здесь рукавица, пришли за рукавицей», «Колö миянлы кукань небны, тiян кукань» 'Надо нам телёнка купить, ваш телёнок', «Танi тыра кук эм, кöсьям ньöбны тыра кук» 'Здесь стельная телушка есть, хотим стельную телушку купить'. Традиционных формул придерживались и родители девушки. Так, не желая отдавать дочь за предложенного жениха, старались не обидеть сватов, отговариваясь, например, молодостью невесты: «Миян бычко эськö эм да, только пышъялö, кутнысö ог вермы. Тайö домö лактiс. Тiян видзан куканьыд эм?». А миян мам, кыла, шуö: «Миян вед куканьпыис эм да вед ёна нэр на» ('«У нас бычок есть, только убегает, поймать не могу. В этот дом пришёл. У вас есть телка?» А наша мама, слышу, говорит: «У нас телёнок есть, но ведь очень ещё молодой»'); отказывали в вежливой форме: «тiян вина миянлы рюмкаас оз тöр» 'ваше вино в наши рюмки не влезет'.

Современные полевые материалы указывают на сохранение значимой роли родителей в брачном выборе детей: «А ко мне жених пришёл, я говорю маме: «Мам, ме некытчö ог мун» ('Мама, я никуда не пойду'). Мама мне ответила: «Валечка, колмас мунны, тi вед менам, шуö, витöн. Ме нин самовартö пöсьöда, ме нин пызан вылö тэныд лэпта, ме нин чайтö тэныд кисьта, тэ только öтлаад пуксы да пукав, да ю».

Летские девушки-невесты. с. Слудка. 1950-е гг.

Семья. с. Объячево. 1930-е гг.

Сідзи мам и вёчис, а ме ачым эг. ('Валечка, придётся идти, вас у меня пятеро. Я уж самовар поставлю, я уж стол тебе накрою, я уж чай тебе налью, ты только вместе садись и сиди, пей. Так мама и сделала, а я сама – нет'). Хоть уже и дружили вместе, как брат с сестрой, два года, а корасьны лактіс, дак ме шуа, ог мун ('а свататься пришёл, дак я говорю – не пойду'). Вот у меня мама и разо-злилась: пойдёшь, никуда не денешься, кого ещё будешь ждать, кто ещё к тебе подой-дёт? Вот так и пошло дело»; «Я не дружила ни с кем, а ко мне свататься пришли. Мать говорит, это ведь знакомый человек, из одной деревни, что ты пойдёшь куда-то, нас оставишь, а тут рядом будем жить. И я согласилась»; Меня сватать приходили. Мать у жениха приходила, спрашивала, хо-чу ли пойти за её сына замуж. Мы с женихом друг друга знали, местный тоже был, но не дружили. Меным мам шуис: «Тэ, ныланэ, менам дінын не олысь» ('Мама мне сказала: «Ты, доченька, со мной жить не сможешь»').

И тогда я согласилась замуж выйти <...> До этого тоже сватались другие, не согла-шалась. А тут согласилась. Всё время ведь в девках не будешь жить. Пора было уже замуж выйти, 21 год исполнился дак»; «На этой же улице у мужа невеста до меня была, невеста-то сама согласна была, пригласи-ла, чтобы пришли с вином договориться о свадьбе. А мать-то не дала, отказала».

Благоприятный исход сватовства за-креплялся обрядом кикутём рукобיתье: жених и его родня приходили в дом роди-телей невесты, приносили с собой пиво, позднее самогон или водку. Принесённым напитком угощали невесту, после чего, как считалось, она уже не могла отказаться от свадьбы. В тот же день договаривались о свадебной дате, количестве гостей с обеих сторон, обговаривали состав подарков ко-зин для родственников жениха, приданого. В приданое, как правило, входила вся одеж-да просватанной девушки, постельные при-надлежности, предметы домашней утвари, домашний скот. Так, по воспоминаниям од-ного из информантов: «Корисны мёс, ыж, самёвар, вурсян машина, дёра (едждыдос и сераос), ыж ку пась, лёз либё съод дукос, сизим сарапан, дас кык ки чышкёд, квайт дёрём, нель шаль, вит вонь, нель русска. Невесталы колё новлыны ассъыс лопотёсё куйм во» 'Попросили корову, овцу, самовар,

Семья. с. Прокопьевка. Первая половина XX в.

швейную машину, холст (белый и пестрядь), овечью шубу, синий либо чёрный суконный кафтан, семь сарафанов, двенадцать полотенец, шесть рубах, четыре шали, пять поясов, четыре русски. Невесте надо носить свою одежду три года! В подготовке приданого и подарков также принимали участие родственницы и подруги невесты.

У летских коми статус невесты маркировался ношением традиционного девичьего головного убора *головец*, представлявшего собой венчик на берестяной основе, обтянутый красным сукном и вышитый разноцветным бисером, и особой причёской – косой, украшенной разноцветными лентами. Существовала традиция предсвадебного посещения родственников с целью извещения о предстоящей свадьбе и приглашения к назначенной дате.

Накануне дня свадьбы проводили прощальный вечер у невесты – девичник *кариз-на*, *блин сёян рыт*, *рытва*, приходившийся на субботу, основным событием которого являлась обрядовая баня – *невеста пывсьёдём* 'парение невесты'. Суть последнего вечера перед свадьбой состояла в прощании невесты с девичьей жизнью, с родными. До отправления в баню крёстная убирала ленты и расплетала косу – символ девичества невесты, исполняла специальные причитания. Мытьё невесты в бане сопровождалось песнями, частушками, у летских коми также стрельбой из ружей холостыми патронами – «девичью жизнь прогоняли».

Основными обрядами этапа свадьбы являлись передача невесты жениху, пир в доме невесты, венчание, пир в доме жениха, ритуальное укладывание молодых. Тёща дарила вышитое полотенце и надевала жениху рукавицу из овечьей шерсти, «*чтобы держал дочь так же мягко, как в рукавицах*», при этом невесте надевали другую рукавицу, после чего они, взявшись за руки, обходили вокруг стола по солнцу. Родители благословляли молодых, стоявших под матицей, иконой, хлебом-солью, топлёным маслом, «чтобы, как по маслу, жизнь шла».

Ключевым элементом свадебного обряда являлась перемена причёски и головного убора невесты. Ритуальный акт надевания женского головного убора, маркирующий смену социального статуса девушки-невесты, повсеместно впервые проходил после венчания, когда крёстная жениха заплетала невесте волосы, делая причёску замужней женщины *водзын шмак* «шмак спереди». С середины 30-х гг. XX в. венчание как обязательный элемент обрядности заменилось домашним родительским благословлением, причёску замужней женщины невесте стали делать в доме жениха до начала свадебного застолья или на следующий день после свадьбы.

Свадебный обряд был насыщен символической плодородия: молодых осыпали хмелем, шерстью, куриным или утиным пухом, чтобы «так же легко жили, как пух»; «чтобы лёгкими и шустрыми были, как хмель»; на праздничном столе обязательно была пища, наделяемая в народных представлениях продуцирующими характеристиками, – куриные яйца, блюда из зерновых культур. В первую брачную ночь в числе обязательного пожелания для молодых было иметь много детей: «бура узьё, вёчö зонтор» 'хорошо спите, делайте мальчонку', при этом крёстная жениха раздавала всем пришедшим варёные яйца, привезённые родственниками невесты; на третий день свадьбы в дом заносили зыбку: «зыбка-то обязательно, чтобы дети были у молодых»; 'на свадьбу зыбку заносили, чтобы в первый же год ребёнок уже родился'.

Основным обрядом второго дня было вручение невестой подарков новым родственникам *козьнасьём*. В качестве подарков чаще всего выступали элементы одежды, отрезы фабричной ткани. Новобрачная, вручая подарки каждому из присутствующих, угощала пивом, варёными яйцами, при этом узнавала, как ей обращаться к новым родственникам: «*Позтыр сеталны мёдамö да: «Позтырсö любитан дак, босьт и вись-тал, кыдзи тэно колö шуны». Энька мамыд*

босьтіс позтыр да шуё: «Ме позтыртё сёя, а тэ шу менё, кыдзи мужикыд шуны мёдас. Сідзи тэ менё и шу. Ме тэныд лоа мам, энъ-ка мам» ('Яйцо будем давать и [говорим]: «Яйцо любишь дак, возьми и скажи, как тебя называть нужно». Свекровь взяла яйцо и говорит: «Я яйцо съем, а ты называй меня так, как муж твой называть меня будет. Так ты меня и называй. Я тебе буду мамой'»).

Во второй или третий день свадьбы проходили испытания молодой на выдержку и спокойствие: в её обязанности входила уборка помещения, где игралась свадьба. Задаваемые новобрачной в доме мужа работы имели также иную цель – ввести её в круг предстоявших повседневных занятий.

В летний период проводился обряд послесвадебного «купания» невесты, символизировавший приобщение молодухи к новой социально-возрастной, семейно-родовой и иногда территориальной группе: *«летом обязательно купали в реке всех, кто вышел в этот год замуж, говорили вёчам мёлёдка»* ('делаем молодку'), такая была традиция; *«если молодая до замужества жила в другой деревне, то когда её купали в реке, говорили: «теперь ты наша»*.

Первый год семейной жизни, считавшийся переходным, характеризовался как опасный, особенно для новобрачной: в это время женщине запрещалось посещать кладбище, принимать участие в погребальном обряде, отлучаться надолго из дома. В течение первых трёх лет после замужества

женщину называли молодой, говорили: *«Куим во тэ молодка, сэсса нин лоан колодка»* 'Три года ты молодка, потом уже станешь колодка'. С окончанием данного периода завершался переход молодой в группу замужних женщин, закреплялся новый социальный статус.

Семья считалась благополучной и счастливой, если в ней были дети. Первостепенная роль в обеспечении должного ухода и заботы о детях принадлежала матери, говорили: *«Мамыд кё куліс, батыыд сизим во нин возджык кулліс»* букв. 'Если мать умерла, то отец семь лет уж как умер'. По причине постоянной занятости родители не могли уделять много внимания своим детям, однако всегда проявляли заботу, терпеливость. Требование ответственного отношения к детям хорошо выражено в данной поговорке: *«челядьыс тэно эз корсьны, тэ нидас корсин»* 'дети тебя не искали, ты их искала'.

Как показывают полевые материалы, создание семьи относилось к строго регламентированной сфере поведения человека, санкционировалось свадебным обрядом с участием родственников и односельчан. Являясь основным хозяйственно-экономическим элементом структуры общества, организуя трудовую деятельность и быт людей, именно семья способствовала сохранению и передаче культурных ценностей, определяющих в целом специфику группы прилузских коми.

Источники и литература:

Научный архив Музея антропологии и этнографии РАН (НА МАЭ РАН): Ф. К – V. Оп. 1. Д. 101. Супинский А. К. Культура жилища коми-зырян, 1935.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – перв. пол. XX вв. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 373 с.

Соловьев В. В. Семейно-имущественные отношения коми крестьянства XVIII – XIX в. // Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1987. (Тр. / АН СССР, Коми филиал, Ин-т языка, литературы и истории; вып. 39). С. 68–84.

Информанты:

Зизганова Августа Михайловна, 1944 г. р., д. Берёзовка, запись 2008 г.

Галева Елизавета Васильевна, 1918 г. р., с. Черёмуховка, запись 2008 г.

Лобанова Валентина Спиридоновна, 1937 г. р., с. Черёмуховка, запись 2018 г.

Осипова Вера Павловна, 1938 г. р., с. Прокопьевка, запись 2018 г.

Перминова Акси́нья Семёновна, 1938 г. р., с. Черёмуховка, запись 2018 г.

Перминова Прасковья Ивановна, 1926 г. р., с. Черёмуховка, запись 2018 г.

Югова Альбина Ивановна, 1960 г. р., с. Прокопьевка, запись 2018 г.

Алексей
РАССЫХАЕВ

Алексей Николаевич Рассыхаев – фольклорист, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра. Специалист в области детского фольклора, народных игр, устной несказочной прозы, полевой фольклористики. Автор более 170 научных и научно-популярных работ, в том числе трёх монографий, четырёх сборников народных игр коми и фольклорных текстов, составитель и ответственный редактор научных и научно-популярных книг.

Детские игры коми и семейные ценности

Одним из уникальных явлений традиционной духовной культуры является игра. Для человечества это и форма досуга детей и молодёжи, и средство воспитания и развития различных физических и психологических качеств, и социализация личности.

Игр у коми народа зафиксировано исследователями немало. Игровая культура коми отличалась разнообразием. Как ни относились бы в наше время к традиционным играм, многие из которых уже подзабыты в народной среде, они обладают педагогическими свойствами и востребованы в образовательных и культурных учреждениях. И не только. Народные игры, приложив небольшие усилия, могут стать украшением повседневного быта современной семьи, стать средством воспитания и закрепления представлений о семейных отношениях, знакомства с традиционной культурой коми.

Особенно быстро из повседневной жизни уходят игры с различными природными материалами, которые становятся менее доступными в связи с урбанизацией и изменением образа жизни, системы питания, организации досуга. В игровой традиции коми такими естественными материалами были косточки водоплавающих птиц, боровой дичи, домашних и диких животных. То есть всё то, что окружало быт коми охотников и рыболовов, вынужденных также заниматься хлебопашеством и отхожими промыслами.

Любимыми игрушками были куклы, которые на коми языке называют *акань*. Выдающийся лингвист, финно-угровед

Косточки утки и рябчика, используемые в детских играх. Фото А. Н. Рассыхаева. 2024 г.

В. И. Лыткин предположил, что первоначальное значение этого слова – «маленькая (игрушечная) сестрёнка, женщина». Позже оно было заимствовано мансийским и хантыйским языками.

Коми первоначально изготавливали кукол из различных подручных материалов. Обычно играми в куклы забавлялись младшие девочки. Опрошенные нами старожилы говорят, что играли лет до десяти. К куклам относились бережно, они переходили по наследству от старших к младшим сёстрам. Рассказывали о том, что некоторые девушки, даже будучи уже невестами, играли ими, не могли с ними расстаться и забирали с собой в семью мужа как частичку беззаботной жизни в родительском доме.

По работам исследователей, самыми ходовыми, по крайней мере в XX веке, были тряпичные куклы. Однако из рассказов информантов видно, что вид игрушек сильно варьировался – от кукол-скруток до гибридного, состоящего из костей, полена, щепок, бумаги или ткани.

Чаще всего кукла представляла собой простую по конструкции антропоморфную игрушку – небольшой тканью, материалом или платочком накрывали полено или лучинку; она не имела ни головы, ни ног. Краевед Н. С. Калинин из с. Вендинга Удорского района в своих воспоминаниях пишет об игре в куклы: «Девочки играли в куклы (*тятюкён*). Куклы делали сами дети с помощью взрослых. Основа куклы выполнялась из куска лучинки. На месте головы наматывали кудельку, поверх которой надевали тряпицу, и на ней рисовали черты лица. Туловище куклы покрывали кусками разноцветной ткани. Играли в куклы обычно 2-3 девочки-подружки, изображая с помощью кукол различные детские или взрослые жизненные события».

На Вишере кукол небольшого размера делали из связанных крест-накрест щепок, поверх накидывали ткань, которую зашивали сбоку, – получалось нечто, напоминающее платье. На вертикальную щепку нама-

Акань. Мастер – Анна Сурнина
(с. Подтыбок, Корткеросский район).
Фотография Е. Б. Рассыхаевой. 2024 г.

тывали ткани, формируя голову, – на ней чертили глаза, рот, нос.

Некоторые девочки хранили кукол в специальном лукошке, которое так и называли – *акань чуман*. В нём было удобно переносить кукол и ходить в гости к подружкам. Играя, куклам готовили постель, их укладывали спать под пение колыбельных песен, услышанных от матерей. Забавляясь, таких куколок сажали в птичьи грудинки (*кёя*), служившие санками.

В семьях с достатком кукол изготавливали из оставшихся после кройки и шитья лоскутков, старой изношенной одежды. Простеньких кукол и их наряды не всегда шили с помощью ниток. Изготовление куклы проходило под присмотром и руководством старших девочек, мам или бабушек. В ходе такого совместного труда девочки овладевали навыками шитья и ремонта одежды. Куклы могли иметь несколько нарядов (платье, сарафан, юбка, кофта).

Кукольная семья. Мастер – Наталья Шелепанова (с. Подтыбок, Корткеросский район). Фотография из социальной сети ВКонтакте. 2024 г.

По рассказам женщин, куклы мужского пола отличались от женских. Мальчиком-куклой могла быть даже овечья кость, обёрнутая тканью. Также таким куклам иногда шили штанины из бумаги как наиболее отличительный элемент мужской одежды.

Чуть позже в коми сёлах появились купленные в магазине куклы, которые называли *роч акань* 'русская кукла'.

Обычно куклы состояли в родстве друг с другом, а различие размеров игрушек обозначало разницу в возрасте. Старшая кукла или сама играющая девочка считалась матерью остальных кукол. Обязательно куклы имели имена. Как правило, им давали имена ближних родственников по женской линии – сестёр, мамы, тётушек и бабушек.

Играя в куклы, девочки воспроизводили те бытовые и обрядовые ситуации, которые видели в своей жизни. И в первую оче-

редь такие игры были связаны с обрядами жизненного цикла – рождением ребёнка, свадьбой, похоронами. Памятливые девочки способны были даже оплакивать выданную замуж куклу-невесту.

Умерших кукол могли хоронить в спичечных коробках, служивших гробиками. На импровизационных могилах, вырытых у амбара, бани или на картофельной грядке, ставили крест. При этом взрослые не приветствовали, когда дети играли в похороны. Коми-ижемка из с. Казым (ХМАО) вспоминает о детских годах: «Кукла умрёт, и её похороним, в песок зароем. Обругает мама: «Куда дела куклу?» Мол, она умерла, и в песок я зарыла. Меня потом за волосы дёрнули. «Ищи, куда зарыла!» За уши, за волосы вывели на улицу – искала и нашла». Разыгрывая с куклами разнообразные бытовые сцены, девочки с детства осваивали нормы семейных отношений и выстраивали стратегии поведения.

В олениводческих семьях специально для куклы могли шить малицу (*мальча*). Однако это уже современная практика, а изготовлением одежды из оленьих шкур занимались женщины, чтобы показать рукоделие на выставках.

В тех семьях, где мужчины занимались охотой, были распространены игры с птичьими косточками, оставшимися после облавы боровых птиц. Среди них выделяли косточки, по форме напоминающие всадника, лошадь, сани, оглобли и дугу. Рассказывая о форме косточки, старшие в доме сажали на грудную косточку всадника, в некоторых местах называемого *вожа* *лы* 'развилка', *морт* 'человек'. В перевёрнутом виде она напоминала сани, в которые девочки усаживали во время игр небольших по размеру куколок.

Специально для игр взрослые сооружали из досок домик (*чом*). Как и в большой крестьянской избе, в нём можно было найти домашнюю мебель и утварь – кровать, стол, скамейку, посуду. В качестве посуды использовались сломанные чашки, тарел-

ки, баночки. Также дети самостоятельно изготавливали простенькую посуду из красной или голубой глины. Из песчинок (как будто крупа) варили кашу, из грязи – суп с добавлением травинки, камешков. Из глины лепили хлеб, шаньги и рыбники. Пожилые женщины вспоминают об игре в домике: «как дома живёт мама, готовит, так же и играешь» (дер. Сюзяйб, Корткеросский район). Девочки старались повторять все те же действия, что видели дома. Играя, дети могли приготовить «всамделишную» еду: ели хвощ полевой (куз турун), щавель (шома кор), различные ягоды и т. д. В с. Ыб Сыктывдинского района девочки, подглядевшие за семейными традициями подготовки к праздникам, готовили «вино» из жимолости (уж нён), черники, брусники – для этого толкли ягоды в воде.

В игровой культуре коми-ижемских оленеводов выделяются игры с оленьими косточками и рогами. Игры, объединённые «олeneводческой тематикой», можно назвать программирующими, т. к. содержат важную информацию, которую взрослые и старшие передают детям в непринуждённой форме. Несомненно, что эти игры являются заимствованиями, осуществлёнными в период освоения коми-ижемцами оленеводческого типа хозяйствования у тундровых ненцев (с сер. XVII в.). Однако, бытуя среди ижемцев, игры приобретают специфические черты. К примеру, колорит проявляется в специфической терминологии – названии оленей и упряжек.

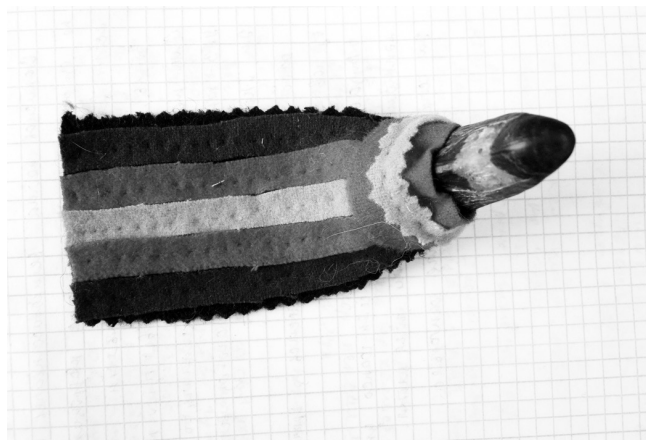
Пожилые оленеводы сообщили, что вычищенные оленьи косточки (бабки) собирались в меховые сумочки (падку) и перевозились во время кочевий. Косточки в забавах становились оленями. В зависимости от величины их называли: *бык* 'олень-самец' – самая крупная косточка, *важенка* 'олень-самка' – средняя косточка, *теля* 'олёнок' – косточка поменьше. В свободное от хозяйственных занятий время взрослые раскладывали бабки перед детьми, рассказывали

о количестве оленей, которых нужно запрячь в упряжку летом или зимой, о порядке следования упряжек в оленьем обозе (*аргыш*), назывании видов оленей и т. д. Дети постарше, особенно мальчики, играли уже без присутствия взрослых.

Рассказывание о порядке следования оленьих упряжек и видах оленей во время игры с косточками выглядит как обучающий процесс. В оленьем аргише назывались виды упряжек и их использование для езды или перевозки грузов: *яшиш* 'ящик', *сябыча* 'сани для постельных принадлежностей', *чом додь* 'сани с принадлежностями для чума (чом утича) и конструкциями для чума' (чом лес). Если запряжены пять оленей, что чаще бывает летом, то детям называется терминология ездовых оленей: *вёжжевей* 'передовой', *вёжжывыйдор* 'олень, стоящий рядом с передовым', *шёрпелей* 'центральной пристяжной олень', *нимтэм пелей* 'безыманный олень', *дорпелей* 'крайний олень'. Приводятся команды для собак, чтобы собрать и направить оленьё стадо: «Пырь!» Олень, стоящего рядом с передовым, вместо *вёжжывыйдор* информанты иногда называют *водзвыйдор*. Рассматривая пятёрку оленей, запряжённых в зимнее время в нарты, М. А. Терентьева (1932 г. р., дер. Волоковая) удивительно точно отметила, что их расположение и названия – это «как пальцы».

Игра «Перегони оленью упряжку».
Фото А. Н. Рассыхаева. 2014 г.

Кукла из утиного клюва, украшенная разноцветными полосками сукна. Фото А. Н. Рассыхаева. Посёлок Харута, Ненецкий автономный округ. 2016 г.

Клюв казарки с опушкой. Использовался в качестве куклы. Фото А. С. Пономаревой (пос. Каратайка, Ненецкий автономный округ). 2024 г.

Во время игры дети передвигали косточки, имитируя кочевание стад, переезды обозов, ловлю оленей, роспуск упряжек и т. д. Чтобы отличать косточки, дети иногда ставили условные знаки собственности (*пасторьяс*) на свои бабки, обозначающие оленей, и всячески следили за тем, чтобы ими не играли другие ребята. По сути, описанные игры являются имитационными, которые не предполагают соперничества.

Весьма разнообразны игровые вариации с использованием оленьих рогов. По рассказам некоторых информантов, рога не перевозили с собой во время кочевий, а оставляли на стойбищах и при следующем возвращении на прежнюю стоянку пользовались ими. В некоторых случаях дети накапливали разветвлённые рога и перевозили в детских нартах (*хануку*). В забавах рога, которые держал в руках ребёнок, становились оленьими, запряжёнными в упряжку и подгоняемыми хореём. Дети имитировали ловлю арканом условных оленей, разбор и установку чума на новом месте. Иногда сами дети запрягались оленьими, а сзади них располагался ездок с хореём.

При возможности взрослые устанавливали для игр специально сшитый из оле-

ньих шкур чум небольшого размера (*чом*). Это особое пространство, в котором с максимальной точностью воспроизводится оленеводческий быт. В игровом чуме дети готовили пищу, обедали, им даже разрешали разводить костёр.

Девочки из оленеводческих семей играли куклами, сделанными не только из бумаги, ткани, но и из клювов водоплавающих птиц. Вообще, следует отметить, что куклы из птичьих клювов распространены среди оленеводческих народов Севера.

В качестве «природной» куклы использовался как утиный клюв, так и клюв других водоплавающих птиц, прежде всего гусиный. Пёстрая расцветка с головы птицы, которую снимают вместе с клювом, служит для естественно-природной куклы красочной одеждой – сарафаном. Вот как описывает эту игру Татьяна Алексеевна Выучейская из Канино-Тиманской тундры: «У уток и гусей клювы с головой снимали, пух-то остаётся, расправишь только. Сушили. Сарафаны не пришивали, нам достаточно было меховушки с головы, она как раз размером с сарафан была. Играя в куклы, подражали родителям: кормили своих куколок-деток, качали в люльке-потане, на «аргише» с ни-

ми ехали. Куколок бывала целая семья: мама-папа, дедушка и бабушка, дети».

Стараясь сделать игрушку красочной, иногда к гусиному клюву пришивали разноцветные полоски сукна (*ной*) – красный, зелёный, оранжевый и др. Весьма любопытные сведения относительно родства в кукольной семье предоставила информантка из пос. Каратайка. По её мнению, играя с птичьими клювами, в семье были только «отец» и «мать», и в очень редких случаях их «дети». Это обстоятельство объясняется тем, что оленеводы охотятся только на крупную, взрослую дичь – самцов и самок, но не на птенчиков. Отсутствием маленьких клювов птенцов, возможно, объясняется редкость в утиной семье детей. Таким самодельным куклам не давали имена, но они имели глаза – отверстия в клюве, что коренным образом отличает их от сделанных своими руками традиционных игрушек.

Примечательно, что для кукол из птичьего клюва, имеющих «глаза» и пёструю одежду, у ижемских коми оленеводов имеется собственная терминология – *гузуныр*, что звучит как некий устрашающий демоним. В словарях это слово не зафиксировано, хотя можно предположить, что первая часть гугу этимологически связана с *гуг*, *гуга* 'оборотная сторона, изнанка', *ныр* 'нос, клюв'. Довольно часто куклы из клювов водоплавающих птиц упоминаются в исследованиях по ненецкой культуре.

Среди мальчиков популярной была игра с вилообразной косточкой (*вожа лы*). Использовали косточку таких птиц, как рябчика, утки, куропатки и даже гуся. Игру называли *Чегсян лы* 'Кость для разламывания' или *Помнитчём* 'Память'. Она могла начаться сразу же после того, как в семье за столом обглодали косточку. В игре участвовали двое, иногда продолжительностью в несколько месяцев.

Играя, двое держались за концы косточки и тянули её в свою сторону до тех пор, пока она не отламывалась. Тот, кому доставалась большая часть косточки,

оставлял её себе. В следующий раз ему нужно было найти подходящий момент и протянуть своему сопернику большую часть косточки. Второму игроку следовало сначала сказать: «*Босьта да помнита!*» 'Беру и помню!' и только после этого взять разломленную косточку. С этого времени уже он искал возможность, чтобы как-то поймать первого игрока – неожиданно протянуть ему косточку. Если игрок брал в руки косточку и забывал сказать условленные слова, ему напоминали: «*Паметуй!*» 'Помни!' Это означало, что он проиграл и ему нужно отдать победителю то, на что договаривались. Обычно игроки заранее улаживались о том, что победителю нужно отдать сладости, печенье, пряник, выпечку, деньги или выполнить какую-то работу вместо этого (занести воду, расколоть дрова, помыть посуду). Иногда играли на интерес, развивая память и бдительность. Дети могли перед началом просто договориться, что у кого окажется большая часть косточки, тот сразу объявляется победителем игры и может придумать задание своему сопернику.

Обучение традиционным коми народным играм современных детей не теряет своей актуальности. Игра с самого детства сопровождает человека. Сначала с младен-

Игрушечный трактор-трелёвочник.
Изготовлен Андреем Дураковым из дер.
Щелино, Ненецкий автономный округ.
Фото А. Н. Рассыхаева. 2023 г.

цем играют мама, отец, бабушка с дедушкой; чуть набравшись сил, ребёнок уже сам начинает играть. А когда у него руки-ноги окрепнут, и ума-разума наберётся, проводит со сверстниками весь день.

В жизни ребёнка игра занимает большое место. С её помощью он развивает ум, умения, способности, силы, знакомится с неписаными законами, объясняет взаимоотношения между людьми, учится ладить со сверстниками, готовится войти во взрослую жизнь. Уже в игре проявляется характер: кто-то всегда впереди и ведёт за собой остальных, кто-то постоянно в тупиковом положении и всё время ждёт помощи, кто-то бесконечно крутится и, несмотря ни

на что, ищет пути выхода. Испугавшегося, приbedняющего игроки приструнивают, дразнят, дают нелестные клички, а смелого прославляют. Так было и будет всегда. Со сложившимся в разнообразных играх характером и живёт потом человек.

Знакомство с народными играми приобщает подрастающее поколение к коми культуре, показывает её своеобразие и богатство, повышает уважение к коми культуре. С помощью игры можно заполнять досуг детей и молодёжи, но всё же хочется, чтобы она не только вошла в жизнь ради времяпрепровождения, а помогала растить активного, побеждающего трудности человека.

Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Поэтика фольклора народов Европейского Севера России в синхронии и диахронии» (рег. № 121051400044-2).

Литература:

- Детский фольклор коми: игры / Автор-составитель А. Н. Рассыхаев. Сыктывкар, 2023. 524 с.
- Несанелис Д. А. Раскачаем мы ходкую качель. Традиционные формы досуга сельского населения Коми края (вторая пол. XIX – первая треть XX вв.). Сыктывкар, 1994. 168 с.
- Рассыхаев А. Н. Новые источники по народным играм ижемских оленеводов // Филологические исследования – 2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (14–17 октября 2014 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2014. С. 45–49 (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН).
- Рассыхаев А. Н. Игровая культура ижемских оленеводов: к вопросу о коми-ненецких межкультурных контактах // Вестник угроведения. 2017. № 2. С. 119–126.
- Шарапов В. Э. Традиционные куклы в поверьях коми // Атлас Республики Коми / Науч. ред. Э. А. Савельева. Сыктывкар: ДИК, 2001. С. 192–193.

Лидия
ЛОГИНОВА

**Лидия Петровна
Логинова** – сьылъсь,
Коми Республикаса
народнӧй артистка,
Россияса культураын
заслуженнӧй уджалъсь.

Гозья олӧмысь

ГОЗЬЯ ОЛӐМЫСЬ

Ӑти арӧ водз кӧдздӧдӓс да, вӧв додь вӧчалъсь Митрей дядь лӧсьӧдчис керка шӧрас.

Пыртӓс колана материалсӧ да ньӧжӧникӧн тотшкӧдчӧ-вӧчасьӧ. Кужысь киад додь мойдын моз артмӧ, и Митрей дядь дӧвӧльнӧя шуышталӧ корсьӧрӧ: – Та-а-а-к!

А гӧтырыс пыр содтыштӧ:

– Так-то эськӧ так, а дальше-то как, а?

Митрей дядь скӧра вомалӧ:

– Не учи мастера, только портишь!

Додьтӧ Митрей дядь эштӧдӓс. Ок, и лӧсьыд артмис! Кутӓс петкӧдны, да... ӧдзӧсӧдыс оз тӧр. И этадзи, и эсӓдзи видлӓс – оз тӧр! Ковмис додьтӧ разыны.

Сӓки гӧтырыд эльтыштӓс:

– Вот и портишь! Вот и портишь!

Гӧтырыс садьмӧм бӧрас пуксис крӧвать дорышас да мыйкӧ думыштчис. Верӧсыс видзӧдлӓс сы вылӧ да повзьӧмӧн шуис:

– Насти, а кокыд вӧсни да!

Насти вочавидзис:

– Мед, зато менам сӓтанӧй кыз.

Гӧтырыс видӧ верӧссӧ юӧм-куритчӧмысь, он пӧ тай кулӧмысь пов. Кӧть кодарсӧкӧ колӧ шыбитны: либӧ куритчынытӧ, либӧ юнытӧ.

Верӧсыс зӧв збыль синмӧн видзӧдлӓс гӧтыр вылас да вочавидзис:

– Ладнӧ, куритчыны кута, но юнытӧ ог шыбит.

ЮР КОЛЬМЫМӐНЫС

Субӧта. Вичкоӧ ветлӓ, пажын бӧрын позьӧ гортын пелькӧдчыштыны, а рытнас пывссыны.

Кытысь та мында бусыс? Талун джодждӧраяс дорӧ содтӧд лӧсьӧдӓ пыркӧдны флисысь замока кык жилет да ковта. Сӓтчӧ бусыс чукӧрмӧ!

Верөсөй петкөдіс джодждөраяс, а тэнсыд пө бөрас. Ме велөда: ковтаястө колө ёна, бура пыркөдны! Кыдзи пө ёна? Мися, сәні зэв уна бусыс да, юр кольмымөн пыркөд! Кыла да, ёнджыка кутіс швачкыны... кильчө сюръяө.

Кор пырис, сьөлөмсянныс ошйысис, бура пө пыркөді, ёна бусось вөліны да! Кор куті көлуйтө ошлыны, пыр и казялі, мый ёна...

Ковтаас нель кизь пыдди кольөма өти! Но, кизьтө эськө вурла. Öти жилетас иган новлөдлан кывйыс чегөма. Но татчө скрепка суйи да, важсьыс өдйө иганыд котралө. Мөд жилетыс вөлі игантөм, нинөмөн замоксө топөдны. Век на сэтшөм. Лым письыс эськө корсьысим, мед көть номерсө бегунокыслыс видзөдлыны да вильөс ньөбны. Но эз сюр. Тулыснас пө сюрас, шуис пыркөдчысьөй.

Виччысям тулыссө, он и төдлы, воас! Верөсөс ошкышті, мый вывті бура пыркөдөма көлуйсө. Абу юр кольмымөныс, а юр потмөныс!

АЧЫМ

Бара суседлөн понйыс пиянасьөма! Гашкө, сизимөнөсь! Синмаось нин, мусаникось, пашкыр гөнаось, тупыль кодьось. Кытчө кутас воштыны?! Юася, донысь нө, мися, кутан вузавлыны? Кутшөм пө вузавлөм, донтөгыс мед көть инасясны.

Öти асылө кодкө таркөдө өшиньө. Видзөдлі да, сусед. Петав пө. Петі. Верөсөй, кывлөма да, бөрсянь вөтчис. Сідз и төді! Сусед перйис питшөгсьыс кык кутюпи, бөръяяс пө. Ёна кевмысяна гөлөсөн корис: ради Бога пө көть öти кутюписө босьтөй (гашкө, надейтчис, кыкнансө вермас вөзйыны).

Верөсөй босьтіс өтисө киас да быдладорсянь кутіс видлавны. О, тайө пө сюсь лоө, шуис, юр чутсө видліс да. И зэв мича сера на пө. Гашкө пө, босьтам? Кодкө кутас локны да, век нин увтыштас, гөлөссө лэдзлас.

Ме суседлы өткажиті, но висьталі, мый улыс радас виль олысьяс юасьлісны, кодлөнкө пө тані мича ыджыд понйыс эм абу, челядь пө ёна корөны. Сійө котөрөн мөдөдчис на дорө. А верөс водзө бызгө, колө пө вөлі босьтны! Да и тэнө пө понъясыд радейтөны, ог пө төд сөмын, мыйысь. А ме, мися, төда мыйысь! Кор ме гортын, асывсянныс медводз понъяслы пуся. Коркө тай нылөй локтіс, пыригмозыс чөскыд көрсө кыліс да, юалө, мый нө пө, мамө, пуан? Пон сёян, мися. А ме кө абу, налы сөмын картупель да нянь и шыбитласны. Дерт, мия, ме абу пон кодь сюсь, но увтчынытө кужа. Ачым улта!

А сусед коркө паныд лоис да, ёна и аттьөаліс менө. Кыкнан понсө пө босьтісны, челядьыс кийыс нетшыштісны!

Но, слабөг, инасисны кө!

ВЕРТЕП-ВЕТЬÖК

Сыктывкарса видз-му овмөс техникум помалөм бөрын Висерө локтіс зоотехник. Зэв мичаник, еджыд юрсия, лөз синма Вера.

Мырддьысьөм сорөн зэв өдйө сійөс и босьтіс гөтырөн суседлөн пиыс. Васьө сы кодь жө еджыд юрсия, лөз синма. Зэв лөсьыд гозья артмис. Августа тьоткалөн, Васьлөн мамыслөн, нимкодьысла вомыс оз и тупкысьлы. Но пыр вунөдө, кытысь моньыс. Локтас мянө да пыригмозыс юалө мамлысь:

– Аминь, Анна, бара вунөді, кытысь мян Вераыд?

Мамӓ сылы висьталӓ:

– Изьва районысь пӓ, Вертеп сиктысь.

Во джын кымын Августа тьӓтка юасис, некийдз эз вермы юрас кутны Вертеп нимтӓ.

Мамӓ сӓсся велӓдӓ:

– Тэ, Августа, пызан ветьӓктӓ эн вунӓд. Унаысь шуав: ветьӓк, ветьӓк, ветьӓк, ветьӓк...

Ӑти асылӓ пырис Августа тьӓтка да, мамӓ сылысь юалӓ:

– Августа, кытысь нӓ Вера моньыд?

Августа тьӓтка зэв збо́я вочавидзис:

– Ветьӓкысь!

А мамӓ сылы воча:

– Правильнӓ!

ПЕНСИЯ

Мамӓ мыйкӓ лунтыр талун гортын. Мукӓд лунас то суседьясӓ петалас, то лавкаӓ ньӓбасьны, то пошта вылӓ.

– Никуда не собираешься?

– Нет! Пенсию жду!

Ааа! Со мыйын делӓйс! Регыд мысти локтӓ поштаын уджалысь, Аля, лыддьӓ сьӓмтӓ, сетӓ да ӓдӓй бӓр мӓдӓдчӓ. Мамӓ бӓрсянныс горзӓ: «Шабаш! Он лысьт тшай ютӓг мунны, та мында деньга вайин да, бергӓдчы бӓр!»

– Ог, ог эшты, уна на пенсияыс разӓднысӓ, мӓдысь коркӓ! – мунӓгмозыс, кыла, шуалӓ Аля. Мамӓ мӓдысь лыддьӓ сьӓмсӓ, ки пыдӓссӓ гыжйыштӓ, оз пӓ пӓрьясь, пенсия водзас пӓ ӓна лудӓ! Сӓсся шлопнитӓ кинас бокас да шуалӓ:

– Коркӓ нӓ кужлӓм думыштны, мый ог кутӓй уджавны, а гортӓдз кутасны деньга вайны?! Дивӓйд и эм!

Эг и тӓдлӓй, тайӓ дивӓӓдзыд и ми олӓм. Верӓсӓй водзджык петӓс пенсия вылас да, ме ӓна и шензи, мыйысь сылы льготной пенсиясӓ сетӓсны? Сьӓкыд уджысь пӓ! Да, мися, энӓ омӓля катерьяснад шутялӓй.

Во куим колис пенсия вылӓ петӓмсянныс. Ӑтчид войнас садьми кодлӓнкӓ бӓрдӓмысь. Повзи: кодӓ кӓнӓ бӓрдӓ?! Верӓсӓй, вӓлӓм. Садьмӓдӓ, мый нӓ, мися, лои?! Слава Богу пӓ, вӓт вӓлӓма! Удж вылӓ пӓ вӓтӓн кутӓсны мӓдӓдны. Лӓсьӓдча, паськӓмӓй оз сюр, сапӓгӓй абу, сӓйнысӓ нинӓм, кысь нин ӓбед босьтны. Котралӓ пӓ да котралӓ, нинӓм эг аддзы, пукси улӓс вылӓ да ӓна и бӓрддзи. Слава Богу, вӓт вӓлӓма!

Со и менам пенсия кадыд воис. Но уджыштӓ на сы бӓрын сизим во. Унаысь мамӓлысь шензьӓмсӓ казътывла. Дзик сы ног и вӓлӓма!

Кодкӓ кӓ юалас, лӓсьыд абу пенсия вылад, висьталӓй: пенсия вылад абу лӓсьыд, пенсия вылад аминь лӓсьыд!

И ТЕПЕР...

Ичӓтик сиктӓ локтӓс корреспондент. Пыравлӓс школаӓ, детсадӓй, колхоз правлениеӓ, клубӓ. Быдлаын юасис сиктса олӓм, удж да шойччӓм йылысь. Быдторсӓ висьталӓсны уджалысь йӓз, быд юалӓм вылӓ вочакыв сетӓсны. Корреспондентлӓн сэтшӓм ӓна сьӓлӓмыс бурмис, бӓр нин мӓдӓдчис гортланьыс, но аддзис лавка кильчӓ вылын пукалысь олӓма

мужичёйёс. Мөвпыштис: час пö öти юалöм тайö мужичёйыслы сета, и гортланё поэё тапиктыны.

А корреспондент вöли роч. Зэв пыдди пуктöмөн шыасис олöма морт дорö: «Уважаемый, скажите в двух-трёх словах, как вы тут живёте?» Олöма морт дженьыдика и вочавидзис: «Как пö живём? Вот так пö и живём. Раньше пö нас жмули-жмали и тепер нас жмут и жмать».

Кöть и в «двух-трёх словах» вочавидзис мужичёйыс корреспондентлы, ставыс вöли гөгөрвоана...

МИКУЛАЙ ДЯДЬ

Ыджыд батыёс (Öгепин Иванён вöли шуöны), дзоля на сэк вöли да, омöля помнита, дзик вöтын моз... Еджыд дөрöма, зэв пашкыр тошка, куйлö вольпасын (висьö нин вöлöм). Локтам мамöкөд да, пыр аслас улöс вылас менö пуксьöдö. Улöсыс ас вöчöм, тасьяса. Тайö и коли паметьö.

А ыджыд батылысь воксö, Микулай дядьёс, помнита бура, öнiяёс моз. Öти киноартист-лань вöли ёна мунö. Артистыслөн памилльöйс Филиппов, ыджыд тушаа, косньöд, кузь ныръяса, зэв тешкодь. Öтчид «Карнавальная ночь» кино видзöдам. Другыс тайö артисттö кутисны петкөдлыны да, став йöзыс шызисны: «О, Öгепин Микулай, Öгепин Микулай!» Сэсся уна киноыс на сiйöс аддзывлi.

Микулай дядь зэв тешкодя вöли йöзыскöд видзаасьö. Паныдасяс кодкөдкө да «Чолöм!» пыдди «Аддзан, аддзан, аддзан...» шуас. И тадзи кызысь кымын. Коркö менам батыököд сёрнитöны вöли. Тэ нö пö, Петыр, оштö кыйлiн эн на? Батыö шуö, эз на пö удайтчыв. А менö пö, детина, 14 арöсөн тулыснас катöдисны гуыс ош кыйны. Воим пö гу дорад, неуна ру петыштö сэтысь. Ставныс кытшалисны, менö тшöтш сувтöдисны. Но и заводитчис! Зурским пö зорястö, а ошкыд чеччис, мыччысис, садьмөмвывсьыд скөр, юрыс эсiйö 4 ведраа ва пельсасьыс ыджыджык, вомсö паськөдис да кыз тай равöстис! Менам повзьöмöйла, öти места видлi да... не-ебыд! Батыö сералö, а Микулай дядьö дугдывтöг «Аддзан, аддзан, аддзан...» шуалö.

ПОЛЬÖПИЯН

Юаласны кө, кутшөм гортса пемөс меным муса, лыддьöдла: кань, пон, мөс, ыж, но мед-ся мусаöсь польöпиян. Порсьтö, кызди ачымöс помнита, батыö да мамö век видзисны. Мөссьыд водз лэдзчысисны (меным 7 арöс вöли воö) да, гидыд куш – көза ни баля. Да и пызаныд ййтöгыд абу гажа...

Порсьтö босьтлiсны март тöлысьын нин, сюрлiс кө водзджык, кыкөс на. Гидад вежонся полюкъясыдлы вöли көдзыд, мамö шуö вöли сiйöс «фашистскöй застенкаөн». Тöлысь кык гортын видзисны чипан поэйын, кос турун пуктасны – шоныд. Поз пыдöсас розь, сэтi куйöd ваыс тюрис тазiйö. Кор дзоляöсь на, этша сёйöны да, этша и тюрö. А тöлыссяödз быдмасны да, пöгиб быд лун, а то и луннас кыкысь колö турунтö вежлыны.

Сэсся кык порсьыдлы чипан дозйыд дзескыд лоö да, мамö тшöктö вöли луннас лэдзлы-ны найöс джоджö коксö веськөдышты. Мед ёнджыка веськалас, ме найöс котрöдла вöли. Пачводз дорсянь ризöда гөбöч вылөдз, полюкъяс ме бөрся! Сэсся гөбöч вывсянь бөр пач-водз дорөдз. Усьласны турбыль-тарбыль! А менам серамöй! Мудзтөдзныс котрöдла, йөрта да вердышта, и рытөдзыс оз шыасьлыны, нистöны-узьöны.

Водзӑ быдмисны да позсьыс кутісны чеччыштны, дарӑм дженьыд кокаӑсь, зэв пелькӑсь. Батьӑ пыртліс поз вылас сарайыс сьӑкыд вевт, но и тайӑ эз отсав. Сьӑктӑдӑм вылӑ вайис куим кирпич. Голяныс пӑ кусыньтчас, либӑ юрныс розясяс, но тайӑс вештыны оз вермыны!

Апрель тӑлысьнас гӑбӑч вылысь ми лӑччылім узыны джоджӑ. Кык гӑна вольпась, ыджыд шебрас (мамӑ да батьӑ асьныс на вурлӑмаӑсь), а вылас эшкын на, мед ог кынмӑй. Кыкнад шӑр чойкӑд тӑрам, небось. Ыджыд чойным эз нин гортын вӑв, Воркутаын медучилицын велӑдчис.

Ӑти войӑ садьми да, кыкнан порсьыс ме дорын. Киняулӑ нырсӑ сьӑлӑмаӑсь да узыӑны. А ме голяӑдз ачым ва пиын. Кудзавлӑмаӑсь шоныдінад! Колӑкӑ, и ме на содтыштӑ... Абу тай юрныс розясьӑма, ни голяыс абу кусыньтчӑма, вештӑмаӑсь сьӑкыд вевттӑ да куим кирпичтӑ.

И тадзи унаысь на асывнас садьмывлӑ, но став мыжыс вешыйвлӑс польӑпиян вылӑ.

ТЫРМАС СЭССЯ...

Ӑні шуӑны, челядьӑс пӑ оз позь пинявны, кысь нин ньӑръявны. Менам тӑдса висьталӑс, ми пӑ бать-мамлӑн квайт пи вӑлім да, кыз нӑ эськӑ мянӑс ньӑртӑгыс быдтісны. Вильшасьыштам – ньӑръяласны, и ставыс гӑгӑрвоана! Дерт, сӑмын кымынкӑ лун кежлӑ, сэсся ставыс вунӑ да, бара вильшасян, и бара ньӑръялыштасны. Армияӑ мунтӑдз на мамӑ уськӑдчис да кильчӑ помысь лӑччигӑн ньӑрйӑн суис мышку кузя. Мунӑ армияӑ да, пыр юрын вӑлі тайӑ велӑдӑмыс, и унаысь нюмӑй петліс, весиг сьӑлӑмӑй шонавлӑс.

И со кык во коли, служба помассис, ме гортын. Радӑйла ку пиӑ ог тӑр! Мамӑ пызан дасьтӑ, ӑртъяс да рӑдня чукӑрмӑ, ставныс киасьӑны да юыштны кӑсйӑны мекӑд. А ме ӑткажитны ог кууж.

Садьми асывнас порогдорса крӑватъын салдат паськӑма. Мамӑ казяліс да кватитӑс век на важ местаас, пӑлатъ весьтын, ӑшалан ньӑртӑ. Ме уськӑдчи пӑлатъ сӑрӑгӑ, мамӑ ме бӑрся. Кӑсйис нин вачкыны да, удитӑ киӑдыс кутны: «Тырмас сэсся, мамӑ, ньӑръявнытӑ, ме ӑд ыджыд нин!»

СІДЗ ВЕРИТА

Миян дорӑ выль суседъяс овмӑдчисны: томӑсь на, ар вита зонка налӑн, зэв визув и. Кӑтӑрӑн лӑптисны ыджыд стрӑйба. Ме чайтӑ, мый тайӑ керканыс, да шуа, мый эз тай нӑ проект сертиыс вӑчны. А верӑсӑй шуӑ, тайӑ пӑ ӑд пывсяныс налӑн. Ёна и шензи!

Быд вежон пывсьыны гӑсьтъяс волӑны. Со и талун наладорсян уна челядь гӑлӑс кылӑ. Менам верӑслы быдтор колӑ тӑдны, ветла пӑ да видзӑдла.

Бура дыр ветліс. Локтіс да висьталӑ, шашлык пӑ жаритӑны. Витялӑн да Олялӑн пӑ гӑсьтъяс уна челядьӑсь. Квайтӑс пӑ, гашкӑ, лыдди да, асланыс Кирилл на дай. А гӑсьтъяс пӑ зэв варолӑсь, лунвылысь воӑм йӑз. Быдторсӑ юалӑны и висьталӑны. Челядьыслӑн батьыс меным пӑ шуӑ, кывзы, Иван, мянӑс пӑ танӑ мыйлакӑ сьӑд сӑтанаясӑн шуӑны. Ог пӑ гӑгӑрво, мыйла?! Миян пӑ дзик жӑ тӑян кодъ ӑд мыш увным – еджыд. Кӑсьян кӑ пӑ, петкӑдла! А тӑ, мися, мый вочавидзин?

А ме пӑ шуи, эн петкӑдлы, сӑдз верита!

ВӨЛІ КӨ МЕ...

Вөлі кө ме томён, збойён,	Небыд вомсө мича нывлысь
А эг пöрысь мужик шойён,	Окавлі ме сё дай кыкысь.
Морөс вөлі менам вылын,	Вөлі кө ме томён, сюсьён,
Öйис синмөй, серам гылыд.	Пöртси эськө еджыд юсьö,
Вөлі кө ме томён, ёнён,	Ылөдлі на гоз-мөд нылөс,
Быттьö гөрд морөса жоньён.	Гөтраси медмича вылас.
Гөграліс ме гөгөр нылыд,	Вөлі кө ме томён, зільён,
Сёрни панлі налы ннылыд.	Сырмөм тошкөй эз кө гильөд,
Вөлі кө ме том да тэрыб,	Нывтö эськө бара-й суви,
Вир сөнъясöй вөлі зэлыд,	Кияс вылын гортö нуви.
Нывъяс вөтлысисны ме бөр,	Вөлі кө ме том да мича,
Сывъялісны голя гөгөр.	Пöрысьмөмысь ен кө видзис,
Ме кө вөлі том да вöрысь,	Радейтчи ме мича нывкөд,
Абу усьөм гача, дзöрысь,	Олөм волі эськө мывкыд.

* * *

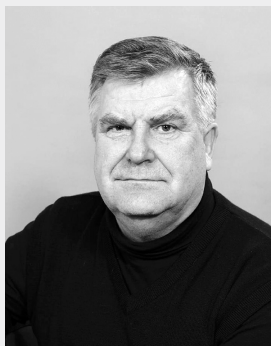
Кывбур гижны петö вежöй,
Видла, верма али ог,
Кыдзи эндөм муыс эжмö,
Петö тшöкыд турун ёг.

Гашкö, гижны ог и вермы,
Оз сюр мича, лада кыв,
Кыдзи гыа юсö кевны,
Гартчö кокö вöсни тыв.

Бара кывбур тэчан мөвпа,
Да мөвпыс юрö оз и лок.
Ставсö öти дозийö сөвта:
Вемöс, вөт, быдлунъя нок.

Гижа кывбур, кывъяс öкта,
Колö мен кыз нянь да сов,
Кыддзыс раскас абу öтка,
А вошны сэтчö ог и пов.

Зіля, мырся, нуска, вöча,
Сюрөсала-кыа гез,
Думысь кывбур чипас тэча,
Ог тöд, артмис али эз...

Анатолий
ВАЛЕВСКИЙ

Анатолий Михайлович Валеvский родился в 1969 году в пригороде города Львова. Окончил Томский государственный педагогический университет по специальности «филология». Прошёл педагогический путь от учителя до директора школы. Долгое время работал в системе детских домов и школ-интернатов. Творчеством начал заниматься с 2020 года. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Дальний Восток», «Петровский мост», «Москва», «Нева», «Путеводная звезда». Автор книг «Горький вкус мандаринов» и «Жабыч». Лауреат международной литературной премии имени П. П. Ершова за книгу «Горький вкус мандаринов». Член Союза писателей России, член Союза детских и юношеских писателей России. В настоящее время живёт и работает в лицее г. Усинска учителем истории и обществознания.

Одуванчики Карла Фаберже

Роман в рассказах

Напутствие

После первой изданной книги меня охватило волнительное чувство хорошо проделанной работы, как после грозы: тихо, спокойно, умиротворённо. Подспудно понимал: я ещё не писатель. Просто преодолена первая ступенька длинного пути, так смело, а порой безрассудно ведущая наверх. Ведь никому не известно, что меня ждёт дальше: буду ли я двигаться ещё выше, или так и застыну, оставаясь на первой ступеньке, или она подо мной сломается, и я больше никогда не захочу подниматься по этой злосчастной лестнице. Потому для меня так важно мнение человека, которому безгранично доверяю.

– Очень недурственно! – листая книгу, одухотворённо вынесла вердикт Эльза, распространяя вокруг себя хорошее настроение.

Я улыбнулся в ответ, но она ждала некоего моего ответа.

– Мне нравится писать, – доверительно признался я Эльзе. – Я ещё не решил, что этот процесс должен стать обязательной частью моей жизни. Пока это хобби. Оно заключается в том, что мне нравятся люди. Мне нравится забираться им в голову...

– Ты решил залезть и в мою? – поинтересовалась она предостерегающе.

– Ты против? – ответил в унисон.

– Я из другой эпохи, – Эльза засмеялась, по-доброму посмотрев на меня. – Я историческая руина тридцатого года рождения. Культурным наследием не являюсь, законом поэтому не охраняюсь. Меня ели всю жизнь. Я была обглодана со всех сторон, уже есть нечего, но в течение прожитой жизни всё время доказывала, что я сама по себе. Это было непросто. Так что меня обглодать обглодали, но доесть не доели.

Мой укоризненный взгляд насторожил Эльзу.

– Что не так? – спросила она.

– Эльза, ты моя суммированная энергия любви.

Она смутилась, хотя это очень на неё не похоже.

– Расшифруй! – тут же потребовала Эльза.

- Ты мой пожизненный ангел-хранитель.
- Даже когда уйду? – Эльза с саркастической ухмылкой уставилась на меня. И шутиливо поинтересовалась: – Подмазываешься?
- Нет, – я покачал головой с решительным осуждением. – Все уйдём. – И философски добавил: – Но в сердце не все остаются. Ты там прописана навсегда.
- Мои слова показались Эльзе не лишёнными очарования.
- Пусть твоя жизнь будет в ритме приятной прогулки, – пожелала она мне искренне.
- Умеешь вдохновить, – не остался я в долгу.
- А то, – по лицу Эльзы разлилось сияние исключительной радости, и на щеках заиграли ямочки. – Будем толстенькими. Кому какое дело, где мы дрожжи достаём... – И Эльза лукаво подмигнула мне.
- Лучше грешным быть, чем грешным слыть, – в своей напористости не уступить Эльзе я походил на предводителя команчей.
- Истину глаголешь, – ликуя, ответила она. – Когда я взяла тебя у матери с рук в роддоме, взгляделась – сразу всё поняла: наша порода, громовская.
- Эльза, ты ходячий антидепрессант.
- Скажешь тоже!.. – со смехом запротестовала она, смущаясь и в то же время довольная, что я это сказал.
- Бабуля-бабулечка Эльза.

Какая ещё бабушка, открыв входную дверь и увидев перед собой пятнадцатилетнего пьяного внука, вместо жуткого нагоняя участливо спросит:

- Что случилось?
- И подросток, запинаясь, в слезах, еле шевеля языком, серьёзно заявит:
- Эльза, я так устал от жизни!
- В ответ её кроткое и такое сердечное, греющее душу:
- Понимаю!
- Утром Эльза заботливо отпаивала меня огуречным рассолом. И никаких моралей, лишь одно пожелание:
- Солнце! Не умеешь пить – не пей. Не переводи зря натурпродукт.

Общение доставляло нам взаимное удовольствие. Первая стадия утра начиналась тривиально: с добавления в кофе десяти капель рябиновой настойки – «негрустинки», но дальше всё шло не по классике.

- Претензии к жизни имеются?
- Риторическими вопросами меня не удивить, особенно от Эльзы, произносящей их каждое утро по-разному: сухо, по-доброму, плутовато, но неизменно – каверзно. Её глаза хитро улыбались.
- У старости есть свои плюсы: перестаёшь удивляться! – несколько патетично заявила Эльза. – Но к жизни у меня одна-единственная претензия – её невероятная быстротечность. Обожаю, когда она примеряется, размахивается и даёт волшебный пендель – тут же так легко на душе, и мысли такие позитивные... Потому что хуже, чем сейчас, уже быть не может, так зачем усугублять депрессию? А какой полёт сразу же резвый, стремительный! Чувствуешь себя вольной птицей, которой иногда хочется... – Эльза замерла на секунду, – ...гадить на голову тем, кто «каркал» на тебя, просто чтобы знали: бумеранг существует.
- Эльза остановилась, задумалась. Потом с улыбкой посмотрела на меня:

– Удовольствие от жизни начинается с радостного ощущения интриги, которую несёт в себе вновь наступивший день.

Эльза отпила всего глоточек кофе, продлевая утреннее удовольствие.

– Понимаешь, старость, – её лицо сделалось серьёзным, – она не для того, чтобы подводить никому не интересные итоги, она для того, чтобы вдохнуть новые впечатления, умноженные на прожитый опыт. Ещё занятно наблюдать, как жизнь фильтрует близкое тебе окружение.

Эльза вздохнула:

– Клементина считает, что чувства надо зафиксировать, как скриншот, чтобы плохое, например, забыть, а приятные воспоминания можно было бы вытаскивать и любоваться ими. В своей жизни обязательно надо иметь несколько идеальных моментов или идеальных воспоминаний – они разнообразят скучную жизнь. Клементина права: надо запасаться впечатлениями, чтобы «там» было о чём вспоминать.

– По словам Марго, человек в молодости безжалостно себя сжигает, а потом из горсти пепла желает разжечь костёр, и не получается.

– Согласна с Маргошей. У меня была трудная жизнь, но мне везло на хороших людей. Они так вовремя оказывались в тяжёлые времена рядом. Слу-у-ушай...

Эльза оживилась, у неё засветился лукавый огонёк в глазах:

– Ты ведь знаешь всех моих одуванчиков: Клементину, Марго, Герочку... Частенько жизнь нас ставила на колени, сбитые в кровь. Но, несмотря ни на что, мы продолжали ползти, нам удавалось подняться на ноги и, отряхнувшись от дорожной пыли, гордо зашагать вперёд. Ведь мы все из одного замеса: надо жить, даже когда это больно, очень больно... А каких интересных людей мы встречали по жизни, какие судьбы разворачивались вокруг нас!.. Женечка, если всё связать, у тебя получится романище в рассказах.

– Четыре женщины – четыре рассказа, – кисло уточнил я, скептически глядя на одухотворённое лицо Эльзы.

– Почему четыре? – удивилась она. – Валерию Павловну почему не взять в нашу компанию? Наталью-собачницу с первого этажа? Олечку обязательно – восемь красавиц родила.

– Тогда надо ещё добавить Шарлотту – питерскую соседку Марго и Геры, – добавил я.

– Уникальная женщина, – безоговорочно согласилась Эльза.

– Тогда и маму надо в компанию, – как приговор произнёс я, с опаской наблюдая за реакцией Эльзы.

– Как же без Аннеты, она бы потом всем нам плешь проела. Конечно, надо. Аннета – та ещё дуся... Видишь, – радостно смотрела Эльза на меня, – рассказов не на один том собираем.

– А если у меня не получится?

– Получится, – Эльза нежно обняла меня. – Я ведь буду рядом...

Эльза

По паспорту она Екатерина Громова, но для всех давно... Эльза.

Эльза. Эль-за.

Чувствуете, дух авантюризма уже просачивается через буквы? И это только начало.

Эффектная и безликая. Авантюрная и расчётливая. Романтичная и приземлённая. Всё это один человек – Эльза.

Моя Эльза. Моя опора, мой светоч, моя любовь.

Эльза тщательно собирается перед появлением в свете. Обязательный каждодневный ритуал – накрасить губы сочной красной помадой перед самым выходом из дома.

И вот Эльза уже сидит на скамейке перед оперным театром, дымя беломориной. Пряный табачный дым неспешно расплывается в окружающем пространстве. Чёрная таблеточка с вуалью, чуть прикрывающей глаза, стильное тёмно-синее гипюровое платье до колен, на длинных готических пальцах – огромные перстни с кабошонами из бирюзы, а на тонком запястье – браслеты из кораллов и агатов и белое, в две нитки, жемчужное ожерелье – всё это делает её яркой и неотразимой.

«Будем брать эффектами!» – обожаемая ею фраза. Как это метко, по-Эльзиному! Произвести впечатление сразу на всех, да ещё какое!

В глазах Эльзы зажигается огонёк, когда рядом подсаживается мужчина значительно моложе её и ненавязчиво, даже робко интересуется:

– Добрый вечер, мадам! Не желаете ли посетить оперу? Сегодня дают «Дон Карлоса».

Эльза аристократично, неспешно поворачивает голову, с полминуты оценивает ухажёра, после чего делает грандиозное одолжение, словно нечаянно обронила платок:

– Ну, если вы так просите, молодой человек, могу ли отказать...

Молодому человеку, позвавшему её на «Дон Карлоса», было не меньше шестидесяти, но выглядел он как настоящий щёголь: начищен, наглажен, чисто выбрит. После оперы он предложил ресторан, непременно ресторан. Эльза не сразу, но согласилась: умение держать паузу – азбучная истина женщины, но через небольшое время знакомство-общение резко заканчивается.

– Клемми, – сокрушённо делилась Эльза с ближайшей подругой по телефону. – О чём с ним разговаривать, если он посчитал, что мой любимый Ремарк – женщина! Разучились мужчины ухаживать за дамами, – с прискорбием добавила Эльза.

– Поищи в другом месте, где мужики интересные ещё не перевелись, – подала мысль Клементина, полковник медицинской службы в отставке.

– Намекаешь в восемьдесят поступить в академию Минобороны? – язвила Эльза.

И старушки весело смеялись над удачной шуткой.

– Так нельзя с ухажёрами! – возмущался я, когда Эльза рассказывала мне об очередном ловеласе.

– Мальчик... – Эльза театрально закатывала глаза. – Ты не видел истинных ухажёров.

Мне ничего не оставалось, как только улыбнуться. «Мальчик» – это обычное обращение ко мне, даже когда я уже стал отцом.

– Запомни: женщина не стареет! С годами она становится только интересней.

Эльза внимательно посмотрела на меня, взяв за руку:

– Ещё один мой тебе совет. Что бы ни происходило между тобой и твоей женщиной, всегда просыпайтесь в одной постели.

– Женщина, о которой ты говоришь, между прочим, моя жена, – обидчиво напомнил я Эльзе.

– Это звание ещё надо заслужить, как и звание мужа. То, что наблюдаю, это отношения мужчины и женщины. Заруби себе на носу: любая женская истерика – это сигнал о деградации отношений.

Эльза. Мудрая Эль-за.

Эльза – любительница загрузить мои мозги заповедями о важности семейных ценностей. Говорила правильно и по существу, словно прожила в счастливом браке долгие годы, но я-то знаю, что замужем она побывала несколько неудачных раз, но всегда подчёркивала, что счастье – это когда хорошо не только тебе, но и тем, кого ты любишь, кого бережёшь.

– Запоминай только всё хорошее и светлое в своей жизни, – наставляла Эльза. – Это будет тебя поддерживать и давать силы жить, когда будет казаться, что всё в твоей жизни плохо. Я всегда знала, что Бог меня испытывает, а если так, – Эльза развела руками, – то отступать нельзя. Жизнь сделала меня спортсменкой – всё время тренировала. Мою жизнь можно сравнить с Олимпиадой – когда каждый участник стремится следовать её закону: «Дальше всех! Выше всех! Лучше всех!»

Мы с интересом посмотрели друг на друга.

– Эльза, – спросил я, – ты счастливая женщина?

Она не торопилась с ответом.

– Самый надёжный способ испортить отношения – это начать их выяснять. Я этого терпеть не могла, поэтому уходила первой. Правда, мой последний муж Гриша в отличие от других оказался человеком разумным, даже думающим.

– Так почему не срослось? – удивился я.

– Слишком думающий, – на морщинистом лице Эльзы отразилась тень сожаления.

– Чем же тебя не устроил умный муж?

– Сама не дура! – вспыхнула Эльза. – Мне нужен Македонский: пришёл, оценил, завоевал! А Гриша – он сдержанно-философский, как пейзаж Левитана, – Эльза улыбнулась от сравнения. Оно ей пришлось по вкусу.

– Гриша, – невозмутимо продолжила она, – хороший домочадец, но это не из моей оперы.

– Что в твоей кладовой слов обозначает «домочадец»? – моё любопытство разгоралось.

Эльза засмеялась.

– Домочадец – это такой тип домашнего мужчины-хозяина, – уверенно произнесла она. – Вовремя покорми, и он будет спать. Я же люблю победокурить.

– Это точно.

– Зря иронизируешь! Я женщина и никогда об этом не забывала. Скажу истину, которую лично выстрадала, – Эльза понизила голос, строго и внимательно посмотрела на меня: – Всё можно пережить в этой жизни, пока есть для чего жить, кого любить, о ком заботиться и кому верить. Остальное – суeta суeta. Мой первый брак – это шуточный поцелуй на мосту, который закончился церемонией в загсе. Уходить от Паши – словно сдирать кожу.

– Такие страсти кипели?

– Конечно, тем более в первый раз.

– Почему разошлись?

Эльза недовольно поморщилась. Вопрос ей пришёлся не по нраву, и всё же она удостоила меня ответом:

– Он посмел поднять на меня руку...

Мысленно постарался представить эту картину, но моя фантазия не способна на воспроизведение такой экзекуции над любимой Эльзой, даже если бы подключили современные нейросети.

– Ты ему этого не простила, – я жёстко констатировал факт.

Эльза прислушалась к себе и точно ощутила что-то непонятное, может быть, даже внутреннюю силу.

– Если женщина такое прощает, она теряет себя как женщину, станет кем угодно, но только не женщиной. Женщину обижать нельзя, тем более подымать руку, – её голос силел от негодования.

– Видимо, «наверху» решили, что ты должна хлебнуть жизни, понять некоторые важные вещи...

– Не без этого! – доверительно согласилась Эльза. – Вся моя жизнь – бег по острию лезвия, – задумчиво добавила она.

Я насторожился:

– Не опасно?

– Ты серьёзно? Разве это опасности? – Эльзу пробило на смех. – Опасности – это незаживающие рубцы на теле, которые слишком часто напоминают о себе. Куда ни глянешь, на них и натыкаешься.

Эльза умолкла. Лицо её сделалось непробиваемым, как броня танка.

– Давай о приятностях...

И мы заговорили о них. И тут же...

– Пойду в кафе, посмотрю на мальчиков, – с энтузиазмом произнесла Эльза.

Эльза. Мечтательница. Эль-за.

Ей не только нравилось сидеть и наблюдать за молодыми юркими двадцатилетними официантами в кафешке, расположенной в уютном подвальчике недалеко от нашего дома, – она обожала и на них производить впечатление.

У Эльзы разные образы. Сегодня она умопомрачительная *Mademoiselle chante le blues*: в чёрных, подчеркнувших её эффектную фигуру легинсах, сиреневом корсетном топе и жакете из мятой ткани с вырезами на рукавах. Образ дополнили ботильоны на огромных каблуках и крупные серьги в цвет газового шарфа.

Когда она входила, постоянные посетители встречали её аплодисментами. Во все закоулки несло шёпотно-радостное:

– Эльза пришла, Эльза пришла...

Подходил хозяин заведения, почтительно кланялся и задавал неизменный вопрос:

– Мадам, как обычно?

На что Эльза благосклонно кивала. Как обычно – это крепкий кофе и рюмка коньяка.

– Мадам, как вы себя чувствуете?

Эльза качала головой – медленно, почти машинально. И неопределённо отвечала:

– Относительно...

– Сигарету, мадам? – предлагал хозяин заведения.

Она не отказывалась.

– Вы, конечно же, поведаете нам о Париже?

Эльза делала томные глаза: мол, достали вы меня, ох достали, сколько можно рассказывать одно и то же тысячу раз! Но после первого глоточка коньяка лицо её оживало, в глазах появлялись искры, как от разгорающегося костра.

Посетительница пересаживалась в купленное для неё в антикварном магазине старин-

ное кресло. Столики подтягивались ближе к ней, в ногах садился хозяин. Кафе закрывалось на учёт.

Эльза экзальтированно восклицала:

– Боже, как я люблю Париж...

И народ в маленькой подвальной кафешке замирал, слушая, затаив дыхание, странную старуху, так увлекательно вещавшую о только ей известных Париже, Лувре, Елисейских полях и, конечно, о бурлящих там романах, потому что любовь, самая настоящая, у Эльзы всегда выскакивала неожиданно, как чёрт из табакерки. Она мастерица замесить интригу – Дюма отдыхает.

– Вот это жизнь! – в восхищении выкрикивал хозяин кафешки, часто на его одутловатом лице поблёскивала слеза. – Мадам, вы же завтра нас обязательно посетите?! – вкрадчиво узнавал он.

Эльза устало смотрела в зал, в висок ей постукивали мягкие молоточки опьянения.

– Возможно, – кивала она.

Я спросил как-то Эльзу:

– Зачем тебе это надо?

– Мальчик, как ты не понимаешь? Любая женщина жаждет мужского внимания. И знай: если через десять лет ты разведёшься, в этом будет виновата не твоя жена и тем более не бытовые проблемы. Будешь виноват исключительно ты, только ты, потому что перестал уделять жене достаточно внимания. Счастливые не истерят. Учти на будущее!

Эльза. Неугомонная Эль-за.

Помню, как однажды пришёл с работы, а мама в ужасе выпалила:

– Эльза пропала!

– Как пропала? – я даже испугаться не успел.

– Просто! – мама гневно развела руками от моей bestолковости. – Я уже обзвонила все морги, больницы. Её нигде нет. Утром ушла – и вот, её нет.

– Ну хоть что-то сказала перед этим? И вообще – куда ушла?

Мама ответила, слегка заикаясь:

– Сказала: «Скоро буду». И ещё сказала, что всех нас любит.

И меня разорвал смех. Ай да Эльза, ай да молодец!

* * *

– Женечка, когда ты звонишь мне и неожиданно начинаешь ни с того ни с сего признаваться, как меня любишь, можешь не тратить красноречие – старушка Эльза всё понимает. Она-таки была в твоём возрасте. Скажи: «Эльза, нужна денежка».

Я это уловил, но ухватил и другое: если Эльза говорит, что меня с мамой любит, значит, у неё очередное приключение. Они – её существо, её стихия. Её непрерывный век.

– Жить обыденно – тоска зелёная и депрессия, – Эльза вздохнула и привычно подняла глаза к небу. – Клементина считает, что жизнь надо прожить так, чтобы в аду сказали: «Извините, у нас приличные люди!» Маргоша утверждает, что жизнью надо наслаждаться до последнего глоточка, чтобы потом ни о чём не жалеть! У меня в подростковом возрасте была наставница, тётка суровая, мы уважительно звали её Дмитриевна. Она была нам за мать. Запомнила одно её наизидание: «Живите так, чтобы каждый, кто с вами общался, потом жалел, что вы не рядом с ним».

Эльза лучезарно улыбнулась. И пожаловалась:

– По сравнению с ними я так скучно живу... Дом... прогулка... магазин... кафешка... и всё!

– Не жалуйся, – возразил я, улыбаясь. – У тебя нескудная старость...
Эльза. Обалденная Эль-за!

Я смеюсь. Эльза – ходячий цитатник.

– Я не кошка, которая гуляет сама по себе, – гордо заявила однажды она моей остолбеневшей матери после того, как исчезла на полторы недели. – Я – женщина, которая ещё не до конца познала этот необыкновенный мир. Я безумно жадная до его изучения!

* * *

– Мама, – поинтересовался я, перестав смеяться. – Эльза пенсию получила?

– Да, вчера!

– Всё ясно, – облегчённо вздохнул я, – через недельку будет звонок. Не удивлюсь, если наша Эльза со своими подружками греется где-нибудь на тёплых морях.

– Но она же в возрасте! – в голосе тревога.

– Мама, о чём ты? – улыбка не сходила с моего лица. – Эльза и возраст – вещи несовместимые. Для неё возраст как вино: чем оно старше, тем лучше и вкуснее.

Мать призадумалась:

– Почему она такая эгоистка? Почему не думает о нас? Мы же волнуемся!

Мне понятно беспокойство матери. Пришлось бессильно пожать плечами:

– К сожалению, таков её темперамент.

У Эльзы на всё один ответ:

– Ну что со мной может случиться? Я взрослая девочка!

Ровно через семь дней звонок: Эльза подала сигнал бедствия.

– Женечка, дома всё спокойно? – это она вкрадчиво зондировала обстановку.

– Относительно.

– Надеюсь, вы не сильно тосковали по моему временному отсутствию?

– В рамках разумного, – сдержанно ответил я.

– Чудненько.

Все формальности соблюдены, и Эльза переходила в наступление:

– Представляешь, собрались уже возвращаться, и, как назло, закончились деньги.

– Бывает, – философски соглашался я ради поддержания разговора.

Молчание. Каждый из нас тянул паузу, первым не выдержал я.

– Мать с ума сходит.

Тишина. Нехороший предвестник.

– Передай ей, – голос Эльзы выражал стойкое недовольство, – что я больше сходила, когда она чудила и устраивала свою жизнь, ни на чью не похожую, – с едким сарказмом добавила она.

– Эльза, ты хоть где?

– Да рядом, не кричи, – послышался в трубку облегчённый вздох. – Решили с Герочкой и Маргошей развезаться на янтарных берегах. Ещё прихватили Валерию Павловну. Ты летом, когда приезжал ко мне на каникулы, ходил к ней на репетиторство по математике.

– Потому что тебе некогда было со мной заниматься, – подковырнул я Эльзу, но она сделала вид, что не услышала.

Я вспомнил математичку со странной кличкой Тирекс. По секрету мне об этой тайне поведала её дочь Ирина.

– Ты в Калининграде?

– Я не знаю такого города, – недовольно фыркнула Эльза. – Я в Кёнигсберге.

– Коньяк распробовала?

– Он здесь шикарный, – произнесла Эльза. – В следующий раз прихвачу тебя. Составишь нам, девочкам, компанию.

В её журчащем голосе я не уловил обычных для таких случаев восторгов, эмоций. Он чересчур спокоен.

– Что, в этот раз было скучновато?

– Знаешь, да! Да, как-то пресненько, – согласилась она.

– Мы волновались, мама корвалол ложками пила.

Сначала Эльза пропустила мимо ушей моё тихое негодование. Но тут же:

– Посоветуй ей в следующий раз вместо этой гадости десять капель «негрустинки» из моих запасов. Штофик в баре.

– Эльза, – повысил я голос, – ещё раз говорю: мы волновались!

– Господи, ну немножко дамы развлеклись – зачем сразу разводить трагедию?

– Эльза, ты когда-нибудь угомонишься?

В трубке раздался искристый смех.

– Мальчик, – Эльза оседлала любимый конёк, – когда мне в очередной раз приходилось выслушивать крик души, в том числе о бессмысленности жизни, кризисе возраста, хронической бессоннице, безысходности и о суицидальных мыслях, я посылала очередного нытика далеко-далеко. Не ныть надо, а жить, вот и всё... Жизнь и есть преодоление всего того, на что нытики жалуются, но как же приятно потом жить воспоминаниями, что ты всё это преодолел.

– Ничего, что тебе... – я вовремя остановился.

– Молчи! Или я брошу трубку!

– Эльза, нельзя шалить до самой смерти, – взывал к совести, но по ответу понимал – безрезультатно.

– Знал бы ты, как это стимулирует жизнь. Становясь старше, я не хочу казаться моложе, я хочу казаться счастливее.

– Тебе деньги перевести или приехать за вами? – миролюбиво поинтересовался.

– Желательно приехать.

Понимаю, что девочки, каждой из которых уже давно перевалило за восемьдесят, славно погуляли по старинному городу Кёнигсбергу. Осмотрели всё: величественные соборы, прелестные музеи, а ещё в парке случайно наткнулись на памятник барону Мюнхгаузену и долго хохотали, представляя себя выдумщицами и фантазёрками. Как оказалось, завиральных идей у каждой множество! А ещё накупили всякого разного янтаря, себе и на подарки, ведь нельзя ж пройти мимо, не приобрести то, что продаётся на каждом углу. И теперь, счастливые и удовлетворённые, сидели в аэропорту на денежной мели.

Иногда у меня есть огромное желание сказать Эльзе и её подружкам-одуванчикам, что они живут неправильно, но мне заранее известен ответ:

– Невозможно нравиться всем подряд – все подряд не могут обладать безупречным вкусом.

А Марго обязательно ещё и съязвит:

– Ты, что ли, соблюдаешь нормы-правила?

Как я могу жить по правилам, если я единственный внук Эльзы? Поэтому мы друг другу не задаём неудобных, а главное, ненужных вопросов и не читаем мораль – и это потрясаяще укрепило наши отношения.

Вечером вылетел в Калининград, где меня дожидалась моя ненаглядная старуха со своими взбалмошными, но верными подругами, готовыми пойти за ней хоть на край света.

В небольшом аэропорту Храброво моему взору предстала обалденная картина: Эльза в павловском платке, завязанном морским узлом на голове. В умопомрачительной коффе с расцветкой как стена с граффити. Рядом два чудных накрахмаленных одуванчика – Маргоша и Герочка, питерские аристократки-подружки, Валерия Павловна в боевом раскрасе, а вокруг толпа зачарованной молодёжи, слушающей Эльзу с раскрытыми ртами. Кто бы сомневался!

Эльза. Сумасбродная Эль-за.

По приезде путешественница сразу начинала вспоминать, что у неё обострился диабет, жуткая стенокардия и вообще, наверное, пришло время умирать. Её надломленный, утомлённый голос звучал как сигнал SOS.

Я давно раскусил этот незатейливый, но отлично работающий трюк. Чем выслушивать мораль от моей матери, лучше притвориться умирающей и получить новую порцию внимания и заботы. Умирающая Эльза – то ещё представление.

Эльза. Хитрющая Эль-за.

Каким образом она умудрялась накрутить себе давление, для меня загадка, потому что после отъезда «скорой» Эльза спокойно на балконе курила беломорину, разговаривая по телефону с такой же «умирающей» Марго. Обе весело хохотали: девочкам хорошо, девочки в своей стихии.

Эльза курила «Беломор» по-чёрному. Без выходных и праздников, как бессмертная. Щёлкала красивой зажигалкой, выпуская на волю жёлтый огонёк, густой, как кисель из тутовника. Магия!

Когда врач с озабоченным видом заявлял Эльзе, что она может умереть, больная изумлялась:

– Что вы такое говорите? – её голос соткан из тонкого бисера сарказма. – Мне всего-то восемьдесят с небольшим хвостиком – какая смерть?

И на доктора смотрела мечтательная женщина с едва уловимым налётом меланхолической беспомощности.

– Не молоденькая, однако, вы.

Эльза с недоумением смотрела на смутившегося доктора – она не собиралась поднимать белое знамя поражения.

– Я не готова к смерти, доктор, – в голосе Эльзы столько трагизма, что доктор начинал извиняться. – Планов громадье, а вы про смерть... Вы это сказали не подумавши.

– Всё же вам надо себя беречь, – спокойно, но настоятельно рекомендовал врач.

Театральная пауза по сравнению с игривой отрешённостью Эльзы – мимолётный сигаретный дым.

– Значит, всё-таки существует такая вероятность? – она аккуратно, а главное, серьёзно прощупывала ситуацию.

– Да, – устало кивнул доктор.

Эльза кумекала. С ней такое бывало: чуть задумается – и полностью уходит в себя... Но вот она резко поднимается. Голова гордо откинута назад. И вновь Эльза в своей стихии.

– Спасибо, я вас услышала, – она по-мужски пожала руку обалдевшему доктору.

И гордо удалилась на балкон. Закурила и по телефону громко жаловалась Марго, а потом и Гере на непрофессионализм врачей. Питерские аристократки полностью с ней соглашались.

Точно такой же звонок Клементине. Её поддержка Эльзе особенно дорога и важна. Она услышала главную фразу подруги:

– Пусть тем, кто тебе такое говорит, будет на венок.

Эльза счастлива, поэтому, когда мама приносила ей на блюде таблетки, она смотрела на неё с недоумением:

– Ты решила меня отравить?

– Врач сказал, что надо.

– Кому?

– Эльза, прекрати клоунаду.

– Я не буду этой химией травить свой организм. Принеси мне «негрустинки». Десять капель – и я здорова.

– И готова к новым приключениям, – я не упустил случая подпустить шпильку в адрес Эльзы.

Она засветилась, как новогодняя ёлка:

– Я к ним всегда готова! Я женщина, а не особь женского пола. Ум, породу, достоинство не перешибёшь ничем. В том числе и возрастом. Я не расстанусь ни с одной своей морщинкой, потому что каждая из них слишком дорого мне досталась.

Эльза. Авантюристка Эль-за.

Мне было лет пять, когда Эльза заявила:

– Я уже не девушка, и мне уже далеко за, так что реже Эльза и чаще бабуля.

На что я возразил:

– Бабуля – это словно тебе сто лет, ты глухая и немощная. Так не пойдёт. Не хочешь быть Эльзой – будешь просто Ба.

Эльза подумала и согласилась:

– Прозвище – это тоже достижение.

Эльза. Любимая Ба.

Эльза на старости лет купила себе квартиру – не потому, что не хотела с нами жить, просто посчитала, что деньги не должны лежать мёртвым грузом на её сберегательном счёте. И квартира была в абсолютно правильном месте – между старой аптекой и кладбищем.

Из одного окна вид на фармацию: она под окном, и можно до неё добежать, чтобы успеть купить нужную таблетку. Из другой комнаты открывался негрустный вид на ухоженное кладбище.

«Недалеко», – подумала Эльза, глядя на живописный солнечный пригорок из окна.

Эльза. Предусмотрительная Эль-за.

Эльза – знаменитость нашего района. Играет с мужиками во дворе в шахматы, и никто её ещё ни разу не победил. Доморощенные шахматисты сначала злились, бушевали, искали подвох, а потом привыкли.

Поёт в хоре «Русские сударушки». Она – на всех вернисажах, на премьерах спектаклей, концертах. Она всюду успевает. И, кажется, её везде ждут.

– Женечка, солнце моё, надо наслаждаться сейчас, а не ныть, потому что, сколько той жизни будет отмерено, никому неизвестно. Запомни: когда я говорю, что у меня депрессия, – это означает только одно: одиночество и отсутствие любви, с чем я и борюсь. Запомни: поздно никогда не бывает! Главное, чтобы у тебя было желание.

Эльза. Беспокойная Эль-за.

– У очень пожилой женщины остановилось сердце, – передала на «скорую» незнакомка. Пожилой женщиной оказалась Эльза. Она вышла погулять и...

До очередного юбилея не дожила неделю, хотя к нему активно готовилась: заранее заготовила впрок «негрустинки», всему дому сообщила, что двадцать первого двери квартиры для всех открыты и каждому гостю будут рады – накормят, напоят. Позвала в помощь Валерию Павловну, свою бывшую студентку, ставшую уважаемым учителем математики, живущую в соседнем подъезде. Обзвонила и напомнила тем, кто мог забыть.

Эльза предчувствовала, что это её последняя круглая дата, поэтому продумывала всё основательно, чтобы не было стыдно.

– Человек должен умереть приятно уставшим. Вот тогда его уход из жизни будет естественным, в нём не будет трагизма, – поучала Эльза, но на всякий случай попросила Аннету, дочь, если что-то случится непредвиденное, выполнить последнюю просьбу: обкурить любимой беломориной.

– Мама, – строго заметила Аннета, – ты проживёшь ещё кучу лет. Твоё время ещё не пришло.

– Всю жизнь, дочь, ты со мной неугомонно споришь, – недовольно фыркнула Эльза. – Если я сказала, что чувствую, что скоро, – значит, скоро.

– С чего ты это взяла? – не отступала Аннета.

– У моей матери была подруга детства тётя Лида, – принялась терпеливо объяснять дочери Эльза. – Мать всю жизнь была командиршей во всём: дома, на работе, даже на отдыхе. Лида – полная ей противоположность: спокойная, рассудительная, неторопливая.

На лице Эльзы заиграла улыбка, видно, для неё это были приятные воспоминания:

– Я никак не могла понять, почему мать всегда прислушивалась к её советам. И однажды я у неё об этом спросила. Оказывается, только потому, что Лида была старше матери на девятнадцать дней.

– И что из этого? – дочь невозмутимо смотрела на мать, ожидая какого-то подвоха, и была разочарована, не получив его.

Эльза широко улыбнулась:

– Оса за это время проживает целую жизнь.

– И к чему ты мне это рассказала? – в голосе Аннеты звучала обида.

– Чтобы ты наконец научилась слушать старших.

Эльзу считали эксцентричной, но она смеялась и говорила, что так думать могут только скучные люди.

– Я – невинная гордость тех, кто не боится толпы, не тащится за ней, подстраиваясь под её вкусы, – утверждала она.

Проводить Эльзу в последний путь пришло много людей, даже те, кто её не знал, но был о ней наслышан.

Почему же она называла себя Эльзой? Так звали женщину в фашистском концлагере Дахау, спасшую её, двенадцатилетнюю девочку, от гибели.

Судьба бросала не единожды Эльзу на колени, но ни разу не заставила перед ней пресмыкаться. На бывшего мужа Гришу, которого называла домочадцем, иногда фыркала, сердилась на него, но, когда узнала о его болезни Паркинсона, вернулась и до последнего его вздоха стала для него руками, глазами и голосом.

Мне не хватает Эльзы.

Её неуёмной, бьющей ключом энергии, её незатухающего энтузиазма:

– Отдыхать будем на том свете, хотя может и не получиться.

Или:

– Скучно ничего не бояться – теряется бдительность.

Её оптимизма:

– Жизнь для того и дана, чтобы человек через всё прошёл.

Её искромётного юмора:

– Старость – это возрождённое детство, при условии, что вы знаете, что такое настоящее детство.

Или:

– Умирать не страшно, всё равно похоронят, куда денутся!

Вот ещё:

– Жизнь дана для того, чтобы её прожить, – часто повторяла Эльза. – Жизнь надо любить! Не верьте тем, кто вам говорит, что жизнь одна. Мы живём каждый день – цените это. Мы так привыкли всё откладывать на чёрный день и жить в его ожидании, что или не дожидаемся, или уже сил нет насладиться кубышкой на чёрный день. Женечка, мы только один раз умираем!

И она ценила и любила жизнь – и на все каверзы и препоны предпочитала не сердиться, а удивляться:

– Да ну?

Она не умела быть второй. И даже первой не умела. Только единственной... Окончила физмат, защитила докторскую, в совершенстве самостоятельно выучила французский и говорила на нём как истинная мадам. Удочерила, взяв из детского дома, мою маму.

Золотые слова Эльзы:

– Когда твоя жизнь близится к концу, ты уже хорошо знаешь, как следовало её начать.

Говорят, в машине «скорой» за несколько минут до последнего вздоха Эльза с глубочайшим сожалением произнесла:

– В Париж так и не успела съездить...

Эльза. Эль-за. Непобедимая и непобеждённая. Я без неё – сирота!

Аристократки

Городу, укравшему моё сердце, посвящается

Моё детство – жизнь между двумя божьими одуванчиками, между двумя очаровательными старушками, потому что маме Ане (но все её звали на французский манер – Аннетой) всегда было не до меня, а папе – уже не до меня.

Мои родители познакомились в Москве, там же поженились, и там же родился я, но папе предложили хорошую работу и квартиру в Ленинграде, и семья переехала в город Ленина, где проживали Гера с Марго.

Чтобы я не мешал им устраивать личную жизнь, с шести лет меня культурно спланировали в «стардом» к тётушкам, проживающим в соседнем доме. Очень удобно: я рядом и в то же время никому не мешаю.

Ссылка меня устраивала. Я не слышал, как стены родительской однокомнатной квартиры сотрясались от выяснения их отношений, а, по словам тётушек, делали они это часто и бурно.

Старушки считали, что главная проблема моей матери в её иступлённом умении резать «правду-матку в глаза», особенно там, где в ней никак не нуждались. Зачем было говорить начальнице открытым текстом, что та дура? Можно было подать эту любопытную мысль более завуалированно. Тётушки не один раз просвещали маму, что дураков на свете много, но они так умно расставлены, не сразу и заметишь. Кричать же об этом на всю ивановскую бесполезно. Результат: мама надолго осталась без работы.

А Фёдорович?! Он появился, когда родители развелись. Хороший и приличный ухажёр. Приходя к нам в гости, дарил божьим одуванчикам цветы – каждой отдельно, чтобы не обидеть. Старушки умилялись его галантности. Всё испортила мама, сказав кавалеру, что из него бизнесмен как из неё балерина. И с неистовым женским сарказмом добила:

– В бизнесе надо соображать, а не тупить!

Маме никак было невдомёк, что своей категоричностью она травмировала людей, сбивала их с ног. Правда вообще-то не всем нужна, с ней надо быть осторожной и аккуратной, как с коброй, которая смертельно ужалит любого, кто неумело с ней справляется.

– Как идиотка, Аннета, ты безупречна, – вырвалось в сердцах однажды у Марго.

– Я умнее многих, – стояла на своём, насупившись, мать.

– Незаметно, – неслышно констатировала Гера.

Не жалела мать и меня. Когда тётушки восторженно твердили, какой я замечательный и послушный сын, мать морщилась. И однажды вынесла свой безжалостный вердикт:

– Ребёнок предателя не может быть хорошим.

Марго объективно возразила:

– Муж ушёл от тебя от большого разочарования. Мужчина, чья гордость пострадала, похож на раненого зверя, несущегося через лес.

– Марго, ты меня с ума сведёшь своими умозаключениями, – недовольно отмахнулась мать.

– Это весьма сомнительно, – не осталась в долгу Марго, после чего гордо удалилась в другую комнату, оставив мать в замешательстве.

Я не понимал, почему я ребёнок предателя и почему не могу быть хорошим, но слова матери, как брошенное в землю зерно, проросли. И однажды я их ей напомнил.

На выпускном вечере, после того как мне вручили медаль, мать восхищённо воскликнула:

– Горжусь тобой!

И я не сдержался:

– Сыном предателя?

Мать словно кипятком ошпарили:

– Ты обиделся на меня за эти слова?

– Я их запомнил!

И что-то в ней после этого изменилось: она перестала быть столь категоричной или умело это маскировала.

Марго не зря матери как-то в сердцах высказала:

– Аннета, твоя проблема в том, что ты живёшь порывами, а не размышлениями. – И ещё посоветовала: – Перестань играть счастливую.

– Да, моя самооценка ниже плинтуса, но мой плинтус выше вашей головы, – ответила та с обидой.

– Люди эмоционального склада ума всегда нуждаются в некотором руководстве, иначе от них исходит дискомфорт, – заключила Марго, отвечая на мой вопрос, почему мама перестала к нам заходить.

У меня не было детского садика – этого обязательного для такого малолетки, как я, концлагеря. И главное – минимальное количество «нельзя». Старушки искренне считали, что «нельзя» – это детская дискриминация. Всегда с ними был полностью в этом согласен.

Ребёнку необходима любовь – у меня она была в неограниченном количестве, да ещё и в квадрате. Если к тому же присоединить моих родителей, получался океан и маленький тазик. При чём здесь тазик? Не знаю, – возможно, для красного словца или для красоты. Тётушки считали, что красота должна быть во всём, особенно в любви.

Они не любили рассказывать о своём прошлом. У них наступала временная амнезия. Со временем уяснил: она полезна в малых дозах, особенно когда хочется выкинуть из жизни прошлое.

Старушки жили мирно, изредка бранились на кухне, когда я, как им казалось, спал в крепких объятиях Морфея.

Никогда не мог понять, кем семье приходились Маргарита Алексеевна, она же Марго, и Генриетта Брониславовна, она же Гера, отличавшаяся словесным минимализмом.

– Ну живут себе два белых платочка, никому не мешают, – вырвалось как-то невольно у мамы.

Папа был более точен и, как ему казалось, объективен в этом непростом вопросе.

– Две старухи никак не могут выйти из образа жизнерадостных дурочек.

На что старшая тётушка Маргарита Алексеевна очень учтиво и в то же время возмущённо пристыдила отца:

– Вольдемар, как вам не совестно? – Марго укоризненно посмотрела на отца, сконфузив его взглядом. – Мы компаньонки.

Что папа с юмором парировал:

– Компания и в самом деле шикарная. Смотришь на вас и радуешься жизни.

Папа навещал меня, будучи подшофе, и тётки стояли китайской стеной – не пускали его ко мне, оберегая, как им казалось, от глубокой психологической травмы. Им было невдомёк, что именно в такие моменты я больше всего и обожал отца. Весёлый и раскрепощённый, он много играл со мной.

Пьяный отец время от времени оставался ночевать в моей комнате. Тётушки хоть и рьяно протестовали, но было достаточно моего взгляда – и они отступали. Отправляли отца в ванную, а потом, пока он спал со мной на диване, обстирывали его, чтобы утром он уходил на работу как человек.

И однажды отца не стало.

Зашёл к нам, отдал тётушкам деньги:

– Для Жени.

Ещё сказал, что всё его достало, особенно жизнь, – и побежал по ступенькам вниз. Марго с Герой побежали за ним, я вышел на балкон. Визг тормозов, крики... и я увидел на тротуаре то, что ещё минуту назад было моим отцом.

– Отмаялся, – с горечью произнесли тётушки.

Они считали, что отец принадлежал к той категории людей, которые несут свои страдания внутри, стараясь не расплёскивать их на близких, оберегая их от этого. Через «зелёного змия» он снимал стресс.

– Тонкой душевной организации человек был, – не раз твердила мне Герочка, утирая платком слезу.

Когда я пошёл в школу, в боевой путь покорения знаний отправились и тётушки. С Марго я проходил историю, географию, биологию. Ещё был французский: оказалось, что это язык образованного и цивилизованного молодого человека, и на нём настояла моя бабушка – Эльза.

Гера образовывала духовно: литература, искусство и обязательная музыка – арфа души, как патетично выражалась тётушка. Она занималась со мной на скрипке. Гера закончила консерваторию и, когда переехала в Ленинград, устроилась учителем музыки в школу, в которой работала Марго.

Тётушки считали: чтобы вынести жизнь – нужна музыка. Из стеклянного футляра бережно доставалась скрипка:

– Колина скрипка, – благоговейно шептала Гера.

Меня не заставляли быть отличником.

Марго сразу заявила:

– Не надо бояться плохих оценок, надо бояться плохих знаний.

А Гера добавила:

– Быть отличником ещё не гарантирует, что ты набрался знаний.

На их призывы:

– Женя, пора садиться за уроки! – всегда отвечал неопределённо:

– Сейчас!

На что Марго с досадой отвечала:

– Твоё «сейчас» – временной промежуток от секунды до арифметической бесконечности.

А Гера присоединяла свои скромные пять копеек, потому что не могло никогда быть такого, чтобы воспитывал кто-то один, – только вместе.

Когда получал двойки, я изображал убедительное раскаяние. Тётушки верили и поочерёдно глотали валерьянку. Было совестно.

Моё детство с милыми старушками – это счастливые моменты, из которых складывалась радость жизни. Собаки, кошки, хомячки и черепахи – в этой живности меня не ограничивали. Кто в квартире только не перебивал из друзей наших меньших!

– Животные человека воспитывают, а не он их! – с этим утверждением моих воспитателей нельзя не согласиться.

Трудный возраст мы прошли вместе. Корвалол и валидол существенно помогли тёткам его пережить.

Благодаря им в старших классах я испытал настоящий пароксизм учения – окончил школу с медалью.

В университет на исторический мы поступили втроём. Тётушки решили, что им недостаточно послевоенного образования.

– Чтобы не достала деменция или Альцгеймер, надо тренировать мозги! – боевито заявила Марго. Гера всецело её поддержала. Мои любимые старушки всё делали в унисон.

Порой мне кажется, что тётушек взяли в университет из-за ажурных шляпчиков, в которых они явились, сразив приёмную комиссию наповал. Старушки произвели фурор.

Председатель комиссии, принимая документы, негромко выдавил из себя:

– Однако!

Тётушки восприняли его слова как похвалу.

На первой лекции декан шутливо поинтересовался у них, зачем пришли.

Марго с Герой ни капли не растерялись:

– Где ещё можно встретить молодого и красивого, как не среди студентов? – резонно подметила Марго.

– И потом, детородная функция у нас ещё не отмерла, – ни капли не смутившись, добавила Гера.

Аудитория легла... Что придало тётушкам уверенности, что они на правильном пути.

– Вам не показалось, что для учёбы у вас чересчур преклонный возраст? – декан не сдавался, продолжая наступление.

На что смелая Марго заявила:

– Старость – это когда ты беспомощная лежишь на диване и делаешь под себя.

– Мы до этого возраста ещё не дожили, мы ещё в процессе взросления, – расширила границы познания декана Гера.

– Взросления?

– Да, это когда всё интересно и ужасно не хочется стареть.

– Девушки, вы даёте! – восторженно произнёс декан и зааплодировал.

Аудитория ему вторила.

Тётушки на пять лет стали героями университета, диплом мы получали вместе.

Пришло время, когда я заявил ошалевшей семье, что собираюсь жениться. Мать схватилась за сердце.

Гера, младшая компаньонка Марго, потому что старшей уже было восемьдесят два, а Генриетте лишь на днях стукнуло столько же, успокоила маму:

– Аннета, чего ты так волнуешься?! – тётушка растроганно смотрела на оторопевшую мать, теребя в руках любимую тряпичную куколку, с которой никогда не расставалась. – Мужчина должен пройти краткий ликбез учебно-познавательного брака, потом несколько лет учебно-тренировочного, после чего принять окончательное решение: ему нужна семья или его исключительно интересуют только женские особи?

– Сами-то откуда знаете? – изумилась мама. И не удержалась от язвительности: – Замужем были при царе Горохе.

На что Марго с важной невозмутимостью заявила:

– Мужчина – это ещё товар повышенного спроса. Правда, – улыбнулась Марго, – всё зависит от качества самого товара.

– Очень важно содержимое товара, – добавила Гера.

– Если товар качественный и хорошо сохранился, то и содержимое не должно подвести, – авторитетно заключила Марго. – Знаю, что дамы обращают особое внимание на дизайн, форму, упаковку.

– Нет, Марго, неважно, в ярком фантике товар или в крафтовой бумаге, всё же главное – содержимое, – настаивала Гера.

– Теперь я поняла, почему вы развелись со своими мужьями, – мама не сдержалась и засмеялась. – У одной, видать, срок годности товара истёк, у другой – не то содержание. Так? – Аннета в упор посмотрела на растерянных тётушек.

– Ты всё утрируешь, – возмутилась Марго. – Если муж подлец, он ремонту никогда не подлежит. Я своего Миненко любила с четырнадцати лет, но это не мешало ему крутить романы на стороне.

– Моя мама, – интеллигентно вмешалась Гера, – об отце так всегда говорила: «Он – крышечка от моей кастрюлечки. Мы подходим друг другу идеально...»

– Ну развелись, горе-то какое... – Аннета неодобрительно нахмурилась. – Что мешало вам попробовать ещё раз счастья поискать?

Прямой вопрос мамы ввёл тётушек в диссонанс.

– Моя дверь всегда была настежь открыта, но после Миненко я её закрыла, – первой пошла на откровенность Марго. – Слишком холодно стало после него. Мне захотелось согреться, устраивая себе небольшие романы для блеска глаз, – на лице Марго появилась лукавая женская улыбка. – Когда женщине сорок пять, главное – чтобы «ягодка» не забродила.

Мать с интересом слушала Марго, прекрасно понимая, о чём толкует тётушка.

– Я в сорок пять, – мать не удержалась и засмеялась, – побила все личные рекорды по внезапности и противоречивости.

– Женщина без мужчины... – Марго призадумалась, – это как ключ без двери. Зачем нужна дверь, если её нельзя открыть?

– Мы, Аннета, – вкрадчиво начала Гера, – берегли свои ключи, чтобы никто не мог открыть наши двери.

– Для чего? – искренне поразились мать.

– Новое замужество может быть запятой, вопросительным знаком или восклицательным, – ненавязчиво ворковала Гера, поглаживая мамину руку.

– Сколько раз замечала: как только я начинаю любить кого-то больше себя, моя жизнь необратимо летит ко всем чертям, – удручённо воскликнула мать.

– Аннетушка, для того чтобы человека любить, надо его понять, надо его жизнью жить, вместе с ним дышать. Слышать порою то, что нельзя сказать. Мало его найти – важно не потерять, – трактовала свою версию любви Гера.

– Тётушки, вы своими умозаключениями сведёте меня с ума, – эмоционально вырвалось у матери.

– Видишь ли, Аннета, мы с Маргошей, – слово снова взяла Гера, – долгое время никак не можем прийти к согласию: «бац» – это глагол или междометие.

– Это так важно? – я не удержался и сунул свой нос в разговор.

– Конечно, – отреагировала Марго, потухшие угольки глаз ожили. – Например: он взял и бац ей по голове, ну это же явно выраженный глагол.

– Вот и нет! Бац – это же междометие и звукоподражание, – отчаянно доказывала Гера.

– Герочка, ну ты не права, – возмутилась Марго, – как тебе это доказать...

И старушки не на шутку распались.

После этого нам с мамой стало окончательно ясно, почему наши компаньонки больше не нашли себе мужей. Потому что для семейной жизни очень важно изначально понять: «бац» – это глагол или всё же междометие, да ещё со звукоподражанием...

Тётушки любили устраивать себе разборки для поднятия жизненного тонуса.

– Гера, ты похожа на потрёпанную интеллигентку.

– В принципе, так и есть, – недолго думая согласилась Гера. – Интеллигентки должны быть потрёпанными, тогда в них верят.

Гера в свободное время вязала, это раздражало Марго.

– Что ты делаешь? – ворчала компаньонка.

– Вяжу.

– Вижу, что спицами трудишься, – раздражалась Марго. – Над чем так коптишь?

– Над жизнью, – продолжая работать спицами и поправив очки на переносице, спокойно реагировала Гера. – Вязание не только успокаивает, но и заставляет задуматься. Вот мне порой и кажется, что я вяжу свою жизнь.

– Только свою?

– До блокадного Ленинграда – исключительно свою, а потом в моё вязание вплелись другие нити, в том числе и красная твоя, – уточнила Гера.

– С чего это моя красная? – вытаращила глаза Марго.

– Потому что главная.

Ответ Геры пришёлся по душе Марго.

– Где ж ты столько нитей берёшь?

– Распускаю свои, чтобы в узоре преобладала не только одна красная нить. Мои нити – это мои молитвы.

– У тебя получается добротный узор, – от раздражения не осталось ничего. – Надо и мне этому научиться.

– Вязальщица должна быть одна, – остановила порыв подружки Гера.

– Почему ты так решила?

– Если будем обе вязать, лишишь меня радости делать тебе подарки, – объяснила Гера.

– Чем же мне тебя одарить?

– Шарлотта, соседка наша, научила тебя печь превосходный яблочный штрудель. Я его обожаю.

– Хотя кто-то мою стряпню оценил.

– А ты обратила внимание на моё рукоделие, – не осталась в долгу Гера.

– То, что ты делаешь, называется жизнесплетением, а не вязанием.

Гера развела руками.

У тётушек была страсть – кофе. Я как-то их за это упрекнул:

– Столько кофе в вашем возрасте вредно.

Марго посмотрела на меня как на врага. Сдерживая себя в словах, ответила культурно, чтобы не обострять отношения:

– Кофе не роскошь, а средство передвижения.

– Передвижения куда? – поинтересовался я.

– К блаженству!

«Неплохое блаженство – без фанатизма по десять чашек в день», – подумал я про себя, но вслух произнёс совсем другое:

– Тётушки, как бы вы назвали свои отношения?

Марго посмотрела на Геру исподлобья, пытаясь сердито хмуриться поверх довольной улыбки, – мой вопрос пришёлся ей по душе.

– Противопожарная профилактика, – ответила она, не особо задумываясь. – Гера – мой вечный огнетушитель, потому что я вечный источник огня.

Ответ мне понравился, я продолжил расспрашивать:

– Интересно, какое место в вашей противопожарной службе занимает Эльза?

– Главное, – с живостью ответили одновременно Марго с Герой, с непониманием глядя на меня как на больного. – Она инспектор нашей службы.

– А Клементина тогда кто?

– Армия спасения, – с готовностью произнесла Гера, словно давно ждала данный вопрос.

Я блаженно откинулся на спинку кресла и молча уставился на Марго:

– А моя мама Аннета?

Марго еле заметно поморщилась.

– Женечка, – почти ласково произнесла Гера, – у нас всё по фэн-шую. Когда возникает пожар в наших отношениях, каждый знает свои обязанности и немедленно приступает к ликвидации возникшего очага.

– У нас всё под контролем, – очень убедительно заверила Марго. – В отношениях главное – знать, кто за что отвечает.

Умерли тётушки в один день. Сначала ушла Марго, к вечеру за ней отправилась Гера.

– Они с блокадного Ленинграда вместе, – утирая слёзы, сказала мать. – Он их свёл. В блокаду детвора не выросла, а старела – это их слова. Потом у них была Дорога жизни, эвакуационный поезд, полный детишек и раненых, разбомбленный фашистами. Особенно сблизилась она в Воскресенском детском доме, куда их привезли в сорок третьем. Девчонки везде были вместе, как родные сёстры, хотя ими никогда не были.

– Как так? – моему удивлению не было границ.

– Марго и Гера приютили меня, когда я приехала поступать в Ленинград и не поступила, – слёзы застилали глаза матери. – Возвращаться в Свердловск к матери не хотелось. Я ведь поехала против воли Эльзы. Ба твоя с тем ещё характером была, хотя, признаюсь, и мой не сахар. Она ведь ни слова не проронила, что в Ленинграде живут её подруги. «Хочешь проявить характер, – сказала мне Эльза, – дерзай!» Сидела я, семнадцатилетняя девочка, на Московском вокзале и ревела, потому что у меня ещё и деньги последние украли. И подошли две женщины. И разговорили. И я как на духу обо всём им рассказала. И привели они меня в свою квартиру. И я жила у них. Когда поступила на следующий год и захотела переехать в общежитие, Марго с Герой очень обиделись, что я их оставляю. И я осталась у них.

– Ты не знала, что Марго и Гера – подруги Эльзы? – изумился я.

– Я это поняла, когда на Новый год приехала мать. Партизанили тётушки, – мать улыбнулась. – Оказывается, она им позвонила, попросила, чтобы они меня разыскали, приютили, но не говорили, что это она их попросила. Марго с Герой во всём мне помогали.

– Значит, я воспитывался чужими людьми? – потрясению не было границ.

– Эти старушки роднее родных, – энергично возразила мать. И это была истинная правда.

– Они аристократки? – поинтересовался я.

– С чего ты взял?

Я неопределённо пожал плечами. Мама поняла моё состояние, тепло улыбнулась.

– Марго и Гера из Питера – одно это уже делало их аристократками.

Она задумчиво вглядывалась в небольшой холмик с деревянным крестом:

– Они отличались чрезвычайной добротой. В доброте обязательно должна присутствовать цепная реакция взаимодействия, Марго с Герой старались её никогда не прерывать. Плюс деликатное старение.

– Это как? – изумился я.

– Не торопить жизнь, пусть всё идёт своим чередом, – разъяснила мать. И добавила: – Уйдя, они после себя оставили желание говорить о них как об особах в возрасте, очень приятных и милых.

Я часто привожу на могилы любимых тётушек своих детей. Рассказываю им об этих необыкновенных старушках.

– Папа, – спросил меня младший, – что тебе больше всего нравилось в тётушках?

– У них напрочь отсутствовало слово «поздно».

Шарлотта

Довоенное объединение девочки по имени Октябрина – шарлотка, простой и вкусный яблочный пирог, тающий во рту. Она запомнила его невероятно пьянящий аромат, струящийся на всю кухню, и своё томительное ожидание, когда бабушка Илза наконец-то вытащит из печи тяжеленную чугунную сковороду, разрежет благоуханную выпечку ещё горячей и выложит любимой внучке на блюдце. Строго предупредит: только спустя несколько минут можно будет насладиться вкуснятиной с чашечкой ромашкового чая.

Сначала семья ласково называла девочку сладкоежкой, со временем – просто Шарлоттой из-за её любви к шарлотке.

Позже она поднаторела печь этот незатейливый пирог. С первых попыток не получалось: сколько продуктов извела, прежде чем её десерт стал походить на бабушкину шарлотку, идеальную во всех отношениях.

А как-то решила испечь торт. Настоящий.

Но это потом, потом...

Перед самой войной семья маленькой Шарлотты переехала из небольшого города Котласа в Ленинград. Родители устроились на завод, Октябрина все дни напролёт оставалась на попечении бабушки. Именно железная дисциплина и прибалтийская педантичность Илзы спасли семью в первую, самую страшную блокадную зиму. Никто тогда не верил, что изоляция города затянется на годы.

Хлеб блокадный, да и сами карточки на хлеб – самое дорогое, что имела и берегла каждая семья. В начале блокады хлеба выдавали по четыреста граммов на руки, в октябре срок первого снизили до двухсот граммов, а с середины ноября установили минимальную норму – сто двадцать пять граммов в сутки.

Полученный по карточкам хлеб бабушка складывала в шкаф, запирала массивную дверцу на ключ и чётко по часам выдавала домочадцам по лимитированной четвертинке, чтобы растянуть заветный паёк на сутки. Шарлотта, маленькая, как птичка, сидела перед заколдованным шкафом, тоненьким голоском умоляя стрелку часов, что на стене напротив, двигаться быстрее. В изнуряющем ожидании своего крохотного кусочка ребёнок засыпал, часто падая с покрашенного голубой краской стульчика.

По воскресеньям Илза устраивала домашним маленький праздник. Варила «ситро» – блокадное лакомство: растворяла в кипятке ложечку соды и щепотку лимонной кислоты. Другим «роскошным» блюдом был студень из столярного клея, в который бабушка для вкуса добавляла самодельную горчицу.

Первое горе семьи: в декабре сорок второго не стало Илзы. Насобирав по окрестностям, она принесла домой небольшую охапку дров. Устало присела на пол (мебель-то давно ушла в буржуйку), сильно раскашлялась и вмиг затихла. Шарлотте хотелось с ней поиграть, она пробовала растолкать бабушку, но ничего не получилось. Шарлотта расплакалась, так и уснула, лёжа на бабушке.

Алексей, отец Шарлотты, воевал под Сталинградом. Однажды во время очередной бомбёжки в его висевший на стене портрет попал осколок, влетевший с улицы, разбив окно.

Всезнающая соседка баба Нюра с горечью напроорочила:

– Лида, жди похоронку.

Мама Лида умерла на рабочем месте, за станком. Молча сползла на пол, и всё. С работы забежала женщина, сочувственно погладила Шарлотту по голове, попричитала с бабой Нюрой и ушла, оставив им хлебные карточки.

К декабрю сорок второго в полуразрушенном огромном доме на семь подъездов в живых осталось двое – Шарлотта и семидесятилетняя баба Нюра. Каждое утро, как на работу, она отправлялась с карточками за хлебом. В очереди приходилось стоять три, а то и пять часов – как повезёт, как привезут хлеб. В тот день баба Нюра не вернулась. Не пришла ни на второй день, ни на третий...

Умирать в пустой квартире Шарлотте не хотелось. Из последних сил она выползла на улицу, уселась на снежный пригорок около дома и стала ждать.

Город, уставший от дневных бомбёжек, артобстрелов, сирен воздушной тревоги, людской суеты, застывший на очередную ночную вахту, погрузился в тревожно-сонную дремоту, наслаждаясь внезапно выпавшим покоем и гордо храня величавое одиночество, окутавшее его. Золотистый молодой месяц, как небесный страж, висел над почивающим, но не сдающимся городом Петра.

Последнее, что отметило угасающее сознание девочки, – голоса людей...

– Кто-то там, наверху, за неё замолвил словечко! – после операции уверенно произнёс врач.

Уши ребёнка – чутко улавливающий и анализирующий информацию локатор. Шарлотта случайно услышала сказанные кому-то вполголоса слова пожилой медсестры, что у доктора теперь нет семьи. Ночью на Дороге жизни караван машин с эвакуированными попал под обстрел. Полуторка, в которой ехала жена доктора с двумя дочерьми, провалилась под лёд. Никто не спасся.

Девочка запомнила фразу:

– Молодой, такой интересный и уже одинокий – это неприлично!

В устах медсестры слово показалось девочке скверным. Вечером озадаченная Шарлотта спросила у двенадцатилетней Марго, соседки по палате:

– Если доктор мне нравится – это неприлично?

Марго рассмеялась:

– Ты что, в него влюбилась?

Шарлотта рассердилась, поинтересовалась у другой девочки, которая уже несколько дней молча лежала в их палате:

– Скажи, Гера, – она с мольбой смотрела на отрешённое лицо, – если доктор мне нравится – это неприлично?

Гера молчала. Шарлотта расстроилась и уже не ждала ответа. Но вдруг услышала категоричное:

– Если доктор – это прилично.

Счастливая Шарлотта поцеловала Геру в холодную щёку.

Через полторы недели прискакала на одной ноге – вторая была ампутирована – в кабинет доктора. Тот ей обрадовался, угостил костяным кусочком сахара.

– Рассказывай, как себя чувствуешь, – его голос звучал мягко и вызывал доверие.

Пока они рассматривали друг друга, врач испытал странную неловкость: девочка напоминала ему погибшую Аннушку, его пятилетнюю дочь, – озорную, любопытную, гордо заявлявшую всем: «Я папина дочка!»

– Вы один, я одна. – Шарлотта пристально уставилась на спасителя. – Это неприлично? – весомо и со значением произнесла она. Взгляд серых глаз маленькой пациентки просвечивал доктора, словно рентген.

– Что ты этим хочешь сказать? – изумлённо поинтересовался седой хирург, которому всего-то было тридцать пять.

Шарлотта опешила, не зная, что ответить.

– Я всё сказала, – и, оставив сахар на столе, ускочила на одной ноге к себе в палату.

Как-то доктор во время обхода зашёл к Шарлотте, сел напротив.

– Ты права, – сказал он серьёзно. – Сейчас неприлично быть одиноким. – Волнение стиснуло горло. – Мне показалось, ты знаешь, как решить эту проблему.

От постоянного недосыпа доктор выглядел усталым, черты лица ещё больше заострились.

Какое-то время они молчали. Первой начала Шарлотта:

– Жаль, что сейчас не Новый год. – Девочка с сожалением посмотрела на доктора.

– Ты бы у Деда Мороза попросила для себя какой-то подарок? – догадался доктор. – Наверное, куклу? – предположил он. Что ещё могут хотеть девочки?

– Я не играю в куклы.

Доктор удивился и вспомнил, что почти то же самое ему в прошлом году сказала его старшенькая, Аннушка. «Я хочу быть, как ты, врачом, подари мне белый медицинский халат!» – попросила она. И он подарил. Попросил одну из санитарок, которая обшивала полбольницы, справиться маленький медицинский халат. Сколько же искренней радости было в глазах дочери!

– Тётя Тася, старшая медсестра, сказала, что быть одиноким – это неприлично.

– Прямо так и сказала? – удивился доктор.

– Да! – Шарлотта кивнула.

Доктор задумался. Сколько горя, отчаяния, детских трагедий он навидался в госпитале за время блокады, а ведь ей ещё не видно ни конца ни края.

– Быть одиноким – это и в самом деле нехорошо, – сокрушённо согласился он.

– Вам вот уже много лет, а мне всего шесть, и я уже одинокая. – Шарлотта, словно старушка, тяжело вздохнула. – Неприлично это в моём возрасте. – И сказано было это с такой трагедийной комичностью, что доктор рассмеялся.

– Лучше скажи, что бы ты хотела попросить у Деда Мороза, – доктор нежно погладил рукой короткие волосы Шарлотты.

Девочка не удержалась и заплакала.

– Ну что ты... – доктор растерялся. – Только что говорила, что ты уже большая девочка, и на тебе – слёзы...

Чем больше он утешал Шарлотту, тем сильнее она плакала. Доктор совсем растерялся, достал из кармана носовой платок. Но неожиданно через мгновение воцарилась тишина. Девочка отстранила белоснежный платок и ручками протёрла глаза:

– Я бы у Деда Мороза попросила такого папу, как вы.

Доктор вконец оторопел.

– Я была бы вам хорошей дочерью, – заверила та.

Брошенные зёрна проросли через две недели, когда надо было решать судьбу Шарлотты – выписывать, но куда.

– Помнишь, – доктор внимательно посмотрел на девочку, – у тебя была просьба к Деду Морозу?

– Конечно, помню, – вяло отреагировала Шарлотта.

– Думаешь, я был бы хорошим отцом для такой девочки, как ты? – неуверенно спросил доктор.

– Самым лучшим! – Шарлотта от радости бросилась ему на шею.

Доктор почувствовал облегчение и радость: у него будет дочь. Ничего страшного, что хромоножка. Всё поправимо. Он пойдёт по кабинетам, добьётся, чтобы дочке сделали самый лучший протез. И он добьётся этого.

Но это потом, потом...

Весной сорок четвёртого года Шарлотта поселилась у приёмного отца на Кондратьевском проспекте. Его дом уцелел, хотя от других вокруг остались руины.

Среди блокадной разрухи цвели синеокие незабудки. Шарлотта на костылях бросилась жадно их собирать.

– Папа, смотри: голубое небо на земле!

После этого появились дома комнатные цветы.

В школе Шарлотте повезло с тремя учительницами литературы: Мария Артёмовна преподавала в пятых-седьмых классах, Нина Иосифовна – в восьмых, Вероника Романовна – исключительно в выпускных. В школе филологический триумвират, как однажды обозвал их историк, с обожанием и нежностью называли трёхдуюмовочками, и не только за широту их необъятных душ. Директор специально именно для них заказал массивную железную скамейку возле крыльца школы, когда под ними треснула старая деревянная.

Учительницы жили в одном доме. Артёмовна с Романовной вообще на одной площадке на втором этаже, а Иосифовна – на первом. Каждая страдала набором хронических болячек: от сахарного диабета, гипертонии до ишемии сердца, поэтому в кризисы ухаживали друг за дружкой. Детей своих Бог не дал, мужа сгинули на фронте, поэтому школа и ученики стали для них радостной отдушиной.

Они обожали устраивать литературные вечеринки, умудрились даже поставить «Ревизора» на школьной сцене. На ура проходили еженедельные заседания литературного клуба с классическим названием «Зелёная лампа», где учительницам удалось создать такую созидательную атмосферу, что ученики без стеснения делились своим творчеством – стихами, рассказами.

После прочтения рассказа Алексея Толстого «Русский характер» Шарлотта написала в двух двенадцатистовых зелёных тетрадках аргументированное, но в меру эмоциональное сочинение, которое прочли и высоко оценили все школьные филологи. Кроме того, в другом своём тетрадном трактате она утверждала, что в её маленькой костяной коробочке заключена Вселенная; что книги – мост через вечность и ещё задушевный разговор с любимыми героями сквозь время, а подаренный на день рождения Балбес, псина неопознанной породы, – лающее воплощение верности и покорности.

Трёхдуюмовочки после прочтения «литературных эпосов» Шарлотты пригласили её на ближайшее заседание «Зелёной лампы», но она не явилась – постеснялась. Тогда триумвират решил поговорить с ученицей индивидуально – пригласили на чашку чая к Нине Иосифовне.

Шарлотта пришла и принесла с собой шарлотку, которую приготовила по её просьбе соседка.

А перед этим интригуяще заявила отцу:

– Иду на очень важное свидание.

– У тебя появился парень?

– У меня целый триумвират – трёхдуюмовочки, – весело ответила девушка.

Отец шутки не оценил, слова дочери воспринял всерьёз:

– Октябрина, не морочь парням голову. Выбери себе одного, но достойного, – напутствовал тот.

Но это потом, потом...

Первой слово взяла Мария Артёмовна – маленькая, кругленькая, как колобок, почтенных лет, никак с этим не смирившаяся. «Не смейтесь над старостью человека, чьей молодости вы не видели», – твердила она всем, кто намекал ей на возраст. Злые языки шептали, что Артёмовну из школы вынесут вперёд ногами, сама она добровольно никогда не уйдёт.

– У тебя талант! – произнесла она с придыханием.

– Какой? – несмело поинтересовалась Шарлотта.

– Умение перенести на бумагу исцарапанную Вселенную, её боль, – просветила Иосифовна, статная дама с глубокими чёрными глазами, ходившая, переваливаясь с боку на бок, как утка, но никто из учеников даже не думал насмехаться. – Ты пишешь сердцем.

– Талант должен расти и зреть, – подхватила Романовна, младшая в триумвирате. – Давно упражняешься?

– В чём? – опять не поняла Шарлотта.

– В желании удивить мир.

– Кажется, всегда, – ответила сконфуженно Шарлотта.

– Получается, – подытожила с серьёзным видом Артёмовна. – У тебя прекрасное звучание слов, они легко скатываются с языка и облегчают душу.

– Я просто пишу, – промямлила смущённая Шарлотта, не понимая, чего от неё хотят трёхдюймовочки.

– Хорошо пишешь, умно, толково, эмоционально, – доброта и сердечность сквозили в каждом слове Иосифовны. – Душу пробирает.

– Леонида Андреева читала? – поинтересовалась Романовна, но досказать мысль ей не дала Мария Артёмовна.

– У неё не андреевский стиль, – категорично заявила она, перебив подругу. – Тот – любитель давить на жалость, выжать слезу, а у этой девочки, – Артёмовна не учила Шарлотту, а потому имени не запомнила, – душа не плачет.

Триумвират заголосил, заспорил, да так жарко, что Шарлотта слушала и не верила, что богини филологии обсуждают её первые литературные опусы, первые попытки, которые, словно нежные нарциссы, распустились и очаровали этих профессиональных читателей.

– Если вдруг поймёшь, что писать – это твоё, – Артёмовна пристально взглянула на ученицу, – слово станет тебе настоящей опорой.

– Вы думаете, из меня получится писатель? – удивилась Шарлотта.

– Конечно, если станешь искусным огранщиком слова, – доброжелательно пожелала Романовна.

– Меня многие считают странной, – доверчиво открылась ученица.

– Интересная особенность, – ответила за всех Артёмовна.

– Вы хотите сказать, что писатели – странные люди? – Шарлотта посмотрела на трёхдюймовочек широко открытыми глазами.

– Не без этого, – заключила за всех Артёмовна, самая бойкая из подруг.

Что больше всего потрясло Шарлотту в квартире Нины Иосифовны – это громадные стеллажи книг. Ремарк, Хемингуэй, Фейхтвангер, Бальзак, Гюго, Драйзер – эти фамилии ни о чём не говорили ей, шестнадцатилетней, но она интуитивно догадывалась, что всё это книжное богатство – настоящий, утаённый от всеобщего обозрения клад.

– Зачем столько? – простодушно, но с нескрываемым уважением спросила Шарлотта.

– Чтобы читать, – авторитетно заявила старшая из трёхдюймовочек.

– Вы всё это прочитали?! – не поверила потрясённая Шарлотта.

– Да! – в унисон с достоинством ответили триумвираторши.

Девушка была морально раздавлена. Она никогда не считала себя дурой. Но, глядя на

гигантский книжный клад, Шарлотта впервые усомнилась в своих познаниях, почувствовала себя необразованной, глупой.

– Теперь я понимаю, почему вы такие умные! – с восхищением заключила она.

Трёхдуюмочкам был приятен девичий восторг. И смешон.

– Ты литературу любишь? – напрямик спросила Романовна, которая преподавала у Шарлотты.

– Ну, так себе, – пожав плечами, неуверенно ответила ученица.

– Литературу надо любить! – значимо изрекла сакральную истину Артёмовна.

И новый виток разговоров: а как же надо любить литературу? И фамилии, фамилии: Пастернак, Булгаков, Ахматова...

У Шарлотты не осталось никаких сомнений в том, что она полный профан в литературе, но почему-то странные старушки посчитали её талантом. Это всё надо было понять, переварить.

Шарлотта ушла из квартиры учительницы совсем убитая. Но с несколькими книгами. Она неистово увлеклась чтением. Сначала бросилась читать всё подряд, но тут же филологи стали сами отбирать для неё книги. Чтение пробудило жажду знать больше, открывать заново этот огромный и такой неизведанный мир – полный тайн, загадок и невероятных приключений. Книжные герои заменяли ей настоящих.

Школу Шарлотта окончила в пятьдесят третьем. Ей исполнилось семнадцать. Отец исправно платил за её обучение с восьмого класса – двести рублей в год. Сумма большая, но подъёмная для их семьи.

Шарлотта поступила в медицинский, не хотела расстраивать отца, мечтавшего о продолжении династии врачей, но через два года учёбы честно призналась: «Не моё». Отец понял и не уговаривал.

Под напутствия и с благословения трёхдуюмочек, для которых она стала уже как родная, Шарлотта без труда поступила в Ленинградский университет на филологический факультет. На первом курсе влюбилась, они с молодым человеком даже стали жить вместе, но путь к сердцу рыцаря оборвался из-за разных вкусовых предпочтений: любовь застряла по дороге к желудку. Он обожал котлеты, борщ и толчёнку, она же, кроме шарлотки, ничего готовить не умела.

Вторая попытка так же не удалась – оказалась не та глина, даже, как говорила несостоявшаяся подруга Вероника, не из того каньона, чтобы лепить своего Давида. И с Вероникой дружба не заладилась: подруга с детства была воспитана на золоте, позже продала себя за новенькую «Волгу» и московскую прописку.

Но это потом, потом...

Шарлотта ухаживала за онкобольным отцом, не высыпалась, но грызла филологию. После института устроилась в школу. Её обожали ученики – ещё бы! Она заявила, что «луч света в тёмном царстве» – Катерина из «Грозы» Островского – несчастная женщина, потому что нелюбима; что фраза Татьяны Лариной: «Я другому отдана и буду век ему верна» – не совсем правильная, потому что за любовь надо сражаться, а не смиренно сложить крылья.

Хрущёвская оттепель благодатно прорастала в молодых умах.

Но это были ещё цветочки. Ягоды дозрели, когда учительница из-за принципиальности не хотела ставить пятёрку единственной кандидатке в медалистки – дочке директрисы. Шарлотту в пожарном порядке заменили на «правильную» учительницу.

В конце учебного года Шарлотту – Октябрьну Алексеевну – вызвала завуч.

– Уходите! – потребовала она ледяным тоном.

– За что?

Глаза завуча недобро блеснули. Кисло улыбнувшись, она предъявила целый список грехов: от отсутствия конспектов уроков до неприличной причёски.

– А если не уйду? – резко спросила задетая за живое Шарлотта.

– Напрасно хорохоритесь, – процедила сквозь стиснутые зубы гуру учебной работы, подбородок её нервно задрожал. – Покиньте нас тихо, по-хорошему, или вылетите с треском!

Уйти уговорил триумвират, поддерживавший её всё это время.

– Ты писатель, – доказывала Артёмовна. – Работа в школе для тебя – стрельба из пушек по воробьям. Ищи себя в творчестве – пиши!

С помощью триумвирата несостоявшаяся учительница устроилась в издательство. Ей предложили корректорскую должность. Работа отнимала много времени, для собственного творчества оставались только ночные часы. Постоянные недосыпы привели к нервному истощению. Через три месяца Шарлотта взвыла и попросилась на менее оплачиваемую, но более спокойную должность – библиотекарем в архив. Бедность не пугала – научилась с детства обходиться малым, да и отец после смерти оставил сбережения.

Шарлотта целиком отдалась литературному творчеству. Триумвират привил своей подопечной убеждение, что в слове должна присутствовать магия, без неё танец – обычная хореография, а сочинитель – обыкновенный графоман, коих пруд пруди. Для Шарлотты писать сталоboleпусканием – чтобы полегчало, чтобы не разорвало.

Когда вышла её повесть «Зимняя аппассионата», Мария Артёмовна, последняя из живых мастодонтов триумвирата, похвалила:

– Лучше написать уже невозможно! Ты доказала, что писать – это не по клавишам печатной машинки стучать! Молодец, девочка!

Слова оказались пророческими.

Но это потом, потом...

Ещё публиковали её рассказы и повести в престижных московских журналах, но Шарлотта чувствовала: исписалась. Ис-пи-са-лась. Точка.

И тогда к ней надолго пришла «чёрная собака» – депрессия. Шарлотта днями сидела, застыв в кресле и уставившись в потолок, в одну точку, часами ждала – чего, не знала... Надо было что-то менять в жизни. Что?

Как-то в середине мая ей позвонили из издательства и уговорили откорректировать рукопись одного автора. Через два часа курьер доставил толстенную папку. Шарлотта нехотя дёрнула ленточки на папке для бумаг, опустила глаза, прочитала название – «Выбор Аркадия». Оно ей сразу не понравилось. Название для книги – непременно интрига, тайные смысловые галлюцинации автора, тонкие и незримые нити со Вселенной, а не сухая методичка по модной психологии.

Корректируя и заодно редактируя рукопись, Шарлотта словно вернулась в послевоенное детство. Именно о нём писал неизвестный ей автор – Петрович. Рукопись прогнала её «чёрную собаку». Неизвестный Шарлотте человек написал о том, чего ему не хватало в жизни: любви, счастья, понимания. О том, что оставило глубокий детский след. Петрович написал о душевных метастазах, о несбыточных мечтах.

Она позвонила в издательство и потребовала дать адрес автора.

– Зачем? – резонно поинтересовались у неё.

– Мне необходимо с ним встретиться! – закричала она так, что наверняка услышали в Хабаровске.

На следующий день пошла по указанному адресу. От невыносимой жары раскалённый асфальт прилипал к подошвам.

Возле нужного дома Шарлотта оторопела, став свидетелем странной сцены. Невысокая, согбенная женщина в мешковатой чёрной куртке ловко подняла из инвалидной коляски сухопарого мужчину, взвалила себе на спину и медленно направилась с ношей к подъезду.

Шарлотта сообразила: перед ней мать и сын. Она их обогнала, открыла дверь в подъезд.

– Спасибо, – холодно поблагодарила женщина.

В пятиэтажной хрущобе лифт отсутствовал. Мать перевела дыхание, постояла с минуту на площадке первого этажа и черепашими шажочками принялась подниматься на второй этаж... перевела дыхание – и на третий... четвёртый...

Шарлотта не выдержала:

– Вам помочь?

– Не мешайте, – женщина устало окинула взглядом незнакомку.

На пятом, последнем этаже она стояла непривычно долго. Наконец, отдышавшись, произнесла:

– Петрович, доставай ключи, пришли!

Мужчина тут же полез рукой в карман куртки, вытянул ключ, мать чуть повернула сына к двери, чтобы ему удобнее было открыть входную дверь.

– Ну вот и дома, – с облегчением выдохнула мать, бережно перекладывая драгоценную ношу со спины на стул, ожидавший их в коридоре. Второй стул находился рядом, женщина тяжело присела на него, достала платок, вытерла лоб. – Минутку посижу, переведу дух, Петрович, и схожу за коляской.

Шарлотта потеряла дар речи.

– Вы Петрович? – поинтересовалась она, слегка заикаясь от волнения.

– Вам чего? – сердито буркнула женщина.

– Я... я... из издательства.

Петрович поймал настороженный и одновременно недоверчивый взгляд матери.

– Ваш сын написал замечательную книгу, её издадут, – сразу успокоила Шарлотта.

Петрович с матерью улыбнулись, и он спросил:

– Это правда?

– Да! – вдруг обрадовалась сама Шарлотта.

– Это хорошо, – первой в себя пришла мать. Её лицо оживилось, стало более приятным. – Вы тут посидите на стульчике, пообщайтесь с Петровичем. – Лицо матери засветилось. – Он скромный, поэтому сильно не напирайте на него, – предупредила она. – Я за коляской, чтобы не утащили. Мальчишки порой хулиганят, прячут её.

Шарлотта села напротив Петровича. Женским взглядом невольно принялась оценивать его. Около сорока, жизнь посеребрила виски, но волосы по-прежнему густы, стоят на голове торчком, словно иглы, воткнутые в игольницу. Под глазами залегли мешки, щёки чуть-чуть запали. Мужчина расстегнул воротник рубашки и вытер лоб носовым платком. Шарлотта обратила внимание на непропорционально длинные руки и тонкие пальцы.

– Значит, вам понравилась моя рукопись? – Голос мягкий, детский.

– Очень!

– Мне звонили из издательства, сказали, что вы много сделали для книги – вы её облагоустроили, – произнёс негромко, с признательностью.

– Я её только почистила, – от растерянности не привыкшая к благодарностям Шарлотта покраснела.

Напряжение разом спало. Оба разулыбались. Петрович поднял глаза. Бледное лицо, копна всклокоченных волос, грустные глаза в очках – красивая.

– Я не думал, что книга заинтересует издательство. Даже не хотел отправлять, но мама заставила: «Зря, что ли, ты столько бумаги перевёл?»

Шарлотте глянулась детская, открытая, с ямочками улыбка Петровича.

– Боль, которую вы выплеснули на страницы, мне понятна, – Шарлотта задумалась. – Вы любите Александра Грина? – неожиданно поинтересовалась она. – У этого писателя трудная и трагическая судьба.

– Знаю, – поддержал разговор Петрович. – Мне нравятся его «Алые паруса».

– Наверное, вы читали только эту его книгу, – Шарлотта слабо усмехнулась. – У Грина в многочисленных рассказах сквозит один и тот же мотив – безысходность. – Шарлотта перевела дыхание. – Думаю, из-за этого большинство читателей ограничиваются «Алыми парусами» и парой рассказов – всё, далее интерес гаснет.

Петрович внимательно слушал незваную гостью.

– Согласен с вами, – он кивнул головой на цыплячьей шее. – Того же Бодлера сложно воспринимать иначе, чем в минимальных дозах.

Упоминание о французском поэте произвело на Шарлотту впечатление.

– Я бы очень хотела, чтобы вы, когда начнёте работать над новой книгой, а вы обязательно её начнёте...

– Откуда вы это знаете? – перебил изумлённый Петрович.

– Интуиция, – Шарлотта засмеялась.

– Говорите, пожалуйста, – Петрович смотрел на неё как заворожённый.

– Заставьте себя смотреть под разными углами на то, о чём собираетесь писать, про-рисовывайте разные грани бытия.

Дверь отворилась, и на пороге с коляской появилась запыхавшаяся мать.

– Ну вот и всё, – с нескрываемым облегчением произнесла она, после подошла к сыну и ловко пересадила его в коляску, в которой Петрович чувствовал себя комфортно, как рыба в воде.

– Китайцы говорят: лучше ничего не есть три дня, чем один день не пить чая, – мужчина уверенно покати коляску на кухню, рукой приглашая всех за собой.

Хозяйка, рассматривая Шарлотту, не удержалась от замечания:

– Какая вы бледная и худая! – и по-матерински предложила: – Давайте я вас гороховым супом покормлю.

И удивилась, услышав залихватский смех гостии.

– Извините, – Шарлотта виновато опустила глаза. – В блокаду я попала в госпиталь, и в первый день меня там накормили горячим гороховым супом и пшённой кашей. И я себе сказала: когда кончится война и если я выживу, каждый день буду есть гороховый суп и пшённую кашу.

Мать Петровича понимающе улыбнулась.

У Шарлотты сложился непростой характер, многие считали его строптивым, она была не тот человек, который первым пойдёт на перемирие, но когда она протягивала руку для мира – это значило часто только одно: слишком дорог для Шарлотты человек, которому она предлагала мир.

Время сжимается и растягивается, люди сходятся и расходятся. Притягиваются близкие духом и те, кто знает, что такое забота друг о друге.

Шарлотта помогала семье Петровича чем могла: ходила за продуктами, доставала лекарства, договаривалась с больницей. Она стала частой гостьей в их однокомнатной квартире. Первое время называла мать Петровича по имени-отчеству, но после третьего раза Нина Михайловна вразумила:

– Чтобы больше Михайловну не слышала, для тебя я тётя Нина!

О чём бы женщины ни говорили, рано или поздно разговор плавно переходил на главного героя.

– Почему Петрович? – как-то поинтересовалась Шарлотта.

Тётя Нина вздохнула, на лице застыла грусть. Шарлотта во все глаза глядела на морщинистые щёки, на глубокие складки вокруг рта, говорящие не только о старости, но и о невысказанных печалях, нелёгких испытаниях.

– Когда Пете было десять лет, он увидел, как под лёд на речке провалились рыбачивший дед Матвей и его собака. По-пластунски добрался до полыньи, скинул с себя куртку и валенки: боялся утопить, единственные же. Одному богу известно, откуда у него столько сил взялось, чтобы вытащить старика. Правда, потом прибежали помогать мужики. Совместными усилиями спасли всех. После того случая соседи и стали величать Петровичем.

– С ногами что?

– Ножки, видать, перемерзли, – Нина рвано выдохнула. – Врачи ничего не могли понять. К каким только бабкам не возила, даже в Москву к Матрёне ездили – не помогло. Ножки слабели на глазах, а потом и вовсе отказали. Вот с тех пор на коляске.

– И каждый раз с пятого этажа на улицу на руках и назад? – допытывалась сражённая рассказом Шарлотта.

– А кто это должен делать? – изумилась Нина. – Пока был маленький – нетрудно было. – На лице появилась горестная улыбка. – Петрович вырослел, я старела. Раньше каждый день выносила, потом через день, теперь два раза в неделю. Бывает, ослабну, и раз в неделю. Плохо, что квартира без балкона, – искренне сокрушалась Нина.

– Что на пятом этаже – нормально?!

– Спасибо и за такую, – хозяйка квартиры неодобрительно посмотрела на гостью. Шарлотта поняла: перешагнула за красную линию. – Это квартира моего мужа, компенсация за его бегство.

– Простили?! – не поверила потрясённая Шарлотта.

Мать Петровича на мгновение замолчала и тихонько сказала:

– Осуждать слабых не надо.

– Вы героиня, – с придыханием, полным глубокого уважения, произнесла Шарлотта.

Нина растерялась, ей никто никогда не говорил подобных слов. Посмотрела на гостью:

– Я мать!

Шарлотта почувствовала горький укол судьбы. Она знала: ей не суждено познать материнскую радость. С этим трудно смириться, но пришлось.

Но это потом, потом...

Книга из типографии вышла в ноябре шестьдесят четвёртого. Успех превзошёл все ожидания. Пачками приходили письма от читателей, благодаривших автора, деливших с писателем пережитым. Многие истории были настолько искренними, что Петрович, читая, плакал.

– Это же материала ещё на одну книгу! – воскликнул как-то он.

– Используйте, – посоветовала Шарлотта.

Её уговорили вернуться в издательство и сразу предложили должность ответственного редактора.

У Петровича созрела идея сборника рассказов о жизни людей их дома.

– Наш дом – улей, и все мы пчёлы, – вдохновенно объяснял он замысел матери и Шарлотте.

Нине нравилось всё, о чём говорил сын, счастливая улыбка не сходила с её лица.

– Кто же пасечник этого дома? – Шарлотта с любопытством уставилась на Петровича.

– Разве пчёлам нужен пасечник? – тот наморщил лоб.

– Если дом – улей, то обязательно должен быть пасечник, – стояла на своём Шарлотта. Петрович задумался. Шарлотта ждала ответа.

– Может, пасечник – Бог? – задумчиво произнесла Нина. – Все мы дети Бога. Все мы к нему обращаемся за помощью и получаем её.

– Какую помощь вы получили от него? – фыркнула Шарлотта.

– Самую большую, – Нина перекрестилась. – Смирение и терпение!

В комнате стало тихо.

– Никогда не задумывалась, почему ты пережила блокаду, а другие нет?

Шарлотта потрясённо молчала.

– Он сберёт тебя для чего-то важного на этой земле, – Нина уверенно затрясла головой, словно разгоняла рой мыслей. В её глазах появился вызов: – Каждый из нас несёт свой крест, а у кого нет сил – помирает.

– В чём же мой крест?

Нина выпрямилась:

– Ты уверена, что ты его уже несёшь? – Её лицо приобрело многозначительное, но вместе с тем смиренное выражение. – Может, только приблизилась...

В тот вечер Шарлотта ушла домой со смешанными чувствами.

Когда-то триумвират посоветовал ей превращать блокадные кошмары, преследовавшие её долгое время, в добрые сказки. «Пережившие блокаду страха не должны бояться», – утверждали старушки, Шарлотта им поверила, написав не один том душевных сказок, – и избавилась от кошмаров.

Но это потом, потом...

Однажды состоялся тот самый важный разговор, к которому обе женщины давно были готовы.

– Умру, кто за Петровичем следить будет, на улицу вывозить?

От Шарлотты не ускользнул пристальный, изучающий взор Нины. Она давно знала ответ, но не торопилась его давать. И теперь спокойно и обдуманно ответила:

– Я.

– Ты?

Шарлотта не хотела говорить будущей свекрови, что Петрович давно покориł её сердце фразой, после которой она инстинктивно почувствовала, что они близкие души: «У вас глаза девочки, испуганной войной. В них я вижу кусочек блокадного неба».

Нина недоверчиво окинула взглядом Шарлотту:

– Зачем оно тебе?

– Посреди мёртвого безмолвия хочется немного жизни, немного тепла.

Нина с подозрением уставилась на Шарлотту, но та, словно не замечая, продолжила:

– Легче жить с гением, чем с идиотом.

Нина долго молчала, прежде чем снова заговорить:

– Как ты собираешься Петровича подымать? – Повисла напряжённая пауза. – Как будешь с одной ногой его носить на себе?

– Не знаю, – покраснев, призналась Шарлотта. И уверенно заявила: – Но носить буду!

Нина долго молчала, взвешивая сказанное Шарлоттой.

– Моя мать к пятидесяти годам ослепла. Когда я привела будущего мужа к нам домой,

она взяла баян, на котором хорошо играла, и попросила кавалера станцевать. Он не попадал в такт, и она сразу мне заявила: не выходи за него замуж – плохой танцор и не чувствует музыки. И оказалась права.

– Но вы вышли за него замуж...

Прошрое, полное воспоминаний о муже, Нина убрала в самый дальний уголок своей памяти, как в тёмный шкаф. Она никогда никому плохо не говорила о Николае: ни матери своей, ни соседям, ни Петровичу. Вздыхала тихо: «Не сложилось у нас счастья». Никто не видел её слез, её страданий. Она умело спрятала прошлое под замок, но иногда доставала из фанерного шкафа коробку из-под детской обуви, где у неё хранились все документы. На самом дне, в пакете, она берегла несколько фотографий с мужем. Прошрое для неё оставалось драгоценностью, годы нисколько не притупили остроты воспоминаний. Открытые раны не зарубцевались, по-прежнему саднили.

– Вышла, – в голосе Нины чувствовалась грусть. – Боялась в старых девах остаться.

– И мои родители очень любили танцевать. Папа ставил патефон, приглашал маму, и мы все смотрели, как они красиво, слаженно танцуют. Ещё больше я любила, когда папа танцевал со мной.

– Значит, музыку ты чувствуешь.

– И танцевать люблю до сих пор.

Некоторое время женщины сидели неподвижно, не наливая себе чаю, даже не притронувшись к шарлотке, которую гостя сама испекла.

– Материнским сердцем чую, ты ему как жена подойдёшь, – в голосе Нины слышалась надломленность, сказывалось пережитое. Она никого близко к себе не подпускала. Людей, как муку, просеивала через своё внутреннее сито. – Вы оба чокнутые, живёте каждый своим миром. Забываете, что кашу в голове иногда надо перемешивать, чтобы не пригорала.

Нина не торопилась с выводами, рассуждала:

– На свои пенсии вы как-то проживёте, что-то я оставлю после себя, но сможешь ли ты создать для него и для себя бытовую жизнь? Она си-и-ильно отличается от вашего мира.

Иногда для того, чтобы принять решение, надо остановиться, перевести дух. И посмотреть на небо. Шарлотта посмотрела в потолок, потом на будущую свекровь.

– Я смогу – я жилистая!

Но это потом, потом...

В семьдесят третьем Шарлотта стала женой Петровича. Молодые ушли с головой в творчество. Много писали, читали, жарко спорили, доказывали, даже обижались, но уже не представляли жизни друг без друга. Шарлотта стала для Петровича всем. Он любил писать в одиночестве, но когда жена по каким-то причинам отсутствовала – ему совсем не писалось.

– Мне надо, чтобы ты шуршала за стеной, – признавался он любимой. – Ты моя мадам Шорох.

Шарлотта редактировала, корректировала написанное мужем. Они обожали работать в разных углах небольшой комнаты, а потом до ночи выносить мозг друг другу – восторгаться или критиковать, чувствуя необычайный прилив сил...

Когда Петрович оставался довольным написанным, он обязательно что-то мурлыкал себе под нос, и это был тайный сигнал для Шарлотты: «Посмотри, что я написал».

Она подходила, с выражением читала вслух и целовала мужа, не скрывая восторга. В такие моменты ликование затапливало крошечную квартиру, всё бурлило, пенилось и готово было обернуться музыкой, пламенем или ещё большим откровением.

– Сумасшедшие, – счастливо бурчала Нина, плотнее закрывая двери кухни, где она ночевала, пристроив там кресло-кровать.

За быт отвечала Нина. Когда её не стало – инсульт, – Шарлотта пребывала на грани нервного срыва. То, что показалось ей вначале обычным долгом жены: взвалить мужа на спину, вынести на улицу, усадить в коляску, прогуляться по парку и потом снова Петровича на спину, медленный подъём на пятый этаж – выросло в проблему высотой с Голгофу. Физически к этому она была не готова. Шарлотта уговорила мужа переехать к ней. Она быстро сумела поменять свою трёхкомнатную квартиру на третьем этаже на двухкомнатную на первом.

Кухня – пыточная камера, побег из которой невозможен. В раковине – грязная посуда, на письменном столе – творческий бардак, в кастрюле нечто под названием борщ.

Единственное, что у неё прекрасно получалось, – это её шарлотка. В советское время, в рамках борьбы с «низкопоклонством перед Западом», она была переименована в яблочную бабку. В «Книге о вкусной и здоровой пище» 1952 года данный рецепт именуется шарлоткой. А в издании 1955 года – бабкой из белого хлеба с яблоками.

Она собирала рецепты, раз в неделю обязательно экспериментировала то с тестом, то с наполнителями. Оказывается, к яблокам можно добавлять ягоды, всяческие приправы. Конечно, это уже не классическая шарлотка, но тем интереснее. И вкуснее.

Но одним десертом сыт не будешь, и через месяц полуголодный Петрович взвыл. Шарлотта, разбирая после смерти свекрови вещи, обнаружила поваренную книгу времён своего детства. Обрадовалась ей несказанно, открывала на кухне и готовила. Получалось не сразу. На помощь пришли соседки – Маргарита Алексеевна и Генриетта Брониславовна.

Однажды у Шарлотты не удался борщ, и она расплакалась: всё же делала точно по рецепту, но в кастрюле шипела густая овощная каша. Именно в этот момент в дверь постучали соседки.

Они никогда не заходили поодиночке, всегда вместе. Попросили молоток и плоскогубцы. Знали, у Петровича есть инструменты. Заплаканная Шарлотта и поделилась горем – неудачным борщом. Женщины не только рассказали, но и провели мастер-класс. Петрович уплетал свежесваренный борщ за милую душу.

– Видишь, получается, – нахваливал он.

Потом соседки стали помогать и с коляской. Когда Шарлотта выкатывала её с Петровичем из квартиры, у них тоже, как бы случайно, открывалась дверь – то мусор вынести, то за хлебушком сходить. Конечно, втроём намного легче, чем одной.

Позже Шарлотта разгадала секрет таких совпадений. Петрович, чтобы помочь жене, втайне звонил соседкам. Те, будучи начеку, смотрели в глазок и, когда Шарлотта открывала дверь, выходили на площадку, готовые помочь.

Но это потом, потом...

Шарлотта болела редко, но метко, особенно вышибала её из обыденной колеи высокая температура. Петрович хмуро обтирал жену влажным полотенцем, пока жаропонижающие ещё не начали действовать, и бурчал:

– У тебя такой характер, слов нет! Говорил же, одевайся теплее – не слушала меня. Если умрёшь, я тебя точно закопаю. В красном гробу с рюшечками... И поставлю памятник с фотографией, где ты блондинка!

На ворчание мужа Шарлотта лишь смеялась:

– Так всё плохо?

– Плохо – это когда нет характера.

– Так какой же у меня характер? – сбитая с толку, допытывалась Шарлотта.

– Одно скажу: с тобой не пропадёшь! – с улыбкой заключал Петрович.

Но это потом, потом...

Как-то Шарлотта попросила мужа:

– Сожги моё тело и развеяй прах над морем.

Он изумился, а она поведала:

– Никогда не видела море.

В последней своей книге жена так живо, красочно описывала постоянно меняющееся море, шторм, что никак не укладывалось, что всё описанное – её фантазия.

– Я в книге воплощала свою нереализованную мечту. Как можно не любить море? – понесло Шарлотту. – Ты же, любимый, понимаешь, что настроение женщины меняется, как погода. Если у неё дождь, нужно подойти, обнять, вместе постоять под дождём. Это просто...

– Тогда нам надо съездить на море, – предложил Петрович.

– Ни за что! – запротестовала Шарлотта. – Не надо разрушать мою мечту.

Воцарилось неловкое молчание.

– Что же это за мечта, если она не осуществлена?

– Это и есть самая настоящая мечта, – Шарлотта улыбнулась, обняв мужа. – Мечта всегда должна оставаться недостижимой, тогда она пробуждает воображение и сама так и просится на бумагу...

Теперь Петрович понял, почему море в повестях у Шарлотты такое живое. Несколько раз перечитал именно эти блестяще написанные отрывки.

Жена принадлежала к той породе женщин, которые молчат-молчат, а потом – вулкан: полундра, спасайся кто может! Петровичу удавалось невозможное – не довести Шарлотту до взрыва, хотя они пережили три больших кризиса совместной жизни – как по учебнику психологии, через каждые семь лет.

Они вросли друг в друга и понимали друг друга уже... междометиями.

– Мы с тобой как две дождевые капли на проволоке, бегущие навстречу друг другу, чтобы слиться в одну большую частицу, – призналась однажды счастливая Шарлотта.

– Слава богу, что никто не нарушил наше движение друг к другу.

Но это потом, потом...

Дети придают семейной жизни наполненность. Кирюшка с этим справился на «отлично». Так часто бывает: не ждёшь – и бах, на тебя сваливается неожиданное счастье.

Шарлотта с Петровичем на коляске подъезжали к дому, когда увидели сидящего неподалёку от площадки с мусорным контейнером всхлипывающего мальчишку из соседнего подъезда. Он рос сорняком на улице, вечно голодный и грязный.

– Видно, снова мамаша загуляла, – зло вырвалось у Шарлотты.

– Жалко мальчишку, – согласился Петрович.

Шарлотта решительно подошла к Кирюшке, погладила его по головке.

Сейчас она поднимется на третий этаж и устроит пьяной Наташке разнос, мало не покажется. Сколько можно... Кирюшка почувствовал боевой дух тёти Шарлотты, которая не раз его подкармливала.

– На мамку только не кричите сильно. Она хорошая, только непутёвая. Хорошо? – попросил малец.

Дверь в квартиру была не заперта. Наталья лежала на кровати лицом к стене. Шарлотта прикоснулась к её руке – несостоявшийся врач поняла всё сразу. Вывела Кирюшку на улицу.

– Побудь с Петровичем, чтобы он не скучал.

Вызвала скорую и милицию.

А дома сказала:

– Петрович, надо серьёзно поговорить... Мальчик не может жить на улице – это недопустимо! – уверенно произнесла Шарлотта.

Кирюшка остался жить у них, сначала на птичьих правах, а через полгода они его усыновили.

Семейное счастье надо выстрадать – так учили Шарлотту вдовушки из триумvirата: у каждой был небольшой, но удачный опыт семейной жизни.

– Семья – это адское терпение, – поучала Иосифовна, потерявшая мужа, музейного работника, в первые дни войны.

– И тогда непременно получишь главное, – вторила Артёмовна, старшая трёхдьюмовочка. Её муж, молодой лейтенант, погиб в боях за Минск. – Заботу и понимание!

– Семейный человек – счастливый человек, – уверяла Романовна, младшая из триумvirата, чей муж-фронтовик попал в плен, в немецкий лагерь. Сумел оттуда бежать и затем по тонкому ноябрьскому льду ночного Азовского моря, рискуя жизнью, добрался ползком к своим. А свои – без колебаний, с большевистской безоглядностью – отправили в штрафбат, чтобы «кровью смыл преступление». Он погиб в Праге на следующий день после Победы от выстрела фашистского снайпера.

Шарлотта впитывала все наставления любимых трёхдьюмовочек – берегла-хранила семейный очаг. Ночами в молитвах просила, чтобы не ушла первой, потому что, кроме неё, никто так не позаботится о муже.

Совместные годы сделали из Шарлотты истинную берегиню: она сохранила выстраданное и намоленное их счастье. Её счастье.

– Петрович надел на меня хрустальные туфельки вместо домашних стоптанных тапочек, – возбуждённо похвасталась как-то Шарлотта соседкам Марго и Гере. Те дружно закивали.

После инсульта врач сказал Петровичу:

– Вам повезло: смерть взяла выходной.

Шарлотта напряглась: она поняла намёк доктора.

После больницы Петрович запретил вывозить себя на улицу:

– Не надо, чтобы меня видели таким немощным.

Шарлотта вынуждена была согласиться.

Он полюбил подолгу сидеть в квартире в удобном кресле, глядеть в окно и наблюдать за людьми, подмечать самую малость.

Под окнами некто орал:

– Валя, будь моей!

– Шарлотта, слышишь, что молодой человек кричит?

– Посмотрим, что он закричит через месяц, – с улыбкой ответила жена.

В определённое время «Ч» на крыше LADA-семёрки с букетом гвоздик в руках молодой человек требовал простить его. Но Валентина с третьего этажа – кремь, не выходила и даже не выглядывала.

На днях Петрович увидел надпись на асфальте: «Валька – зараза!» Так весело он давно

не смеялся, даже Шарлотта выглянула из кухни. Петрович показал на огромные корявые буквы.

– Судя по последней фразе, у Вали неплохая чуйка на дураков, – не без сарказма подытожила Шарлотта.

– На болванов, – поправил сын Кирилл.

Но это потом, потом...

Семьдесят пять главе семейства отметили в домашнем кругу, среди близких людей.

– Как думаешь, чем пахнет старость? – отрешённо спросил Петрович, когда жена домывала тарелки.

– Полынью, ромашкой, сухими васильками, – отшутилась Шарлотта.

– И ещё ладаном, – задумчиво добавил муж.

– К сожалению, да! – согласилась Шарлотта, обнимая его.

Петрович не был стариком даже в восемьдесят лет, сохранив мальчишеский задор, весёлость и остроту восприятия.

– Позднее яблочко, – любил он говорить о себе Шарлотте.

А она ему в ответ:

– Тогда я твоя ранеточка.

Но болезнь измучила:

– Мне так плохо, что лучше бы я ничего не чувствовал, – пожаловался он жене.

Она же ни словом не обмолвилась, что сама тяжело больна. Хотя он и сам видел: похудела, осунулась. Но держалась, спуску себе не давала.

– Ты, пожалуйста, не умирай, – утирая слёзы, умоляла Шарлотта. – Если ты умрёшь, уже никого не останется, кто помнит меня молодую, красивую и счастливую.

Петрович улыбнулся:

– А было счастье?

Шарлотта мгновенно отреагировала:

– Да!

Довольный Петрович вздохнул:

– Ты не беспокойся. Если я умру, ты меня позови – я тебе приснюсь, и мы опять повидаемся...

За два дня до смерти Петрович воодушевлённо изрёк:

– Как хочется влюбиться ещё раз!

– Не поняла?! – Шарлотта с удивлением посмотрела на мужа.

– Влюбиться бы в тебя ещё раз, – уточнил Петрович. – Чего уж тут непонятного?

– Любовь – это такой... аромат. У нас он, слава богу, за эти годы не выветрился. Мы его берегли, не разбрызгивали зря.

Одни люди похожи на грязные лужи, которые хочешь быстрее и аккуратнее проскочить. Шарлотта с Петровичем напоминали море или океан. С ними рядом хотелось жить.

Петровича не стало на следующий день после рождения второго внука, которого называли Петей, Петюней.

То, что ещё вчера казалось Шарлотте смыслом жизни, без мужа не стоило ровным счётом ничего. Он был её Вселенной, она же – яркой звездой в ней.

На кладбище Шарлотта – лысая после облучения, в нелепой, постоянно сползающей на глаза шапочке, резко постаревшая – наклонилась к гробу, поцеловала мужа не в лоб, а в губы и шепнула ему на ухо:

– Скоро, любимый.

Взгляд у неё был вроде живой, но в глазах виделась омертвелость.

Кирилл, давно живший отдельно, решил забрать мать к себе, но Шарлотта категорически отказалась от переезда.

– Он здесь, – говорила со слезами. – Я чувствую его присутствие. Это наше с Петровичем заботливо свитое гнездо!

Кирилл понял: мать не переубедить.

– Это и моё гнездо, – твёрдо произнес он. – Возвращаюсь в родной дом. Теперь моя очередь заботиться о тебе, мамочка.

Перед самым уходом Шарлотты сын спросил у неё:

– За что ты любила отца?

– За надёжность, – уверенно ответила Шарлотта. – Счастье жить с надёжным человеком.

Жизнь Шарлотты – борьба. Удар, нокдаун – и у неё оставалось всего девять секунд, чтобы подняться и продолжить бой, чтобы, как наставлял Петрович, начать с чистого листа.

С уходом любимого чистые листы закончились.

Надёжный человек

Светлана жила одна в двухкомнатной квартире на третьем этаже девятиэтажного дома. Жильё досталось родителям за их двадцатилетний труд на заводе. Радовались новой квартире недолго: ушли друг за другом, когда дочь заканчивала школу.

Утром мать ещё накрывала завтрак на кухне, всех позвала к столу. Отец чуть замешкался, Света дописывала сочинение в тетради. Вздрыгнула от отчаянного всхлипа отца:

– Оленька, Оленька, Оленька...

Дочь выбежала из комнаты и увидела лежащую на полу мать. Оторвался тромб – смерть мгновенная и безболезненная. После похорон отец резко сдал – потерял желание жить, даже не спасала охота. Отдал соседу любимого сеттера Пирата и продал ружьё.

– Больше я не охотник, – запинаясь, заявил он дочери.

Уход любимой жены состарил отца одномоментно. Вокруг глаз и рта пролегла глубокая морщина, и коричневые пятнышки усыпали кожу, словно крохотные грибы.

Света пробовала отца расшевелить, но не получалось.

– Хочу к Оленьке, – без усталости повторял он дочери.

На её увещевания, что жить надо хотя бы для того, что есть ещё она – Светлана, отец утирал ладонью слёзы, соглашался, но ритм жизни не менял. Он себя приговорил, смиренно ждал, когда за ним придёт старуха с косой, и дождался. Умер во сне ровно через год после смерти любимой. Пришёл с кладбища, прилёг, попросил компота у дочери и тихо уснул – навечно.

В четырнадцать лет Светлана стала сиротой. Хотели отправить в детдом, но опеку над ней оформила классный руководитель, живущая в этом же доме, только тремя этажами выше, Валерия Павловна Тарасова.

– Не травмируйте девочку детдомом. Не рубите с плеча, топор может оказаться слишком тупым. Я и наш дом помогут Светлане, – заявила Тарасова. – Знаете, как в старые времена – селом да роднёй.

Опека прислушалась. Светлану в детдом не отправили. На время, до совершеннолетия, она перешла жить в квартиру тремя этажами выше.

Светлана в детстве росла худая, недоношенная, плюс позже обнаруженный сахарный диабет, которым страдала в семье все – от родителей до любимой бабушки Наты. Над единственным чадом тряслись с детства. Бабушка-грузинка охала, глядя на худосочную любимую внучку. Цель откормить дитяtko была поставлена как стратегическая в семье. Хинкали, оладушки и блины, пирожки – малышку Свету сажали за стол по пять раз в день. К десяти годам «худой цыплёнок» превратился в румяную и полную девочку, которая додала всё на тарелке.

– На чистом сливочном масле выращенная, – радовались и шутили родители. Бабушки Наты уже не было.

Света к старшим классам напоминала пышную сдобную булочку. Приходила домой и плакала, никогда не смотрела на себя в зеркало: чего смотреть на жирную уродину.

Но мама ласково успокаивала:

– Ты не толстая, ты добрая – очень добрая!

– Не стесняйся своей доброты! – вторил отец.

– Значит, вы злые, – неожиданно заключила дочка, вогнав родителей в замешательство.

– С чего ты взяла?

– Вы же худые!

Больше всех смеялся отец:

– Бойся не худых и не толстых – бойся плохих людей. От них все проблемы. Запомни, доченька, доброта – это преодоление, не каждому дано обладать этим даром.

Светлана слушала заворожённо и не могла оторвать от отца глаз, слова успокоили.

Когда в школе её дразнили:

– Толстая пришла, – она всем говорила: – Не толстая, а добрая пришла!

Удивительно, но детвора перестала обзывать не только в школе, но и во дворе.

К двадцати годам приятная полнота придавала ей кустодиевский облик, но люди его не замечали, продолжали в глаза и за глаза называть толстой. Уже не обижалась, не раздражалась – привыкла.

Светлана училась средне, звёзд с неба не хватала. Трудно давались математика и языки, но всё же она их, как говорили учителя, с божьей помощью осилила.

Валерия Павловна, классная руководительница и опекунша, с юмором из года в год повторяла:

– Ты продлила контракт на следующий год.

И пришло время, когда выпускнице директор сказала:

– Твой договор со школой закончен. Добрый путь в большую жизнь.

Светлана, не задумываясь, пошла в училище на повара.

– Хлебная работа, нужная! – поддержала опекунша. – Голодной никогда не останешься.

Мать при жизни, когда Света ещё была подростком, убеждала:

– Учись готовить или замуж никогда не выйдешь. Сытый муж – хороший муж.

Замуж хотелось, но суженого всё не было и не было, половина одноклассниц не только ими обзавелись, но и уже катали коляски с детворой. Светлана тихо им завидовала.

Знакомая сманила на вахту:

– Там легче найти мужика, да и денежные они все.

После первой вахты была вторая, третья, но мужа так и не было. Вкусно поесть любили все, а вот на серьёзные отношения никто не соглашался.

Светлана была полна грусти и лишних килограммов, плакала по вечерам в подушку:

– Я толстая, поэтому никому не нужна!

Валерия Павловна, когда Светлана к ней заходила, утешала:

– Ты красивая, в тебе русская краса. Не смотри на других!

Но Светлана смотрела и к тридцати годам решила кардинально себя изменить. За полгода невероятными усилиями воли похудела на двадцать пять килограммов, заработала панкреатит и кучу сопутствующих болячек. В больнице несчастную еле вытащили с того света.

– Женщина – полюбите себя такой, какая вы есть, – в сердцах сказал ей мужчина-доктор.

– Да я себя люблю – меня никто не любит, – Светлана не стеснялась слёз. – Я мужа хочу, детей хочу...

– Наберитесь терпения... – успокаивал растерявшийся доктор. – Всё у вас ещё будет...

– Вы бы такую толстую, как я, смогли полюбить? – напролом спросила Светлана.

– К сожалению, я уже женат, – отшутился доктор.

– А если бы не были...

В кабинете повисла нехорошая пауза...

После сорока пяти Светлана окончательно смирилась, что у неё не будет семьи. Дома после родителей осталась красивая шкатулка – отец на день рождения матери подарил, и

она стала покупать себе бижутерию, складывать в неё богатство. Так вот Светлана чувствовала себя пустой шкатулкой.

В детский дом поваром попала случайно – увидела объявление, и ноги сами понесли. Детвора полюбила тётю Свету, улыбчивую, добрую, с веснушками на круглом лице, не жалеющую добавки, а какая вкусная выпечка у неё получалась!

Даже Виктор Леонидович, директор, это отметил:

– Светлана, у вас лёгкая рука.

Проработав три года, Светлана отважилась спросить у директора:

– Леонидович, – она замялась в нерешительности. – Я одинокая женщина, без вредных привычек. Жильё своё у меня есть. Может, поможете ребятёночка из детского дома оформить? Я буду хорошей матерью.

Директор не отказал, но Светлана не прошла медкомиссию. Опекунша написала отказ. Не помогло ходатайство домоуправления, под которым подписались все жильцы. Ходила в опеку и Валерия Павловна, бывшая опекунша. Обивала пороги кабинетов, спорила, доказывала, просила. Готова была написать заявление, что, если что-то со Светланой случится, заберёт ребёнка к себе на воспитание. Не помогло! Тогда на амбразуру опеки пошла Эльза – главный авторитет дома. Тщетно. Пробить брешь не удалось – опека осталась непробиваемой.

Отказ окончательно убил и сгубил Светлану. Будущее одиночество и приближающаяся неумолимо старость пугали. Она сломалась, словно дерево, в которое безжалостно ударила молния. Светлана начала прикладываться к бутылке. Первое время незаметно, но дальше... Когда есть выпивка, квартира никогда не бывает пустой – двери открыты для всех. И замельтешили мужики-халевщики. Менялись, как цветные стёкла в калейдоскопе, подолгу никто не задерживался.

На работе Светлане сделали первое замечание, потом она получила выговор, когда не явилась на смену. Ещё через какое-то время директор грозно предупредил:

– Светлана Николаевна – до первого запаха!

– Проживёшь вот так жизнь, а потом задаёшь себе вопрос: разве ты так хотел её прожить? – угнетённая печалью, хрипло делилась наболевшим Светлана с новым знакомым, увязавшимся за ней ещё с электрички.

Слёзы подступили к её глазам:

– Все думают, что быть женщиной легко! Я-то знаю, что это неправда! – с горечью заявила она.

Об аморальном образе жизни Светланы заговорил весь дом. Соседи перестали здороваться, при встрече фыркали, лишь Валерия Павловна, Эльза да собачница Наталья (домовая блаженная, как звали её за глаза) искренне жалели Светлану, нежно называя горемычной.

– Зачем пьёшь, зачем себя гробишь? – Павловна стучалась в душу Светлане.

– Тётя Лера, – слёзы застилали ей глаза. – Посмотрю на жизнь трезвой и понимаю: надо выпить.

– Придёт и к тебе белая полоса, – утешала Павловна.

– Повешусь! – от отчаяния выдавила Светлана.

– Не смей, грех большой на душу возьмёшь. Терпи и верь, – наставляла Эльза. – Если бы ты знала, солнышко, сколько мне пришлось перетерпеть в жизни... – старуха покачала головой. – Помни: жизнь нас бьёт, а мы крепчаем! Если идёшь сквозь ад – иди не останавливаясь. Давно поняла, что вся жизнь человеческая изложена в трёх словах: «Надо себя заставить!» У каждого человека должна быть своя молитва. Твоя должна состоять из

четырёх слов: «У меня обязательно получится!» – вдохновляла Эльза.

Всех поразили слова Натальи-собачницы:

– Света, ты ангел на обочине.

– Это как?

– У тебя всё ещё впереди, – успокоила Наталья.

И счастье пришло, когда его совсем не ждали.

Светлану замучили тошнота, слабость, головокружение. Грешила на гастрит, решила проверить, записалась на приём...

И была в полном недоумении, когда на УЗИ ей потрясённо сообщили:

– Какая язва? Женщина, вы на пятом месяце беременности...

– Как? – вырвалось у неё.

– Это у вас надо спросить... – хихикнула молодая врачиха-узист.

Ёкнуло сердце и бешено заколотилось, его удары сотрясали тело, вызывали душевные силы и отдавались в мозг: «Господи, неужели...»

Светлана летела домой. Много лет уже она не чувствовала себя такой молодой и смелой. Ей хотелось скакать, бегать, кричать, найти такого же одинокого человека и обнять его.

– Вот видишь, – искренне радовались Валерия Павловна с Эльзой.

– Если умру при родах? – испугалась Светлана.

– Не умрёшь, – заверила собачница Наталья. – Всем домом будем рядом с тобой, когда будешь рожать.

Малютка родилась недоношенной, да ещё с пороком сердца. Светлана всякий раз порывисто поправляла врачей:

– У неё не сердечная недостаточность, а сердечная избыточность.

На грузную женщину эскулапы смотрели с нескрываемым сарказмом, но в споры не вступали.

Ещё девочка почти не кричала, что пугало.

– Молчаливая она у меня какая-то, – с боязнью делилась наблюдениями Светлана.

– Это она молчит от радости и удивления, что появилась на свет, – утешали близкие.

До рождения дочери Светлана считала, что её жизнь пустая и никчёмная, сейчас же, став матерью в пятьдесят один год, поняла: возраст – смешная вещь. Потому что теперь она знала: поздно не бывает никогда!

Дочь назвала Олей в честь матери. Когда малышке ещё не было годика, успешно прооперировали – убрали сердечный порок. Хорошего детского кардиолога посоветовала Клементина, подруга Эльзы.

Оленька росла красавицей и умницей. Побеждала на различных школьных конкурсах и олимпиадах, участвовала в общественной жизни, в самодеятельности.

На день рождения матери принесла простые фиалки – Светлана расплакалась. Ей никто не дарил цветы. На юбилей – шестьдесят пять лет – дочка повесила на шею матери красивые бусы из бисера, сделанные на уроках труда. Светлана открыла шкатулку, сложила в неё подаренное сокровище.

Вечерами между матерью и дочерью возникали задушевные разговоры.

– Как же долго я тебя ждала! – надрывно вырвалось как-то у Светланы.

– Главное – дождалась.

Оля никогда не спрашивала у матери об отце. Интуитивно чуяла – ненужный вопрос.

– Мама, – как-то призналась дочь, – когда стану взрослой, подарю тебе много внуков и внучек. Хочу большую семью.

– Мужа только подходящего найди, чтобы так же хотел детишек, – мать от счастья прослезилась и нежно притянула дочь к себе.

В семьдесят Светлану разбил инсульт. Дочь до самой кончины ухаживала за матерью. В шестнадцать лет устроилась мыть полы в школе, директриса пошла навстречу, понимая сложное положение школьницы.

Перед смертью мать дала последний совет:

– Нужна будет помощь – иди к Павловне, к Эльзе, к Наталье. Они в обиду не дадут и в беде не оставят. И ещё, – Светлана откинулась на подушку, перевела дыхание: – Не позволяй своим сковородкам сиять ярче себя... Не относись к уборке дома так серьёзно! Не старайся быть для мужа образцовой хозяйкой, будь прекрасной матерью для детей. Для женщины главнее дети. Не забудь и не перепутай.

Светлана умерла легко. Во сне.

На втором курсе техникума в жизни Ольги появился Вовка из соседнего дома: невысокий, худощавый, нос уточкой, в застиранных джинсах с пузырями на острых коленках и в одной и той же линялой рубашке.

После армии пришёл свататься.

– Только, Оля, ты должна знать – я хочу большую семью, – твёрдо заявил будущий жених.

– Большую – это какую?

– Где много детей.

Оля уголками губ улыбнулась.

– Не возражаю, – произнесла она. – Лишь бы мы их всех прокормили.

– Прокормим, – заверил Владимир. – Буду работать на нескольких работах. Хочу минимум пятерых. Семья – это ведь семь Я!

– Хоть футбольная команда, – рассмеялась возлюбленная.

– Это было бы здорово! – в восторге воскликнул Владимир. – Мальчиковая футбольная команда – это супер!

– Что, только одни мальчишки? – смутилась Ольга.

Владимира озадачила безоглядная решимость возлюбленной – и глубоко растрогала.

– Нет, я не возражаю и против девочек.

Разговор случайно услышала Валерия Павловна Тарасова.

– Володя, – вмешалась она. – Только, понимаешь, если хочешь успеть родить десятых, начинать надо пораньше. – И рассмеялась.

– Мы успеем, – заверил жених.

Когда Ольга пришла к Валерии Павловне одолжить денег на свадьбу, потому что хотелось, чтобы было как у всех, она застала там Эльзу.

– Олечка, ты хочешь семью или зрелище? – поинтересовалась она, на мгновение перестав дышать.

– Семью, – с робостью ответила Ольга. Она уважала, но побаивалась Эльзу.

– Тогда зачем тебе свадьба?

– Хочется как у всех.

Дамы задумались.

– Тогда это зрелище! – вынесла свой вердикт Эльза и снова задымила.

– Почему? – на глазах у Ольги появились слёзы. Она предчувствовала, что яркому празднику не бывать, а она так хотела надеть белое платье с фатой, даже присмотрела на-

ряд невесты в магазине для новобрачных.

– Людям нравятся зрелища, – подытожила Эльза.

И в тот миг, когда Ольга готова была расплакаться, мудрая Эльза с улыбкой добавила:

– Без праздников тоже нельзя, нечего будет потом вспомнить!

Свадьбу гуляли весело и всем домом.

Когда вместо первого сына жена родила дочь, муж не показал скрытого разочарования, но новость обрушилась на него как удар невидимой руки. Ничего, сын будет вторым.

Лицо Владимира потемнело от беспомощной досады, когда вместо Андрея на свет появилась вторая дочь – Лариса. Потом Анна...

– Оля, когда же у нас мальчик появится?

– Что я сделаю, если ты у меня ювелир? – отшучивалась жена.

Ольга стала замечать, что после каждого рождения дочери муж всё больше и больше от неё отдалялся.

– Вова, ну чего ты? – не могла Ольга понять обиды мужа. – У нас с тобой семь прекрасных девочек.

– Я мальчика хочу, как ты не можешь этого понять! Мальчика... – чуть не плача, простонал Владимир. – Чтобы с ним ходить на рыбалку, чинить машину. Мне пацан нужен. Оля, если ты родишь ещё одну девку, я этого не выдержу. Надо мной весь дом смеётся.

– Как смеётся?

– Что у меня женский гарнизон, – озлобленно буркнул муж. – Мне в футбол не с кем играть.

– Бери девчонок и гоняй с ними, они с радостью, – старалась успокоить любимого жена.

– Как ты не понимаешь – я хочу сына! – обвинительный голос мужа усилился почти до истерики.

Полные отчаяния и бессильной злобы слова больно ранили сердце жены. Ольга попыталась рассмеяться, но у неё ничего не вышло, так горько стало на душе.

– Мы не гарнизон, – жена заплакала. – Мы твоя семья.

Ольга не выдержала и поделилась наболевшим с тётёй Лерой и Эльзой.

– Паршивец! – непроизвольно вырвалось у Валерии Павловны.

– Это комплекс его мужской неполноценности, – просветила Эльза. – Видала я таких. Пока сына ему кто-то не родит, будет считать себя увечным. Что за мужики пошли! Такие дочки-красавицы рядом...

Собачница и кошатница Наталья была наиболее прагматичной в своих выводах.

– Володьку не исправить, – авторитетно заявила она.

– Почему? – защищала мужа от нападок Ольга.

– Мужики всегда хотят, чтобы у них был сын, – делилась жизненным Наталья. – Когда я Димку родила, мой от счастья светился, словно луна. Когда Димка пошёл в музыкальную школу и выбрал, что будет учиться на фортепиано, мой драгоценный сразу возмутился: мол, бабское занятие выбрал – на фортепьянах бренчать. И Димитропулос отшил папашу ответом: «С Чайковским мне, может, и не сравняться, но увидишь, что будешь гордиться, что я твой сын!» Больше моё «северное сияние» не возмущалось, – подытожила Наталья.

На лице её появилась горькая улыбка:

– Я вам скажу, какие люди не меняются. Мёртвые. Хотя нет, меняются: цвет там, запах... Но общую мысль вы поняли, думаю.

– Резонно, – согласилась старуха Эльза.

– Бесконечно искать хорошее в плохом тоже нельзя, – добавила свои копейки к разговору Валерия Павловна.

– Как же я хочу сына! – Ольга расплакалась, её слезы проняли сидевших на кухне соседок.

– Не загадывай никаких желаний, – за всех посоветовала Эльза. – Просто скажи про себя: «Господи, дай мне то, что сделает меня счастливой». Он лучше знает, что тебе для счастья нужно. Жить, девочки, надо по принципу: «Боже, дай сил мне!» Каждое утро себе говорю, как молитву: «Я сильная! Я смогу!»

Восьмую дочь Ольга назвала Розой – крошечка и вправду была похожа на крохотный бутон красивого цветка. Одни губки бантиком чего стоили – это заметили даже акушерки.

Вера, Лариса, Анна, Дина, Ирина, Мария, Инна и Роза – восемь красоток, восемь будущих невест, матерей, а по начальным буквам имя любимого – ВЛАДИМИР.

Муж на выписку не пришёл. Ольга морально к этому готовилась, но всё же не сдержалась – расплакалась.

Старшая дочь Вера, которой только исполнилось шестнадцать лет, успокаивала мать:

– Мы справимся!

– Да, тётя Оля, мы справимся! – вторил её длинноногий ухажёр Колька.

– Ты-то с какого боку припёка? – утирая слёзы, со смехом спросила Ольга.

– Мама, он с нами, – за Кольку ответила Вера.

Мать поняла: у дочери всё серьёзно, да и парень хороший. Мелкая детвора тянулась к парню как к старшему брату, и он не отбрыкивался – играл с ними, читал книжки, когда домашняя мелюзга просила.

– Хороший пацан, – как-то сказала мать Вере.

Дочь внимательно посмотрела на мать. И сказала:

– Он безродный. Дед-алкоголик его воспитывает. Ему хорошо у нас. И ещё он так посуду моет!

Последние слова дочки зацепили Ольгу:

– Как же он её моет?

– С любовью, – смеясь ответила Вера.

– Надо же, какой любовный виртуоз! – озадаченно ответила Ольга. – Твой отец считал, что посуда – это не мужская работа.

– Вовка считает, что в доме нет мужской и женской работы.

– Ну хоть здесь прогресс, – успокоилась Ольга.

На выписку пришло полдома во главе с Валерией Павловной, Эльзой, Натальей и почти всеми её домочадцами.

Муж домой не вернулся, Оля по первости ночами плакала в подушку. Тяжело смириться, что построенные тобою дом, быт, отношения – всё это в прошлом, но жизнь закрутила её своим вихрем, хлопотами – большими и малыми. Старшие дочери помогали матери.

Вера вышла замуж сразу после окончания средней школы за длинноногого Кольку, но с детьми молодые решили подождать.

– Сначала, мама, образование, – мудро заметила Вера. – Тебе надо помочь ещё, а дети с Колей у нас будут! Валерия Павловна с Эльзой советуют пойти учиться: мне на математика в педагогический, а Кольке – на инженера.

Ольга по-матерински прижала к себе взрослую дочь:

– Хочешь, секрет тебе расскажу?

Дочь с интересом посмотрела на мать.

– Отца вашего на днях видела. Поздоровался. Представляешь, ему новая жена двух дочек родила! – И счастливая улыбка застыла на лице Ольги.

Вера рассмеялась.

– Чего ты?

– Значит, не виноватая ты, мама, – на лице Веры светилась хитрая улыбка.

– Всё время отцу вашему говорила: «Вова – ты профессиональный ювелир», а он не верил.

И две женщины, прижавшись к друг к дружке, смеялись до упаду.

– Мама, ты счастлива? – спросила дочь.

– Очень! – уверенно ответила Ольга. – Прочитала у одного хорошего писателя – его книгу мне подарили Марго с Герой, питерские аристократки, так своих подруг называет наша Эльза из стошестидесятой квартиры, – что «счастливый человек – это надёжный человек».

– Значит, папа не был счастливым? – с грустью заметила старшая дочь.

– Он просто не осознал своего счастья... Наталья-собачница назвала твою бабушку ангелом на обочине, ведь счастье надо не только дожидаться, но и уметь его ценить.

– Наталья-собачница тоже ангел на обочине? – поинтересовалась Вера.

– У неё собаки, кошки. Она их ангел.

– На обочине, – уточнила Вера.

Ольга обняла дочь:

– Не бойся обочин. Они служат безопасностью для главной дороги.

Иди до упаду, не оглядываясь...

Из грязной коробки, лежавшей на улице, доносился тощий, скулящий писк, больше похожий на человеческое: «Помогите!»

Все проходили мимо, кроме Натальи. Она остановилась и заглянула в коробку. Эльза, соседка с шестого этажа, как-то в сердцах посетовала: «Жизнь иногда такое выкидывает, что хочется остановиться и подобрать».

Наталья подобрала.

– Тебе, малыш, крупно сегодня повезло – капнула пенсия. Она у меня смешная, – Наталья подмигнула комочку шерсти и улыбнулась, – но на ветлечебницу для тебя, надеюсь, хватит.

Ветеринарка находилась недалеко. Наталья пришла и диву далась: народищу часа на два. Бабушка с двумя пожилыми котами, девочка с хорьком, мамочка с детёнышем и клеткой с кроликом, пышная женщина с запуганным таксиком, подспудно понимающим, зачем его привели к врачу.

– У вас что за проблема? – поинтересовался незнакомый мужчина.

Наталья достала грязный комок – очередь заинтересованно посмотрела.

– Спасительница, – коротко подытожил мужик, и громкий бас на весь коридор протрубил: – Здесь женщина с совсем плохой животинкой – пропустим?!

– Но... – послышалось начальное возмущение дамы с таксиком, однако её голос мгновенно утих, когда мужчина сердечно улыбнулся и сказал:

– Думаю, капля христианского милосердия нам не повредит.

– Конечно, – первой отозвалась бабушка с пожилыми котами.

Наталья от отзывчивости очереди опешила.

Через час доктор ей сказал:

– Можете идти со своим чудом домой, – и протянул рецепты.

Возле подъезда Наталья встретилась с Эльзой. Та увидела коробку и с пониманием улыбнулась.

В квартире новый жилец радостно не отходил от своей благотельницы. Наталья рассмеялась, присела и принялась с ним разговаривать:

– Не смотри такими преданными и голодными глазами... Куда побежал? Стой! Буду тебя кормить.

Животинка счастливо виляла хвостиком.

– Как же тебя назвать, чтобы душа и сердце не болели и не стонали? Сама себя упрекаю: какая я дура, столько лет – пора бы поумнеть. Хотя возраст ещё не значит, что я выросла!

Наталья вспомнила слова соседки Эльзы: «Иди до упаду, не оглядываясь...»

Она перевела дыхание:

– Назову тебя Чудом. Так тебя доктор назвал. Когда живёшь с Чудом, сама начинаешь чудить. Судя по тебе, ты безродное Чудо. Это нас роднит. Моя воспитательница из детского дома Генриетта Брониславовна, которую все звали Герой – не Мегерой, а по-доброму Герой, – постоянно капала мне на мозги: «Наталья, ты ходячая головная боль, никакой цитрамон не помогает! Только наводишь хаос!» Она считала, что мой подростковый возраст не поддаётся воспитанию. Ей-то, блокаднице, ведь должно быть понятно: хаос – это нормально.

Наталья поднялась и достала из шкафчика растворимый кофе. Включила на автомате чайник. Чувствовала она себя неважно ещё с ночи. Слабость, тахикардия, шум в голове.

Таблетки не помогали. Скорую не вызывала. В больницу – ни за что! На кого оставить Чару и остальных домочадцев?..

Боль всё же к утру притихла. Несколько раз Наталья просыпалась, чувствуя напряжённость в душе, словно натянулась струна, которая могла лопнуть, оборваться в любую секунду от неумелого прикосновения руки или неправильного движения смычка.

И снова в голове стучало молоточком: «Иди до упаду, не оглядываясь...»

Поселившееся с ночи беспокойство днём усилилось. Гнетущее состояние раздражало. Наталья решила с этим покончить кардинально. Подошла к холодильнику, достала початую когда-то бутылку холодного коньяка, налила себе в рюмку и залпом выпила для успокоения нервов. Холодная жидкость приятным ожогом разошлась по организму.

Наталья присела, вздохнула, закрыв глаза. Незримая усталость легла на плечи. «Что такое со мной?» Но ответа не было. Наталья вспомнила дурацкий сон и досадливо поморщилась. Она никак не могла его вспомнить целиком – сплошные куски, словно оборванные страницы. Снились какие-то бесконечные двери. Они засели в голове и не уходили, увеличивая внутреннее беспокойство.

И всё же коньяк оказал благотворное действие. Наталья почувствовала облегчение – отпустило. На бледном лице застыла умиротворённая улыбка.

Она снова вспомнила своё: «Иди до упаду, не оглядываясь...» Фраза придавала жизнестойкости.

– На чём мы с тобой остановились? На моём детстве...

Наталья призадумалась.

– Гера права: если у ребёнка не было счастливого детства, ему трудно быть счастливым позже, потому что он просто не знает, что такое быть счастливым.

Ты вот, Чудо, с рождения оказался в коробке и на помойке, моё детство также «морозильная камера». Согреться в ней никак невозможно. Я появилась на свет в первый месяц войны, мама рожала меня в поле во время бомбёжки. Хотя в документах и написано, что место моего рождения – Душанбе, но мама туда не доехала, родила по дороге. Хочу тебе сказать, что мир ещё не такое пережил.

Да-да, не смотри на меня такими глазами, Чудо. Рассказывать тебе дальше? Хорошо. В поисках тепла, чтобы наконец согреться, в шестнадцать лет я ушла из детского дома, но камера оставила свой след – мороз в душе остался.

Воспоминания разрушают человека. Гера сколько раз мне твердила, что память надо очищать от негатива: «Грабли, на которые встала, беречь не нужно!»

Ну что ты на меня так глядишь, будто я тебя не покормила? Колбасу всю схомячил. Не волнуйся, жить будешь у меня. Я, конечно, не мать Тереза, но когда открыла коробку и увидела твои глаза...

Раньше не верила втираниям, что глаза – зеркало души, но когда посмотрела в Вовкины – услышала голос океана, увидела, как мы тайными тропами проникаем в звёздную долину, и ещё узрела красоту северного сияния. Я ему так и сказала: «Ты моё северное сияние».

Наталье захотелось закурить. С детства дымила. Вовка никогда не говорил, что ему это не нравится. Но Наталья сама это чувствовала и, собрав силу воли в кулак, перестала курить.

Старуха Эльза, её заступница по дому, любительница закрутить беломорину, учила: курить надо в местах, где человек чувствует себя свободно, потому что сигарета дана для расслабления.

Теперь Наталья могла себе это позволить.

– Знаешь, Чудо, чего больше всего хотелось в детдоме? Ни за что не угадаешь! Мо-ро-же-но-го... Я его даже во сне облизывала.

И представляешь, Вовка покупал мне его на завтрак – ночные кошмары как рукой сни-мало. Однозначно, у мороженого есть положительный эффект – застывшее детство.

Угадай, где я встретила «северное сияние»? В том месте, где спокойно могла найти или подобрать тебя.

Свалка, мусорка – как хочешь называй, сути не меняет. Я из того поколения, что сдава-ло бутылки, когда в кармане не было ни бумажек, ни металла. Голодных и неприкаянных, как я, там промышляло много. Мы продавали, меняли то, что находили на свалке. Хватало на булочку с маслом и даже на ложечку икры баклажанной.

Плохо было осенью в промозглый день, когда со свинцового неба лил бесконечный холодный дождь. Тогда душа забиралась в картонку и тихонько дрожала.

«Северное сияние» работал шофёром на мусорке. Однажды, не увидев, что я ковыряюсь в одной из ям в поисках интересного, он меня чуть не завалил, скидывая мусор из машины.

Меня бесит и раздражает, когда человек жалуется на жизнь и хнычет, что она ему не подарила шанс. Она их предоставляет навалом, но люди ими не пользуются или чего-то выжидают. Кто не рискует – не пьёт шампанского. Кто не согласен – бросьте в меня камень, я отвечу... гранатой.

Я свой шанс не упустила.

У нас не было ни кола ни двора. Сирота сироту чует за версту. Вовка увёз меня к себе в бич-град, в двухэтажное деревянное общежитие, приютившее разный народ, но в боль-шинстве со штампом «БОМЖ» на страничке с пропиской.

«Северное сияние» взял меня одной фразой: «Я буду тебя беречь», и я доверилась. Из приданого – картонный чемодан времён Великой депрессии с вещичками, раздобытыми на свалке. Жили весело, голодно, но с мечтой о своём доме.

На её претворение ушло три каторжных года. Маленький, крошечный, он радовал глаз. Собирались зайти в домик следующим днём после загса, а ночью нашу мечту «добрые» люди подожгли. Вот такая огненная ночь перед свадьбой. Тогда я поняла, что такое реветь белугой. Мы стояли с любимым у пожарища, и оба ревели, понимая: наша мечта растаяла, как вкусное мороженое.

Грязные, опухшие от слёз, пошли в загс забирать заявление, хотели позже расписаться. Нас уговорили не откладывать – расписали. В такси «северное сияние» достал два кольца. Я поняла: мы начинаем жизнь с чистого листа.

И у нас снова получилось! Я сама из Коми. У нас ходит сказание, что жили двое влюб-лённых: Тарас и Анюка. Настолько сильными были их чувства, что народ стал такую лю-бовь называть тарасанюкой.

В трудные времена не страшно, когда рядом любимый. Всё у нас было хорошо: но-вый дом, машина и, главное, Димка, или, как муж любил называть сына, Димитропулос. Ребёнок – это будущее! Он получился у нас идеальным с первой попытки.

Вовка говорил, что влюблён в блеск моих глаз. Ещё бы им не блестеть. Глаза счастливой женщины – это ворота в сердце, где живёт любовь.

Когда мои домашние засыпали, я выходила на балкон, смотрела на окна двух соседних домов. Я не всматривалась в силуэты. Я просто мысленно желала, чтобы все завтра про-снулись и никто не заболел. Мечтала, чтобы там, где горит свет, люди просто пили чай или смотрели телевизор, чтобы между ними не было ссор и скандалов.

Знаешь, Чудо, после голодного, оборванного детства я поняла: семья – это мир! Если он царит в семье, значит, там всё хорошо.

Гера как-то сказала, что у нас с Володей глаза одинаковые. Я так удивилась: у меня карие – у мужа серые. Гера рассмеялась: «Они у вас влюблённые». И скажу тебе, Чудо: это была абсолютная истина.

Жизнь с настойчивостью и мощью асфальтоукладчика уверенно катилась вперёд, к новым целям. Мы ехали по этой дороге уверенные в мастерстве водителя.

Наталья закурила. Затяжки делала глубокие, словно собиралась ими прочистить закоптевшие лёгкие. Раскашлялась, психанула и потушила сигарету.

Чудо лизнуло руку, и Наталья будто проснулась.

– Моё счастье сглазили завистники, – продолжила Наталья чуть погодя, – а, может, сама виновата, что так им лучилась, что остальных слепило от нашего семейного света.

Когда Володя с Димкой разбились, нагрянуло одиночество: когда смотришь на живых – и видишь мёртвых. Раненое сердце ещё как-то можно заштопать, моё же было разбито вдребезги – восстановлению не подлежало. Говорят, время лечит. Враньё. Оно лишь расширяет пустоту, делая из неё огромную чёрную дыру.

Тогда я поняла: быть счастливой – непозволительная роскошь для мира.

Меня утешали все: и Павловна, и Гера с Марго из Питера, и Эльза – ум, честь и совесть нашего дома. Я им благодарна за поддержку, но они не могли понять главное: я всегда буду проклинать и ненавидеть вчерашний день, забравший у меня мой мир.

После похорон любимых я стала кораблём с огромной пробоиной в борту. Всё можно пережить в этой жизни, пока есть для чего жить, кого любить, о ком заботиться и кому верить.

Как-то ночью услышала странный голос, спрашивающий меня:

– Ничего не хочешь изменить?

– Ты о чём? – искренне удивилась я.

– О твоём одиночестве.

– Ты готова мне его заменить?

– Не знаю.

– Тогда не задавай пустых вопросов, – возмутилась я. – Когда будешь готова, тогда и поговорим, а пока не вторгайся в мою жизнь, это ранит меня. Те, кто долго живут с одиночеством, не любят ненужной суеты.

– Ты, женщина, не поняла, с кем разговариваешь? – разъярился голос.

После небольшой паузы, успокоившись, он добавил:

– Я – смерть!

– Не испугалась, давно жду!

– Зря! Нытики мне не нужны.

– Милосердная? – с сарказмом ответила я.

– Иногда бываю... – и сказала слова, которые я не ожидала услышать. – Снимай траур, люби живых!

– Где взять силы?

– У себя и возьми.

И голос пропал.

Когда я ещё была счастлива в той жизни, с нами проживала доберманша – Чара. Мы нашли её привязанной к дереву. Хозяева так жестоко решили избавиться от «девочки». Мы отвязали и забрали к себе. Чара так же была Чудо. Она нас полюбила, доверилась. Понимаешь, это безоговорочная любовь, любовь без размышлений, полная и настоящая! Меня всегда трогали собаки, которые находились рядом с бомжами на улице. Им всё равно, что их хозяин – бомж.

Чара, как и я, выла, когда в сырую землю опустили моих любимых мужчин.

Однажды я на неё накричала и даже ударила по бедру. Она присела и взглянула на меня. Я увидела, что она плачет. Обняла её и зарыдала вместе с ней.

Как-то Эльза зашла с бутылкой коньяка. Откупорила, налила.

– Помянем, – сказала она.

– Кого?

– Дмитриевну. Директора детского дома, в который я попала после немецкого концлагеря. Большой внутренней силы была человек.

– Сколько ей было? – поинтересовалась я с сочувствием.

И Эльза взглянула на меня и сказала:

– Шла до упаду.

Потом Эльза закрутила свою беломорину и добавила:

– И ты, Наталья, иди до упаду, не оглядываясь...

Вот я и иду, Чудо... до упаду... не оглядываясь...

Наталья достала из пепельницы «остывший» окурок и снова его зажгла.

– Чудо, ты удивишься, узнав, что я обожаю слушать Баха. Тебе неизвестно, что этот человек схоронил одиннадцать любимых детей, первую свою жену. Я не один раз задавалась вопросом: как он смог это пережить, почему не перестал дышать, почему его сердце не остановилось? А главное – как он смог и дальше писать музыку? Самую прекрасную музыку, какую доводилось слышать миру. Знаешь, почему он смог? Он так же шёл до упаду, не оглядываясь. Ещё у него были ноты. Нота за нотой и создавалась великая музыка скорби, печали, любви.

Вот тогда и я вышла на свою дорогу и пошла по ней до упаду, не оглядываясь. У Баха были ноты, а у меня Чара, потом появился Вася – кот сомнительного обличья и соответствующего запаха.

Он взял меня своим поведением. Не выпендривался, чинно прошёл по квартире, обнюхал углы, нигде не пометил территорию, вернулся в прихожую, сел и вежливо сказал: «Муррррр» – будто благодарил меня за то, что я его пустила в своё жилище. Истинный аристократ.

Потом от дурных детишек отбила Басю. Доброта – не зубная паста, которую выдавливают каждое утро, чтобы почистить зубы. Она им была с детства неизвестна. Маленькие антихристы привязали Басеньку к металлической двери и стреляли по ней из пневматической винтовки. Ну а потом... – Наталья вздохнула, махнув рукой: мол, чего вспоминать. – Наказ Эльзы выполняю: иду, как и она, до упаду, не оглядываясь...

– Чудо, чтоб ты знал: двери моей квартиры всегда открыты, даже ночью. Воровать у меня нечего, сам скоро всё увидишь. Не закрываю, потому что боюсь: вдруг снова мне поплохеет. В тот раз я просто забыла закрыть дверь. К вечеру мне совсем стало худо, и я рухнула в коридоре. Чара подбежала, обнюхала меня, заскулила, а потом лапой открыла проём двери, и все домочадцы – кроме Васи, он остался меня сторожить – побежали на шестой этаж к Эльзе.

Она услышала лай Чары, открыла двери и всё сразу поняла: побежала меня спасать и таки успела. Эльза и Павловна, учительница математики с соседнего подъезда, по очереди ухаживали за моими домочадцами, пока я два месяца отлёживалась в больнице после инфаркта.

«Все мы идём до упаду, не оглядываясь», – сокрушённо подумала Наталья, плотно сомкнув губы.

– Раз в месяц практикую слёзы – очищение души. Старушка Эльза так мне и сказала: «Не

бойся естественных потребностей. Хочется смеяться – смейся, плакать – плачь, материться – да сколько угодно, от тебя не убудет. Сила в нашей естественности!»

Кстати, ты в курсе, что меня в доме считают сумасшедшей? Я с соседями не ругаюсь. Когда меня достают, спокойно резонирую: «Вам показать дальнюю дорогу, или сами найдёте? Если вас некому облаять, то я справлюсь, но я культурная, вежливая женщина».

Наталья решительно встала:

– Ладно, пойдём, познакомлю тебя со всеми обитателями квартиры. Не бойся, они тебя не обидят. Чара, старушка, заходи и зови всех остальных... Будем знакомиться с новым домочадцем...

Наталья продолжила свой путь до упаду..., не оглядываясь...

Клементина

Будильник исполнил утреннюю мелодию в шесть утра. Лукьянова открыла глаза: слабость, тахикардия, в голове шумело.

Лукьянова заставила себя встать и пойти в ванную. Приняла контрастный душ. Почувствовала себя значительно лучше, кровь разогрелась и пошла по сосудам. «Меня спасёт кофе», – мелькнуло в голове.

Ритуал утреннего кофепития для полковника медицинской службы в отставке Клементины Лукьяновой не только сохранившийся процесс самодисциплины, но, прежде всего, ни при каких обстоятельствах не нарушаемый канон. «Война войной – обед по расписанию» – у Клементины солдатская мудрость звучала чуть по-другому: «Утренний кофе ничто не заменит!» Чашечка обязательна, как молоко матери для грудничка или как хадж для мусульманина.

Клементина обычно поднималась рано и, ещё толком не проснувшись, со слипшимися глазами, босиком (всякие тапочки она на дух не переносила) плелась на кухню. Смотрела сонно через тюль в окно, изучала погоду. Машинально засыпала в кофемолку зёрна арабики, на автомате отмеряла серебряной ложечкой четыре кофейные на две сахарные, засыпала полученную смесь в турку и заливала водой... После чего, уже более ожившая, совершала поход в ванну. Пристальный полусонный взгляд в зеркало и самокритичное: «Господи, это я!», потом более успокаивающее и прагматичное: «Была и страшнее».

Включалась исключительно холодная вода – привычка, которой Клементина никогда не изменяла. В это время по квартире медленно, как туман, распространялся пьянящий и дурманный аромат, начиная сводить с ума. «Господи – божественно», – проносилось в голове Клементины, она быстрыми шагами неслась на кухню, чтобы устеречь пенку, дабы та не сбегала на плиту. Пока сторожился процесс, терпкий запах кофе проникал в горло, в полупроснувшийся мозг, разжигая там костёр аппетита. Ноздри возбуждённо и расширенно дышали. Бутерброд был уже наготове.

Клементина выключала плиту в тот самый момент, когда воздушная пенка поднималась до краёв турки и казалось, ещё доля секунды – выльется на плиту. Глаз – алмаз: она, словно канатоходец, чётко улавливала, когда вовремя надо снять турку и поставить на другую, холодную конфорку. Пузырчатая пенка величаво оседала.

Довольная Клементина садилась за стол, неторопливо доставала пачку сигарет и пепельницу с подоконника. Щёлк – и сигарета дымилась, Клементина блаженно делала первую затяжку. После третьей она решительно тушила сигарету и с пепельницей убирала обратно на подоконник, чтобы не испортить атмосферу ожидания благоухающего напитка в маленькой турецкой чашке.

К первому глотку блаженнейшего кофе Клементина была полностью проснувшейся. И когда крепкая коричневая жидкость обжигающе проникала в горло, Лукьянова чувствовала странное состояние внутренней гармонии, когда душа и тело были едины и счастливы. Она словно медитировала, делая неспешные маленькие глотки, которые живительно проникали в неё, делая готовой «к труду и обороне» на целый день. Чашечка ароматного кофе утром... И жизнь вся в цветах!..

Но в это утро спасительный кофе не помог. Снова накатила слабость – Клементина присела. Поселившееся с ночи беспокойство усилилось. Гнетущее состояние стало раздражать. Она решила с этим покончить кардинально: подошла к холодильнику, достала початую бутылку коньяка, налила себе в рюмку и залпом выпила для успокоения нервов. Холодная жидкость приятным ожогом разошлась по организму.

Лукьянова присела, вздохнула, закрыла глаза: «Что такое со мной?» Но ответа не нашла. Клементина взглянула в окно, чтобы узнать, что творится на улице. «Вот уже и весна, – с облегчением констатировала она. – Потом лето, любимая дача, а дальше будет видно...»

Лукьянова любила, когда весна просачивалась в её душу: становилось не только легче дышать, но и жить в целом.

Клементина ещё раз налила себе коньяка. Он оказал благотворное воздействие. Доза позитива увеличивалась, а с ней крепили и надежды на перемены. Привычный распорядок дня вступал в свои права.

В углу кухни в большой кадке рос лимон. Клементина несколько раз изучающе посмотрела на растение. Несколько дней назад на лимоне вдруг качнулась ветка, словно с неё слетел воробей. Ветка качалась секунд пять... Клементина чётко это заметила. Сквозняка не было – всё закрыто. И качалась только одна ветка из многих. Подойдя к лимону, Лукьянова попробовала сама её покачать. Оказалось, это невозможно: ветка была настолько жёсткой, что качаться никак не могла.

Клементина восприняла это открытие как нехороший знак.

– Не приведи Господь, умру ещё... – произнесла она вслух, стараясь придать голосу шутовщины.

Зазвонил телефон. На экране высветилось: «Эльза».

Обговорили будущий юбилей. Клементина телефонным звонком подруги осталась довольна. Будут все: питерские аристократки Гера с Марго, математичка Валерия Павловна...

Валерию всё же «ушли» из школы, хотя Клементина ещё когда предупреждала, что надо уходить из этой образовательной богадельни. Но разве Павловну убедишь? Тирекс – он и в Африке Тирекс. Когда-то Клементина спасла Ирину, дочь Павловны: сложнейшая нейрохирургическая операция закончилась успешно.

Хороший, настоящий врач умирает с каждым погибшим пациентом, но и воскресает с каждым спасённым...

Клементину многие считали хирургом от Бога, но ей не удалось спасти от смерти собственного единственного сына. Душа наполнилась льдом. А лёд замедляет процесс её разложения.

Во время приёма доктор Лукьянова надевала медицинский халат с большими карманами, наполненными бумажными обрывками, которые постепенно превращались в небольшие твёрдые катышки, а затем выбрасывались. На этих бумажках доктор записывала свои мысли – обычно только начало или конец.

Та жуткая авария забрала у неё единственного сына, чтобы взамен дать другого. Машина начальника медсанбата попала в автомобильную аварию. Два человека погибли на месте: Николаевич, начальник госпиталя, и пятилетний Артур, сын Лукьяновой. Другого пятилетнего мальчика с осколком автомобильного стекла в голове и его мать с множественными переломами успели довести до хирургического стола. Две операции длились больше одиннадцати часов. Женщину, к сожалению, спасти не удалось – это была дочь Николаевича. Жизнь пятилетнего Артёма, внука начальника медсанбата, висела на волоске, и всё же Клементина отвоевала мальчика у смерти.

У Артёма осталась семидесятилетняя бабушка. Клементина встретилась с ней, состоялся длительный разговор, после которого бабушка с внуком навсегда переехали жить к Клементине.

Мальчик не по годам оказался развит, заявив однажды, что это неправильно, что его воспитывает исключительно женский гарнизон. Клементина сурово и озадаченно посмотрела и отрезала:

– Рано тебе ещё мной командовать.

Артём недовольно нахмурился.

– Что же, я должен всегда тебя слушаться? – наконец-то до него дошло, и это открытие было не из приятных.

– Да!

Артём приуныл. Перспектива постоянно слушаться тётю Клементину никак не радовала, но Лукьянова сказала фразу, которая его приободрила:

– Ты будешь меня слушаться, потому что я тебя люблю.

В жизни ребёнка это был третий человек, который ему в лицо сказал, что любит его.

Первой это слово произнесла мама. Она любила говорить это и когда утром поднимала в садик, и когда читала на ночь сказку – нежно целовала и повторяла, как песню: «Люблю тебя, солнышко», и Артём счастливо засыпал от слов, от которых веяло домом, нежностью и заботой.

О любви маленькому Артёму постоянно говорила и бабушка. И вот теперь тётя Клементина, к которой он всё больше и больше привязывался.

– Хорошо, – с важностью ответил Артём. – Я буду тебя слушаться, потому что так же тебя люблю.

Тётя Клементина рассмеялась и прижала его к себе.

Через несколько лет умерла бабушка. Клементина официально усыновила Артёма.

Боль снова пронзила голову Клементины, словно мозг сверлили раскалённой иглой.

Стоявшие в углу напольные часы чинно отбили время.

Родной отец Артёма эпизодически появлялся на горизонте, а потом вовсе исчез.

Было время, когда Клементина считала сына мягкотелым, недостаточно сильным, но ошибалась. Ей потом приходилось не раз в этом убеждаться.

Лукьянова, будучи военным врачом, привыкла, чтобы ей беспрекословно подчинялись. Армейский порядок царил и дома. Артём никогда не перечил матери, выполнял все её указания. Хотя первый сбой случился, когда Артёму стукнуло всего пять лет.

Клементина наводила обычный порядок в квартире и, увидев лежащего на детской кровати игрушечного клоуна с оторванной рукой, безжалостно отправила его в мусорное ведро.

Клоун Шурик, подаренный отцом на день рождения, стал любимой игрушкой маленького Тёмы.

– Он такой грустный, потому что всегда один, теперь у него есть я, – с радостью сообщил внук бабушке.

Артём засыпал с папиной игрушкой в обнимку, постоянно разговаривая с ним.

– Шурик, води себя прилично. Меня сейчас отведут в садик, ты остаёшься в доме за старшего. Не скудай без меня. Я приду, и мы обязательно поиграем.

И вот Тёма пришёл и не обнаружил на месте любимую игрушку.

– Где Шурик, где мой Шурик?!

Мальчик интуитивно догадался, где мягкий друг. «Домашний генералиссимус» предупредил, что рваного клоуна давно пора выбросить.

– В мусорке, – спокойно ответила Клементина.

Маленький Тёма, заикаясь, с трудом выдавил:

– Как ты могла? Шурик же мой друг. – У ребёнка начиналась истерика. – Друга нельзя выбрасывать!

Он побежал в коридор одеваться.

– Ты куда? – спохватилась Клементина.

– Шурика искать, ему же там холодно и одиноко, – захлёбываясь от слёз, твердил пятилетний ребёнок.

Повезло: мусор не увезли. Артём нашёл клоуна и, счастливый, вернулся домой.

– Если ты ещё раз выбросишь Шурика, я уйду от тебя и буду отдельно жить, с Шуриком, – заявил он Клементине. – Друзей нельзя предавать!

Лукиянова, закусив губу, промолчала и пообещала больше Шурика не трогать. И даже сшила ему новую одежку. Тогда впервые она разглядела в послушном хиленьком приённом сыне характер.

Через десять лет между ними произошла новая стычка, в которой Лукиянова была вынуждена уступить.

Класс собирался на экскурсию в Ленинград. Скрепя сердце Клементина отпустила Артёма в поездку. Чутьё не обмануло: подросток вернулся другим человеком. В его жизни появился Марсель.

Клементина не одобряла эту дружбу. Но сын на её протесты упорно твердил:

– У тебя есть Эльза, Марго, Гера, а у меня – Марсель, точка!

И она почувствовала её, эту самую точку.

Для беспокойства у Клементины была своя причина. Мать Марселя работала вместе с ней в госпитале, но вынуждена была уйти. Все полагали, что именно Лукиянова выжила Виноградову, первоклассного диагноста, с работы – из зависти. Когда Лукиянова узнала, чей Марсель сын, устроила грандиозный скандал и категорически запретила Артёму приводить друга домой.

Реакция насторожила Клементину: она увидела в ответ безропотное молчаливое согласие. Несколько раз Лукиянова специально приезжала домой пораньше, чтобы внезапно войти и обнаружить в квартире Марселя. Но Артём даже не пытался нарушить её требований. В конце концов Клементина решила вызвать сына на откровенность.

– Ты всегда делаешь всё, что я скажу? – начала она с ноткой презрения в голосе.

– Это плохо?

– Меня это напрягает!

Артём спокойно выслушал претензии матери. Ничего не добившись, Клементина вынуждена была отступить: что толку говорить с немым. Убедившись со временем, что парни действительно крепко дружат, Лукиянова почувствовала себя виноватой и сдалась: раз сыну нужен друг, пусть уж им будет Марсель – почему бы и нет. Она даже позвонила Эльзе, потом Марго. Перетёрла с подругами свои сомнения. Ответ: «Ты слишком строга и хочешь ограничить личное пространство ребёнка. Так нельзя!» – заставил не только задуматься, но и принять окончательное решение. Клементина сменила гнев на милость и разрешила приглашать друга в гости.

И вот тогда услышала непоколебимое, стойкое возражение Артёма:

– Он не будет к нам приходиться!

– Почему? Я ведь разрешаю!

– Раньше надо было.

Лукиянова еле сдержалась, чтобы не отвесить сыну внушительную оплеуху, и это спасло их отношения.

Вскоре случилось несчастье... Марсель погиб – по нелепой трагической случайности.

Именно тогда Клементина поняла: можно быть несогласной, не понимать своего ребёнка, но дети от родителей ждут одного – безусловной любви. И отношения с Артёмом стали потихоньку восстанавливаться – через доверие.

Однажды Клементина спросила десятилетнего сына:

– Ты меня любишь?

Тёма с недетской серьёзностью ответил:

– Наверное.

Ответ обескуражил Клементину, в лёгком замешательстве она уставилась на сына.

– Ты глубоко сидишь в моём сердце, – невозмутимо добавил он, чтобы успокоить оторопевшую ма, как сокращённо он её любил звать.

Клементину эти слова пробрали до мурашек.

– Значит, ты меня любишь, потому что я глубоко сижу в твоём сердце, – подытожила она.

Артём пристально посмотрел на ма. Подошёл и обнял:

– Больше никогда во мне не сомневайся!

– Не буду, – заверила Клементина, и её лицо просветлело.

Для неё стало открытием, что ответы детей могут поразить беспощадной правдивостью, к которой взрослые не всегда готовы.

Через годы четырнадцатилетний Артём на провокационный вопрос Клементины: «Я что, плохая мать?» – заявил: – Хорошая, но с ежовыми рукавицами.

Самый грандиозный скандал разгорелся между ними перед окончанием школы. Артём учился без проблем. В аттестате была только одна четвёрка – по математике. Лукьянова считала, что Артём пойдёт по её стопам, она в этом ни капли не сомневалась, но семнадцатилетний парень наотрез отказался поступать в медицинский институт.

– Нет, – заявил он, – я пойду на истфак.

По дому пронёсся торнадо.

Любовь к истории отроку Артёму привил Вовка Миненко, бывший муж Марго.

– Ты историю любишь? – напрямик спросил он.

– Ну, так себе, – пожав плечами, неуверенно ответил Артём.

– Историю надо знать либо досконально, либо никак, – весомо произнёс Миненко, словно изрёк сакральную истину.

– А если я не буду историком? – Артём покраснел как рак – это всегда происходило с ним, когда он смущался.

– Ты же будешь жить в этой стране, – Миненко с пристальным прищуром посмотрел на Артёма.

– Но в школьном учебнике всё написано!

Миненко не удержался и громко расхохотался.

– Не всё, поверь мне! – непререкаемо заявил он.

И чем дальше дядя Вова погружался в глубину веков, приводя убийственные факты, которые не были описаны ни в одном учебнике, чем больше подробностей всплывало на поверхность, тем больше у подростка подсознательно возрастало чувство, что он, оказывается, вообще ничего не знает о стране, в которой так безоблачно и беззаботно живёт.

Благодаря комментариям дяди Володи и пытливому уму прочно вбитая в сознание старшеклассника идеология страны, в которой он жил, подверглась серьёзной ревизии. Новые знания день за днём понемногу пробивали внушительные бреши в этом незыблемом оплоте, провоцируя между дядей и подростком жаркие споры и дебаты, после которых Артём уносил домой новую стопу книг из библиотеки Миненко. За короткий срок дяде удалось сделать то, что не смогла сделать школа за долгие годы, – посеять зерно размышлений.

Чуть позже Марсель, друг детства, подарил на день рождения первую книгу. Она пробудила жажду собрать свою историческую библиотеку, не хуже той, что у дяди Володи. К сожалению, задумка сына не привела в восторг Клементину. Жёсткая, чересчур прагматичная от природы и экономная в силу жизненных обстоятельств – она посчитала затею сына расточительной. Клементина даже отчитала Миненко, что тот ввергает семью в неоправданные расходы, потому что и так добрая часть её зарплаты тратилась на научную медицинскую литературу.

– Хочешь читать – ходи в библиотеку, сиди в читальном зале, это тебе ещё пригодится в будущем.

Однако могут ли не растаять ледяные глыбы и снежные заносы под натиском весеннего солнца? Зерно, бережно посеянное дядей Володи в благодатную почву, проросло и дало всходы. Каждую купленную книгу Артёму приходилось прятать, чтобы не рассердить мать.

Однажды дядя сказал ему то, что казалось нереальным:

– Умру – вся библиотека перейдёт к тебе, и твоя задача – её приумножить. Понял?

– Да, – робко, не веря услышанному, произнёс Артём и от нахлынувших чувств прижался к дядьке.

Клементина сделала ещё несколько попыток убедить Артёма поступать именно на медицинский, но ей пришлось капитулировать. Сын поступил на исторический факультет, и в его жизни появился новый безоговорочный авторитет – Прозоровский.

И снова Клементина негативно отнеслась к дружбе пожилого профессора и юноши. Но и здесь Артём проявил настойчивость.

– Меня не интересуют сплетни, которые до тебя долетают.

Лукьянова снова почувствовала, что теряет контроль над сыном, но приняла стоическое решение: не вмешиваться.

Их отношения всегда были сложными – от объятий до выяснения отношений путь был коротким – и напоминали качели: то вверх, то вниз. Случалось, они подолгу не разговаривали и о делах друг друга узнавали от посторонних людей или через общих знакомых.

Как-то после очередной её нотации Артём посоветовал:

– Мама, перестань быть стиральной машиной, промывая и прополаскивая мне мозги. Поменяй программу. Я вырос.

И до Клементины неожиданно дошло, что и впрямь она неправильно себя ведёт. Мальчик давно уже не мальчик и даже не юноша. Артём – авторитетный учёный в области истории, хороший преподаватель.

Клементина тут же позвонила Эльзе, близкой подруге и, не упуская ни единой подробности, эмоционально, не жалея драматизма, передала разговор с Артёмом.

– Представляешь, он меня отбрил, – возмутилась она, ожидая от подруги слов утешения.

– Давно пора, – сонно ответила Эльза, потому что было полтретьего ночи.

– За что он так со мной? Я ему только добра желаю, – завопила в трубку Клементина.

Эльза, зевая, спокойно слушала подругу, зная: стенания надолго.

– Клемми, ослабь жим! Ты в своей материнской любви чересчур часто идёшь на удушьющий, он его не выдерживает и, как всякий нормальный мужик, брыкается. Я такая же была со своей Анькой, и ты прекрасно знаешь, чем всё закончилось. Хорошо, что она ушла жить к Маргоше с Герой, а не на улицу.

К пяти утра Клементина немного успокоилась, и Эльза тут же отключила телефон. Лукьянова, в отличие от подруги, уснуть не смогла, в сто десятый раз прокручивая в голове разговор с сыном, затем с Эльзой и к семи утра пришла к выводу: во взаимоотношениях с Артёмом ей надо менять тактику. Полковник медицинской службы не понаслышке знала: успех – это заранее разработанная стратегия.

У Клементины было правило: в день, когда у неё назначена операция, она старалась пройти от своего дома, расположенного на улице Ленина, до военного госпиталя пешком. Такой путь всегда занимал у неё около тридцати-сорока минут, которые она называла «моё время». В этот период доктор Лукьянова имела возможность побыть наедине с собой и поразмыслить о многом.

В двадцать семь лет Артём женился. Марианне, его жене, первоначально казалось, что муж податлив, как глина: лепи из него всё что заблагорассудится. Но очень скоро она убедилась: это поверхностное впечатление. Очаровательное заблуждение. Марианна знала о муже ровно столько, сколько он позволял. Артём был скорее красивым куском гранита, нуждающимся в искусном мастере и аккуратной шлифовке. В их семейной жизни скульптором оказалась вовсе не она.

Брак зашёл в тупик. Возникла всепоглощающая пустота, которую нечем было заполнять.

Когда Артём позвонил и сообщил, что развод состоялся, услышал от Клементины удивительно краткое резюме:

– Сожалею, что так у вас произошло. Одинокий мужчина – это комедия, одинокая женщина – трагедия.

Артёма лаконичность и спокойствие матери изумили.

– Морали, что ли, не будет? – поинтересовался ненавязчиво он.

– Зачем, когда дело сделано? – коротко ответила Клементина.

Одна из любимейших фишек Клементины – поразить всех неожиданным приходом в гости.

– Людей надо обезоруживать эффектами, – доказывала всем с умным видом доктор Лукьянова, а её сын Артём простодушно с полуулыбкой комментировал:

– Мама – бесконечный сюрприз.

Клементина в долгу не оставалась. Это было не в её правилах.

Словесная дуэль между матерью и сыном – как традиционное кофепитие по утрам, вечерняя прогулка перед сном, обязательное хождение на работу.

– Мой сын та ещё дуся, – с упоением утверждала Клементина знакомым.

Окружающие знали, у доктора Лукьяновой язык – бритва. Взаимоотношения матери и сына напоминали швейцарские часы: ровное беззвучное тиканье механизма, не требуют постоянного завода.

Артём не ведал, что в тот же день мать соберётся и примчится на всех парах спасать сына «от глубокой депрессии».

– Я, как скорая помощь, появляюсь там, где кому-то хреновато. – Клементина подтянула к себе остолбеневшего взрослого сына, обняла.

– Боевой женский томагавк в виде поварёшки покрылся паутиной, домашний табун разбежался. Чтобы находиться в тонусе, сделала себе очередной пилинг! – счастливо журчала семидесятилетняя ма. – Артём, вставай снова под красные знамёна – враг будет разбит, победа будет за нами! Холостяцкая жизнь вообще никому не по вкусу, особенно если в холодильнике, кроме пива, нет ничего, а желудок никак не хочет смириться с постом!

– Мама, ты... – наконец выдавил из себя потрясённый сын.

– Не смотри на меня как на диагноз, – и Клементина уверенно перешагнула порог квартиры.

– Обалдеть! – вырвалось у Артёма.

За чашкой кофе разговорились. Оба чувствовали потребность в беседе, когда останавливается время...

– Ты просто ещё не встретил свою любовь.

– Что же для тебя любовь? – грустно поинтересовался Артём.

Клементина неторопливо закурила:

– Одни считают, что это трудная дорога в рай, для меня же... – она задумалась. – Это длинный поезд. Мы все его пассажиры. Бродим из вагона в вагон, ищем эту самую любовь. Люди не понимают, что поезд уходит с перрона и на него можно не успеть, пока прикидываешь, выжидаешь, семь раз отмеряешь... Решение зачастую не терпит отлагательств. Надо ковать железо, пока горячо, если речь идёт о чувствах, о новых возможностях и шан-

сах. Второго шанса может не быть. Вся наша жизнь – длинный поезд любви, – уверенно закончила Лукьянова.

– Длинный поезд любви? – задумчиво произнес Артём. – Оригинально!

– Не смотри на меня, как таракан на тапки! – Лукьянова снова рассмеялась, но через мгновение её лицо стало серьёзным. – Ты ведь так же пассажир этого поезда. Я знаю, что говорю.

Клементина обняла сына, поцеловав в макушку, и Артём превратился в маленького мальчика, почувствовал себя с ма спокойно и умиротворённо.

– Ты любила?

Клементина повела плечами:

– Чтоб до одури – один раз. Первого своего мужа. Было время, когда готова была его убить за его предательство. Если так говорю сейчас, значит, любила. Если мужчина безразличен женщине, она мгновенно его стирает из памяти. Я не смогла стереть.

– Так сильно любила?

– Он не оставил мне выбора. Влетел в мою размеренную жизнь и всё в ней нарушил. В прошлом году мне по делам пришлось побывать в Бирюсинске. Посёлок изменился до неузнаваемости. А какой был!.. – Лукьянова сокрушённо покачала головой. – Помню, первое, что меня поразило в Бирюсинске, – запах черёмухи. Пахло так, что дурно становилось. По вечерам по улице Советской выгуливался парами народ, всё так благочинно! Там и встретила с Андреем, через две недели поженились. Он потом всем говорил, что надо было сразу жениться: столько времени потерял зря. Это было приятно слушать моим ушам. Его часть стояла недалеко. Он сбежит в увольнение, и мы часами стоим на горбатом мосту, под ним рыбаки ловили рыбу. Её было много, и пахла она свежими огурцами. У меня и сейчас, когда запах этот чувствую, сразу воспоминания накатывают.

Лукьянова закатила блаженно глаза:

– Какие роскошные ивы были над Вестой – странно так речушку называли! Андрей увидел эту красоту, оценил и сказал: «Всё, Клёма, я отсюда никуда не уеду!» Сейчас – ни горбатого моста, ни черёмух, ни ив – ничего. Сплошное запустение и разруха...

Лукьянова неторопливо прокручивала свою жизнь с бывшим мужем. Её воспоминания не были мучительными и надрывными. Она просеяла их через сито прожитой жизни, оставив лишь самые тёплые.

Её голос звучал тихо и обыденно, но в глазах блеснули слёзы.

– Люди часто долго вместе живут, терпят друг друга. Плох заборчик, но свой же. Такая жизнь бывает им в тягость, но не хочется менять установившийся уклад, – рассуждала Клементина. – Со временем они перестают радоваться малому и замечать собственные чудачества. Без любви жизнь двоих – семейный ошейник, – заключила Клементина. – А вообще, – она расхохоталась, – любовь как дым: сегодня есть, а завтра – мы не курим. Я люблю курить, а ты?

– Ма! – прочувствованно воскликнул Артём. – Ты у меня самая-самая...

– А то, – Лукьянова посмотрела на сына с нежностью и ещё раз потрепала его по волосам. – Я всегда пыталась быть благовоспитанной матерью для тебя, своего единственного чада. И, как видишь, ты вырос. Даже поругаться с тобой было в кайф, адреналин зашкаливал. Поэтому, когда меня спрашивали, как я воспитывала тебя, отвечала: никак. Я старела, ты взрослел. Родители не понимают: чтобы воспитать отпрысков, необходимо гектар огорода засеять пустырником, чтобы его хватило до конца наших дней.

Рассказ Клементины, её пронзительная искренность и чистота взволновали Артёма. Правда, мать не рассказала сыну, что проплакала всю ночь, когда ушёл муж, а утром позвонила Эльзе и будничным тоном, как бы невзначай, сообщила печальную новость:

– Андрей умер!

– Как умер? – Эльза от неожиданности уронила чайную ложку (они на работе как раз чаёвничали).

– Предатели в моей жизни не живут! – бескомпромиссно отрезала Клементина.

И это была не единственная такая «смерть» в жизни доктора Лукьяновой.

Не понимала она и странного слова «адаптироваться», на что ей неоднократно указывал начмед полка, потом дивизии. Клементина так и не научилась выстраивать отношения по службе, потому что считала: отношения возникают сами по себе, а не выстраиваются.

В первую афганскую командировку её наградные документы на орден Боевого Красного Знамени не отправили только из-за того, что она принципиально отказалась выдать медспирт для штабной попойки.

Через полтора года, во время её второй командировки в Афганистан, на операционном столе с осколочным ранением в голову оказался один из военных советников. После выздоровления боевой генерал узнал о «затерянных» наградных документах – справедливость восторжествовала: майор медицинской службы Лукьянова получила не только очередное воинское звание, но и заслуженную награду.

Клементина долго жила без собственного угла. Однажды её вызвал начальник по тылу и предложил «выгодный» обмен: её кандидатскую на двухкомнатную квартиру: «Вы ещё себе наваяете, а эту отдайте мне. С научным советом и ВАКом я договорюсь». В выражениях подполковник медицинской службы себя не стесняла. Квартиру она не получила. Из списков на ордер Лукьянова таинственным образом исчезла, несмотря на то что в очереди была пятой.

В Ленинакане, когда произошло страшное землетрясение, она спасла не один десяток жизней. Ночью на машине привезли из развалин частного дома четырнадцатилетнего бездыханного мальчика. Отец до больничного бокса нёс его на руках, словно величайшую святыню.

– Жена и две дочки погибли, – сказал он.

И седовласый, сгорбленный от горя мужчина встал перед женщиной в белом халате на колени, устремив на неё полный отчаяния и надежды взгляд:

– Женщина, спаси моего единственного мальчика!

Лукьянова вышла из операционной через пять с половиной часов бесконечно уставшей, но счастливой.

Отец мальчика оказался большим человеком в республике, со связями. Через четыре месяца Клементина у себя в Подмоскovie получила ключи от долгожданной двухкомнатной квартиры вне очереди.

Многие считали полковника медицинской службы Клементину Лукьянову чересчур сложной и принципиальной женщиной, но только не близкие.

После восьмидесятилетнего юбилея Клементина попросила сына выполнить её последнюю волю.

– Слушаю, ма, – с готовностью произнес Артём.

– Я бы очень хотела съездить в родные места, посидеть у могилы матери, помолиться в церкви, в которой меня тайно крестили. – Клементина вздохнула. – Одной страшно ехать, грешна я сильно, поэтому прошу, чтобы ты был рядом. И если что, там бы и похоронил, я тебе покажу место, где именно.

– О каких таких грехах говоришь? – Артём в недоумении уставился на мать.

Клементина из горячей турки налила себе чашку кофе. Сделала несколько глотков, удовольствие медленно растеклось по её морщинистому лицу. Она подняла взгляд на внимательно слушающего её сына. Неторопливо достала очередную сигарету и закурила. Артём обратил внимание, как глубоко прорезалась у матери суровая складка меж бровей.

– В могилу хотела забрать все скелеты, но они же всё равно выползут на поверхность. Не хочу, чтобы, когда уйду, моё имя упоминали всуе. Эльза права: в моём состоянии надо обязательно выговориться.

Клементина сделала глубокую затыжку и продолжила:

– То, о чём я сейчас тебе расскажу, – это не раскаяние.

Артём напрягся.

– Это констатация моей жизни, не более того, – Клементина потёрла руками переносицу.

– О чём ты?

– О боли, настоящей, которая, как соль, разъедает рану, – Клементина помолчала немного. – Мне было пять лет, когда в сорок шестом пришли за матерью. Она была обыкновенным фельдшером, но при родах у неё умерла жена председателя колхоза, и он обвинил в этом мою мать. Через четыре дня за ней приехали из города. Они смеялись над ней, говорили ей в лицо гадости – она молчала. Взяла давно приготовленный узел с вещами, потому что так забирали её мужа, и пошла в сени. Когда её выводили, с улицы вбежала я, кинулась к ней, обхватила, а она строго – вошедшей соседке: «Оксана, заberi свою дочь – мешает».

Клементина притихла, собираясь с силами.

– Больно, – продолжила она, – когда в спецдетдоме ты говоришь матери, которую выпустили после хрущёвской реабилитации, злые слова. Тебе уже шестнадцать, и ты вся пропитана страхом. И вот приходит морщинистая старуха и говорит: «Я твоя мама» – и обнимает, а руки шершавые, царапают. И ты понимаешь, что, если пойдёшь за этой незнакомой женщиной, тебя ничего хорошего не ждёт, а тебя как раз собирается удочерить бездетная воспитательница, которая может дать в разы больше, чем неблагонадёжная мать-зэчка, и ты, глядя ей в глаза, спокойно говоришь: «Я не ваша дочь» – а ночью рыдаешь в подушку.

Клементина оцепенело сидела как истукан: неподвижно, полностью уйдя в тот, свой мир, в который она никого не пускала. Ей хотелось очиститься от того, что угнетало душу, она чувствовала: время пришло – а там будь что будет. Хуже точно не будет, она была уверена. Это было не безразличие, скорее отрешённость. У каждого есть своя потайная «коробка храбрости». Её размеры и вместимость не имеют значения. Если человек себя преодолел однажды, то «коробка» будет наполняться уже без усилий. Главное – первый шаг...

Серые глаза Лукьяновой с годами поблёкли, но она в упор хмуро и насмешливо разглядывала потрясённое лицо сына. Артём бессильно поднял руки: мол, продолжай, я готов слушать дальше.

– Больно, когда однажды к тебе на приём, – Клементина говорила с хрипотцой, но уверенно, без дрожи в голосе, – к доктору Лукьяновой, твоя фамилия уже на слуху, приходит старуха, и ты в ней узнаёшь ту, от которой отказалась ради того, чтобы сидеть сейчас напротив неё в белом халате. И она тебя узнаёт. И наотрез отказывается от лечения, а ты понимаешь: в твоих силах её прооперировать и подарить ещё десяток лет жизни. Убеждаешь, падаешь на колени, а она гордо в ответ: «От тебя ничего не приму. Сколько Бог дал, столько и проживу» – и, уходя из кабинета, осеняет тебя крестным знамением, благословляя.

Бледное лицо Артёма с высокими скулами застыло, как посмертная гипсовая маска. Оно казалось безжизненным, что заставило Клементину насторожиться.

– Что?

– Ма, – простонал Артём, – я не могу это слушать.

– Не перебивай меня больше, – строго предупредила Лукьянова.

Сделала две судорожные затыжки. Ни один мускул не дрогнул на её морщинистом лице. Какое-то время оба сидели молча.

Но вот Клементина собрала с духом и заговорила снова:

– Всю жизнь ревновала тебя ко всем: к Марселю, друзьям, подругам, жене. Хотела, чтобы ты был только моим...

И заплакала. Не голосисто или надрывно, а тихо, почти неслышно, но её слезы, как раскалённое железо, проникали в душу и сердце Артёма.

– Давно ненавижу праздники, особенно эти – Новый год, Рождество... Вокруг такая суеда, а я одинока, мне некуда торопиться, меня никто не ждёт, я одна, – последние слова были криком отчаяния.

Они сидели и молчали, и каждый думал о своём, и это молчание становилось невыносимым. Артём подошёл к окну. Открыл форточку и медленно вдохнул сырой воздух. Огромный тополь простёр к мокрому небу свои руки. Огромная полная луна блёклым глазом безучастно взидала на Артёма. Он закрыл форточку, подошёл к матери, взял её холодные руки, поднёс к губам и поцеловал.

– Ма, прошлое – это хаос, который мешает жить в настоящем и мечтать о будущем.

– Что же делать?!

– Я своё прошлое спрятал в несгораемый сейф и потерял к нему ключи.

Клементина нежно погладила сына по голове.

– Артём, – в её голосе звучала нежность. – В хаосе трудно жить, почти невозможно, но, что удивительно, все живут...

– Ты необыкновенная женщина, ма! – тихо и прочувствованно произнёс сын.

Клементина растерянно засмеялась. Непомерная тяжесть свалилась с души, во всём её облике теперь чувствовались облегчение и покой.

– Ты так действительно считаешь? – Клементина с благодарностью посмотрела на сына.

– Да! – с напором подтвердил Артём. – Сегодня однозначно понял: жизнь – сплошной, непрекращающийся подвиг.

Лукьянова не сразу ответила, но ей по душе пришлось умозаключение сына.

– Так это единственное, что можно назвать подвигом!

Артём улыбнулся:

– Если за твоей спиной стоит ма, считай, вся армия стоит за тобой!

Клементина с нежностью прижала к себе взрослого сына:

– Сколько раз настраивалась на этот разговор, да всё не знала, с чего начать. Жизнь непредсказуемая. – И Лукьянова, жестикулируя, объяснила, насколько странная штука жизнь, невольно вызвав улыбку у Артёма.

– Как же, мама, я тебя люблю!

– У тебя на работе неприятности?

– Терпимо, – сдержанно ответил Артём.

Материнское сердце не обманешь.

– Если чувствуешь себя на работе не комильфо – это дырявая лодка, и её надобно без сожаления покидать, пока не затонул вместе с ней, – доводы доктора Лукьяновой, как всегда, были аргументированными. Не согласиться было невозможно.

– Это как быть старой девой: замуж поздно, умереть рано, стою у ресторана, – резюмировала с сарказмом Клементина.

– Ну да, – Артём улыбнулся. – В принца не верю, но к топоту копыт ещё прислушиваюсь.

– Однако!.. – удивлению Клементины не было предела. – У тебя появилось чувство юмора – хороший знак свободного человека.

– Мама, ты у меня как Ленин: ум, честь и совесть.

Клементина обожала праздновать личные юбилеи.

На восьмидесятилетие решила заткать пир на весь мир: «глобальная» посиделка для своих, проверенных жизнью и временем. Смертоносная опухоль на снимках томографии не давала никаких шансов.

На шестьдесят пять лет всей шумной компанией поздравляли с девяностопятилетием любимого соседа по даче – дядю Сашу, как нежно и по-домашнему звала старичка Клементина, пережившего всех – любимую жену, двоих детей, заботливого внука. Осталась молодая правнучка, окончившая университет с дипломом психолога, удачно выскочившая замуж и уехавшая с возлюбленным в Штаты.

На семьдесят отмечали всем миром четвёртый брак Эльзы. Подруга себе не изменяла – каждые десять лет новый муж и обязательно пусть хотя бы на пяток лет, но младше.

В семьдесят пять радостно праздновали награждение орденом «За заслуги перед Отечеством» писателя Андрея Орлова, близкого друга Клементины. Фортуна их свела в пятидесятилетнем возрасте, решив посмотреть, что из этой гремучей смеси – доктора и писателя – может получиться. Судьба их не торопила, она знала: убежать от неё ещё никому не удавалось. Они прошли все стадии богатого внутреннего развития их отношений: они зашкаливали так, что захватывало дух, мир вокруг них качался и куда-то плыл. Любовник, муж – это такое явление: сегодня есть, а завтра может и не быть, и на конечном выдохе они обоюдно решили остаться близкими друзьями. Как потом Клементина философски и с абсолютным спокойствием сообщила Эльзе причину разрыва: «Он пошёл искать новую молодость – я не держала».

Любовь приходит и уходит, а дружба – навсегда. Под другие знамёна они уже не хотели переходить. Клементина была первой, кто читал каждое новое творение Орлова. Он посвятил ей «Неистовую Клемму», скандальный роман, ставшим бестселлером, украшенный несколькими литературными премиями, переведённый на четырнадцать языков. В прошлом году Андрей загребел в больницу, и Лукьянова провела ювелирную операцию по удалению опухоли, продлив писателю жизнь ещё на несколько лет. В благодарность он подарил ей последнюю книгу, подписав: «Та, кто сногшибательно и незабываемо выносит мозг и его же спасает, оставаясь на всю жизнь верным Другом, потому что умеет дружить».

Клементина улыбнулась.

– Ты чего, ма?

– Помнишь, ты когда-то меня спросил: когда я поняла, что подошла старость?

– Помню! – Артём кивнул головой.

– Ты же знаешь, что два из трёх моих окон выходят на голубятню. Василий, мой рыжий друг, много сил потратил, прыгая по подоконникам и пытаясь поймать этих бестий. Куча цветков на подоконнике пали смертью храбрых из-за него. Сейчас ему девятнадцать лет. По кошачьим меркам он долгожитель. И вот, сопя и кряхтя, он уже с трудом забрасывает свою тушу на подоконник и, опустив голову, смиренно наблюдает за друзьями-врагами. На его примере я поняла, что такое старость.

– И как?

– Жить можно: главное – найти себе занятие.

– И ты увлеклась танцами.

– Да!

На юбилей собрались ближайшие: Марго с Герочкой, Валерия Павловна – учитель математики, ну и как же без Эльзы!

Всех удивил простенький букет одуванчиков в маленькой хрустальной вазе посреди роскошно накрытого стола.

– Какие изнеженные создания! – невольно обратила внимание на цветы Эльза. – Смотрятся они здесь как-то непрезентабельно, – добавила она.

– Это любимые цветы моего детства, – объяснила собравшимся Клементина. – Я их собираю, потом как дуну – они разлетаются в разные стороны, а мне так весело! Я, счастливая, бегаю за их парашютами.

Гости за столом кинулись в воспоминания, кто какие цветы любил и любит.

– Знаете, девочки, – перебила всех хозяйка стола. – Лет двадцать назад была я с какой-то медицинской делегацией в Оружейной палате. Не один раз там была – и как пропустила такое чудо, сама не пойму. Даже запомнила витрину: номер двадцать, а за ней красота невиданная – одуванчик Карла Фаберже. Цветочек будто сорвали только что и бережно поставили в вазочку с водой. Стебелёк из золота, листья из зелёного нефрита, но самое поразительное, – глаза Клементины выражали восторг, – на концах серебряных тычинок натуральный одуванчиковый пух. Гид это несколько раз подчёркивал. Такая лёгкость и невесомость в этом чуде была, что хотелось подойти, дунуть, чтобы парашютики разлетелись в разные стороны. Одуванчики – это же символ бренности бытия, улетающие от простого дыхания ветерка...

Клементина вздохнула:

– Я потом не один раз приходила в Оружейку лишь для того, чтобы лишний раз полюбоваться этой прелестью.

– Видите, девочки, какая у юбилярши романтическая душа, а с виду не скажешь. Глянешь на погоны и не подумаешь...

– Вы ещё не слышали её командирского голоса, – Эльза усмехнулась. – Как гаркнет на всё отделение, мужики по кабинетам прячутся.

В комнату зашла внучка Клементины – маленькая Ксения.

– Бабушка, какие седые цветочки! – с удивлением произнесла она.

– Седые, – Клементину тронуло рассуждение внучки.

– Да, – Ксения посмотрела на всех собравшихся за столом. – Как все вы здесь: седые и старенькие.

Гости дружно засмеялись.

– Девочки, мы с вами одуванчики, – весело произнесла Клементина. – Устами младенца глаголет истина.

– Слава Богу, не божьи одуванчики, – с грустью заметила Эльза.

Сидящие за столом закивали в знак согласия.

Неожиданно поднялась Аннета с полной стопкой «негрустинки».

– Одуванчики Карла Фаберже, – начала она, привлекая к себе всеобщее внимание, – признаны всемирным эталоном ювелирного искусства. Вся моя жизнь – это жизнь с вами. Всех нас незримо объединяла Эльза. Она стала единицей измерения человеческой порядочности.

– Знаешь, как её вычислить? – спросила Эльза, растроганная сравнением дочери.

– Мама, к сожалению, я не математик.

– Зато я математик, – вмешалась в разговор разгорячённая напитками Валерия Павловна. – 1 ГРОМ – это совокупность дискриминанта квадратного четырёхчлена, определяемого путём принятия фиксированного значения четырёх частиц, где Г соответствует атомному излучению чувства долга, умноженного на силу горения жить, Р – мощность истинной интеллигентности в степени праведности, О – выражение заряженной частицы характера в энергии человеческого преодоления и М – естественная фундаментальная величина мастерства, профессионализма, преданности.

– Павловна, – восторженно зааплодировала Эльза. – Ты превзошла саму себя. Я всегда тебе говорила, что наука многое потеряла оттого, что ты к ней не пришла.

– Возможно, – согласилась бывшая учительница и грустно съязвила: – Но сколько приобрела школа!

Марго обняла Павловну, готовую расплакаться.

– Мы особенные, – согласилась со всеми юбилярша. – Каждая из нас неповторимый одуванчик Карла Фаберже. За это и выпьем, – предложила Клементина.

Хорошо посидели, все остались довольными.

– Ма, – уже ночью, когда все гости разошлись, спросил за чашкой ночного кофе Артём, – рано или поздно мы окажемся перед Богом, что ты Ему скажешь?

Клементина задумалась, но ненадолго:

– Всего пять слов: помогала, выручала, хоронила, делилась и любила!

– Думаю, Ему особенно должно понравиться последнее слово!

P. S.

Артём обожал приезжать на дачу, особенно когда в пятницу ближе к вечеру съезжались родня, знакомые.

Клементина на правах хозяйки выставляла на террасу большой серебристый самовар, подаренный ей за многолетний труд командиром части. Самовар переехал на дачу и радовал гостей своим гостеприимством.

Рассаживались на веранде за столом по ранжиру. Близкие кучковались на первых местах возле Клементины: Эльза по правую руку, а когда приезжали аристократки из Питера – по левую.

Когда собирались вместе три грации, Клементина любила съязвить:

– Змей Горыныч в сборе!

– Он же злой, – бросался Артём на защиту граций, как на амбразуру.

Клементина улыбалась:

– Он добрый, если ему не наступить на хвост. Пыхнёт так, что всё вокруг будет гореть.

Застолье длилось до утренней зари: пили, ели, но главное – это разговоры, воспоминания, обсуждение политической ситуации. Потом с первыми петухами все уходили на покой: кто оставался на веранде, раскинувшись на двух диванах, кто в бане, кто на чердаке.

Вроде и дачка у Клементины небольшая, но она, как рукавичка из детской сказки, вмещала всех.

А ещё были песни – русские, украинские, белорусские... Душевные, надрывные народные песни, после которых слезились глаза и хотелось всех обнимать и целовать – такое единство духа парило на веранде за большим деревянным столом.

Прошло время.

Небольшой деревянный дом, кишевший гостями, близкими людьми, познавший радости, потому что отмечали дни рождения, свадьбы, какие-то другие знаковые события, дом, познавший горести, когда сидели и поминали ушедших добрым словом, – этот Дом тихо угасал и окончательно умер с последним её представителем – Клементиной.

Она словно чувствовала, что Дому будет плохо без неё, без её шумной компании, и попросила сына:

– Продай его.

– Ни за что, – решительно ответил Артём.

– Тогда наполни его жизнью и смыслом.

Артём не продал дачу, не отдал в чужие, незнакомые руки, и Дом отблагодарил его за это.

Дом услышал радостный плач его первой правнучки – Клементины. Дом оживал.

И как прежде, в пятницу ближе к вечеру Артём выносил начищенный до блеска большой серебристый самовар на веранду и водружал его на тот самый большой деревянный стол.

– Мы кого-то ждём? – интересовалась вторая жена.

– Да, – отвечал Артём. – Мы всегда кого-то будем ждать...

Елена
ИГНАТОВА

Елена Александровна

Игнатова чужис 1965
вося тѡвшѡр 8 лунѡ
Кулѡмдін районса
Скѡрѡдум грездын.
1987 воѡ помаліс
Сыктивкарса канму
университетлыс
филология факультет.
Сэксянь уджалѡ ас район-
са Пожѡг шѡр школаын
коми кыв да литература
велѡдысьѡн.
Гижны заводитѡма
школаын велѡдчигѡн на.
Йѡзѡдчывлѡма респуб-
ликаса газет-журналын.
Олѡ Кулѡмдін районса
Пожѡг сиктын.

Муѡдз копырѡн

Пѡла-пѡлаяс

Кирикари,
Дзимилюк,
Пара вѡла
Вѡчис трюк.
Ѧти вѡлыс ѡтарѡ,
Мѡдар вѡлыс мѡдарѡ.
Кытчѡ пѡ и мунѡны,
Некодлыс эз юавны,
Некодлы эз висътавы.
Кирилюки кирияс,
Дзимилюки дзимияс,
Пач пѡдан гозъя:
Ѧтиыс сямтѡм,

Мѡдыс мѡмѡт.
Кыкнанныс не квали.
Рака локтіс-сераліс,
Пон воліс да эраліс,
Серам вылѡ лѡптисны.
Йѡйѡн шуисны,
Додьсѡ сэсся
Разисны да нуисны.
Мед пѡ тракъясны
Нинѡм абусѡ.
Пѡла-пѡлаяс,
Додьтѡм вѡлаяс.

Ойя да ойя!

Ойя да ойя,
Сьѡд пемыд войѡ
Гусялісны.
Паськыд мешѡк восьтісны,
Нырагез босьтісны,
Крукалісны-дзимлялісны.
Мышку сайѡ шыбитісны,
Муті кыссьѡны
По-пластунски.
Ружтѡны-пошкѡны,
Дзебны нуѡны
Гуѡмторсѡ.
Пельныс сотчѡ,
Киыс зѡлитѡ,
Мышкас суйѡ.
Нинѡм оз сувтѡд.
Делѡ вѡчѡны.
Мешѡк добра гуѡны.
Молодечьяс.
Ѧтиыс сямтѡм,
Мѡдыс каличтѡм.
Кыскѡны, ружтѡны,

Зыньгѡны, матькѡны,
Киыс оз лѡдзны.
Нуисны-нуисны,
Мешѡкын шаргѡ,
Мешѡкын трачкѡ.
Ловъя ловтѡ
Он сайѡд.
Пуктісны шырѡс,
Да, дерт, йирас.
Сукартѡ радейтѡ.
Мешѡк рузяліс,
Гусятѡрйыс тюргис,
Шыр чеччыштіс
Да кокбѡрля мыччывліс.
Пасибѡ пѡ гортѡ вайѡмысь.
Сьѡм ог мынты.
Кинид тай кузь – судзѡдѡй.
Гусь вѡра ловъяс.
Кырымпасала.
Важ моз ловъя
Шыр.

Шўриа да водзўса

Кодзулў, кодзулў,
Эн жў пўр дзодзулў,
Бўжнад эн легнит,
А то орў,
Шўри нетшыштчас,
Изйў пўрў.
Сэсся вўрў утыштас.
Изъяс увтў, нюръяс вомўн
Пышъяс-тывўдас.
Бўжыд усьўма,
Кўсийн гусьўн-а,
Оз на тай артмы,
Кыдзи кўсийн.
Бўжыд явитўс.
Ме пў танў,
Ори шўри.
Дзодзув позйўй
Менам разалў,
Резьдўс-косясис,
Вальдўс-киссис.
Кыдз нў тадзи?
Ачыд аддзин,

Ачыд воштўн,
Ачыд повзьўдўн,
Ачыд пышйин,
Ачыд суўдўн,
Ачыд бергўдўн
Восвояси.
Дзодзув пўрўда,
Ставсў пўрўдўн,
Шудсў кисьтўн.
Вайин висьўм,
Вўр моз гусьўн.
Мед пў сгинитў
Тэнад пиыд
Менам пыдди.
Виин-мучитўн
Ньўти мыжтўмсў.
Енмыс аддзў,
Енмыс кылў.
Олўм бергўдўс
Тэнў чужўмўн
Мир йўз водзў,
Медым водзў на

Олўм мунў,
Лёкыс вунў.
Кодў вўчў
Сылы кос сўчўн.
Ачыс кў мыжа,
Ачыс и йирас,
Нюлас ранасў.
Йўзлысь пыдди
Кодўс пурис,
Кодўс чергўдўс
Чорыд сўлўмнас.
Сир пинь горшас.
Ёсь пурт сўлўмас.
Век не лоны
Тайў лёкыслы.
Томана-ключа
Ќнў ѓдзўсыс.
Мед нў гольўдчў.
Энў восьтў,
Злыдни мешўкнас
Мед и ветлас.
Аслас ѓд.

Сизим сизима...

Сизим сизима кага видзсылўн пў кагаыс идўртўм, идўртўм Сидўр кодў. Лабич увтў войлў, быдлаў делў. Быдтор видлас, вомас сўйлас, пўимтў кыскалас, джодж пасьта мавтас. Ачыс полюк кодў. Видзысь воас – казялас, мыськас-пинялас, лабич дорў пуктас-дзимлялас. Вот пў тайў и пўтка! Кодкў пў тэысь коркў быдмывлас, няйт польўпиысь!

Кагалы тайў и колў. Чайтў, ыджыд чой-вокыс ошкисны, шаньўн шуисны. Воча шешъялў, куим пиня вомнас гудўкалў, дульўн резсьў-пўлясьў. Слўйманыс уджалў. Лабич увсьыд бустў пидзўсас кўклялас, пызан помысь кольўм няньтор няклялас, сюр нёнь помысь йўвтор чурскас-нёнялас, гўбўч дортў сёысь усьны вевъялас. Плеш шўрас сюра, каньпикўд дурас. Семдытўдз сералас, Лыско пон моз жў эралас ѓшинь пыр воча. Залавкаысь пызтў кисьтас, ачыс сэтчў видзўдтўгид пысьтлас.

Сё будьтўна кага! Бара сэсся видзсысьыд садьтўгыс кыськў усьў. Вунлўма кага видзўмыд, аслас на неважўн кага чиныс усьўма да. Вўлысьт на дас арўсалўн вежўрыд гулюлы кокыштмўн сўмын.

Шензяс да пинялас, мыськас да дзимлялас, водз чуньўн грўзитас, оз ёна вўзитчы.

Кагаўс рузумў гартыштас. Зыбкаў брут пуктас. Сюр нёнь вомас сўяс. Зыбка вон тракнитас, узь пў, шудтўмлы шуд вайысь, ладинеч пи. Ќти сьылан и ливкнитас. Унджыксў оз жў торъя тўд да. Кага суркнитчас. Лунтыр уджалўс да, дерт.

Узь, дитя, шойччы. Мича вўтъяскўд киась-здоровайтчы.

Тэ на мёдысь медбур мортнас лоан. Тэысь на повтём воиныс быдмас. Нинёмö йөрмытöмыс.

Энö увгöй. Цыссс!

Ачыд кө татшöм вöлін, кок чунь йылад ветлы. Ладинечсö эн весьöпöрт.

Кöвдум

Кöлöбö, кöлöбö, пукта тэнö джуджыд кöрöбö да котöрта-тöвзя гöститöдны прамöй войтырсö, бур да тёлка, вежавидзись, асьсö йöз ради пелялысь, öдйö быдторйö велалысь, сяммысь да спровора, Адам да Евасянь на рöдвужпом, рöдня дука, сюсь киа-кока, кöма кöть тшайпода, гатша кöть кымыня оласнога, наперво тай ой-ой муса да ас. Сьöлöмас Енмöс моз видзö да пöлялö ас, коми серъяса рöдвуж пас. Аминь чöскыд кöвдум пöжалі-мачалі да, кöрöбас кöдзалас. Локтöй сюся да чöсмасьöй, шань войтыр-котырöй менам. Приятнö аппетит! Чöскыда сёйны да öтувъя овны!

Радейта тiянöс!

Важ виль йылысь ёрта сёрни

– Тэ кылан важыслысь кок шысö?

– Ме сэтысь, гашкö, прöста эм. Кыдз шуис Енмыс, лоны тайö здукас мен.

– Мыйла, сідзкö, олан тані, миян кадö? Сэн кө тэнад вуж?

– Сэк сувтас кадыс, он кө сэтысь вудж. Сэн менам вужйöй, та йылысь ме вунöдны ог куж.

– Тэ накöд сёрнитан?

– Ме найöс кыла. Ог сёрниöн, а кызкö ловру пыр. Дзик аслам нога кыла, кызди кужа. Ме пытшкö важыс сöдзöдчöмөн воö. Ме сэки бөрда нимкодъла, ог тöд, мый кылö сьöлöм пытшкас тайö здуко мöд. Ме абу тöдысь-кужысь, тöда, но, вермас лоны, кодкö вöлі рöдын, да öні висьтасьö. Ог тöд, мый тöднысö оз туй. Ме сöмын тöда öтитор – и менам тані олöмас эм аслам, сöмын аслам утка туй. Ме сійöс талаяла, ог йöз олöмö нырöс некор суй. Эм, мый оз позь, а гашкö, оз ков тöдны. Мем öні водзлань колö мöдны.

– И кутшöм сэки овлö сьöлöм вылад?

– Ме мортөн сэки ачымöс дзик кыла. Мен шоныд, быттö ломтлам ыджыд пач. Сэн биыс ыргö важ моз. Сöмын надз.

– Тэ эскан, кодкö гөгөрвоас тэнö?

– Ме гижа комиöн. Кыдз кужа, кыла, аддза, нуа аскöд. Сьöлöмын. И та йылысь ог мөвпав некор здук. Ме пасъяла да пуö лöсас коля. Друг кодлы ковмас кө, оз вош. А оз кө, тöдöмлунлы быдмас еджыд нитшка тош.

– Тэд тайö колö? Ёна колö öмöй?

– Ковтöмыд сьöлöмтö оз шонты. А вöчöмторйыд лэптö мортлысь донтö. Ме важсö пук-та пыдди да велöдча на думысь кывны збыль олöм көрсö. Мед коми вирыд вöлі пытшкад ворсö, мед оз чувас.

– А друг кө кусö?

– Тэ полан. Понысö оз ков. Тэ пытшкын олö сідзжö коми лов. Он прöста юась. Воас сійö кадыс, кор бара пуксяс олöм тöлкөн-ладөн. Сэн коми мирыс эм. Ме коркö важөн лыдди.

– Кыдзи?

– Ме лыдди сьöлöмөн да лолөн. И менам гижöдъясöй тшöтш жö колö. А кодлы колö, ог на тöд. Но гиж локтанасö бара. Öд кодкö висьталö да корö, мед важыс сёрнитас да олас.

– И коркё важ кодъ коми олём бара лоас?
– Оз важыс ло, а лоас выль. Важ подула. Ќд пуыд вужъястёгыд нинём. Косьмё, сисьмё, кулё. А коми олёмыс оз бусмы ни оз чусмы. Ќд сылён ЮГЫД эм.
– Дзик выльысь чужас?
– Тадз мирас мунё. Кытшён ветлё. Ме чайта, кужас корсьны петан туй да ловзяс-ломзяс. Но выляс мунан туйён.
– А ме? Кён сэки лоа ме?
– Вай юртё малышта. Тэ шань. Абу нин ыкша-бакша ва кукань. Тэ пытшкын коми мортыс олё. А тайё ёні ёна колё. Зэв ёна колё. Мед пестысяс бёр чужан кыв. А сійё вына, Пера сямa вына, и аслас визулёд бёр на сынас.
– Мед эска, кёсьян?
– Тайё тэнад делё. А менам шуанасё шуёма, локтанасё кыйёма, сямёд дозийё лёдёма. Кумё пуктёма. Игана и томана. Аслам ладён дзимлялі-гаровті. Дорожита думысь, пёляла. Дзик сылы пыдди, коді коркё чужё да новлёдлё на сёнамс коми вир.
– А кор? Он сёрмы висьтасьнытё сылы?
– Ме чайта, мыйтакё, но кужа. Ќд бара чужи. Виль коми мортыс. Тайё здукас... Кылан бёрдёмсё?!
Шань.
Тёдан, дерт эськё сідз, но меным дзик некор. Ќні точнё. Видзёдлан прёста кётъ.

Кывйыд лытём, да вына

Кывйыд пё лытём, завидьыд пиньтём да водзё мунтём. Шыгёра. Гринки-гранкиён бёр воё. Аслыс шуысьлы. Мед нюлё ассьыс ранасё кузь кывнас. АСЛАСЫС АСЛЫС ЛОЁ.

Мед шуасны, коді шуё. Килаыс пё бырёма, коньёрлён, олан руыс кусёма, эскёмыс ичёт кёшё усьёма. Мед чайтасны, кодлён пинь яйыс гилялё усьёмасё вёйпны да омёлътны. Кывйыс вомас кольё, бордтёмыс. Аслыс вылё пай.

Сёмын водзёсыд векеыс водзёса вёлёма.

Мый мыччан ки пыдёс вылад, сійё и аслыд. Шоныд питшёгад.

Енмыс тёдё, кодёс пидзёсвив копырсянь мортёдз воёдны. Кодёс кидёдыс босьтёмён Эскёмёдз вайёдны, енэжвив кодзувсё водзёвыв индыны, быгавлём лов пытшсё сиськавны-сёстёмтны.

Коді усьёмасё лэптё, сійё на мортыс. Аслас шоныдён юксьысь-дэбёдысьыс. Шань лов шыа да сибыд сёлёмаыс.

А омёлътысьлы паньыс дасьтёма жё ыджыд кёш ыджда. Быдён аслыс мында паньыш-тас. Некод пайтём Макарён оз коль.

Эн сетчы. Пидзёсвив кё олёмыд пуктіс. Тайё тэнад кок йыв сувтём водзын копырыд вёлёма.

Мед Ентё пытшкёссьыд эн вушты. Мед ыджыд Эскёмыд эз быгав-тёрмы. ТЭНЫД ИНДЁМАЫС ТЭНАД ЛОЁ.

Сувт да воськовт. Тэ верман. Ќшинёдыд шонді югёрсё кый да питшёгад шонтышт. Сэсся борд йыв лэдз. Мед лэбас бела птицаён. Тэнад ловсянь да Ен пельёдз.

* * *

Ау, ау! Вошöмьд кө-а. Горзан. Косявлан асгöгöрсä мирсö торпыригъяс вылö, а сэсся йитлан-вотлан, вукъян-вуран. Сöмын и кылö джиж да джаж. Кöсъян дзоньтавны бöр сийöс, мый кисътін-резьöдін? Но, видлы нö, сямьд кө тырмас. Сöмын сювйыд вöсни. Поделом выше-пашлы. Эрыштлы. Лöньöдышт ыкша шеньöбтöм ловтö. Эн чепсась. Пöра воас. А öнi водз на тривкйысьнысö. Эк тэ, ыкша бакша. Кваст мешöк. Мешöк тырыд розь, немтор пуктыны оз позь. А сэтчö жö. Чеччалан-баквалитчан – ме да ме. Меыс картаын баксö да месö оз горзы.

Кулак ыджда дöмас кө сöмын пуктыны да нимкыв вурыштны, пуктыны-дзебны кывъясян-судзласян мода шöрад тэныд. Видзöдан да, и морт на петас-пычöктас зыбуча нюрсьыд. Енма-муа костад тай мый сöмын оз овлы да. Ставыс на ладитчывлö. Но, наперво, видлы-а. Сэсся вылас серыс лоö. Сералы сера, сюралы сюра, юралы юра, тэныд сэсся бура овны дай. Маитчытöг. Аминь.

Ним йылысь

Быдöн дорö шыöдчöй нимön.

Пöрысь тöдысь пукаліс да шензис. Кисö кыккирудз пуктöма, синсö лазгöдыштöма да öти чутö видзöдö. Быттö кино мунö еджыд шпалера стенас. Снимайтліс кө быттö кодкö сэтшöмсö. Дерт, эз. Кысь нö сы джуджда тöдöмлуныс том олысьяслы. А сийö вот лыддис, быттö важ көрт коркаа, вижöдöм листа небöг листалис синнас. Олöм олöм пö да ыджыд олöм. Паськыд морöса да вольнöй тураса. Тöвзян-нöбалан пö да, суöдтöм. Эськö тэрма-сям, да ордйöдтöм. Олöмлөн ставыс арталöма-мурталöма, джаджйö тэчöма да меститöма. Тшöтш и тэнад нимыд рöштштайтöма-дзимлялöма. Мамön-батьön шуöма, Ен нимön вичко шöрын крепитöма. Сийö нимön и шыöдчы, сийö ним дорö и турыштчы. Нимтöг эн шыась. Нимад выныд тэнад дзебсьöма. Нимад чесьтыд-славаыд. Нимад олöмыд гартыштчö. Тöбйö табйысьö. А нимтöг кө шуöны, нимтö вуштöны-киритöны. Тэысь нинöм сэнi. Сэнi мукöд югдöны. Мед югдöны. А тэ сöмын ним вылад шыась. Сэнi тэ. Сэнi тэнад лолыд ветлö, олöмыд пуö, мичлуныд воссьö. Нимтöм мортыд некод. Нимтöм мортыд нинöм. Вот и ставыс. Менам висьталöма юалöмтö. Сэсся вылас серыс лоö. Кодлөн нимыс тыдовтчас.

Муöдз копырөн. Ыджыд эскöмön

Енмöй, Вынаöй. Мыйла эськö бырлö морт пытшкысь ыджыд Эскöмыс? Енмöй, ыджыдöй, отсав миянлы бурсö олöмсьыс гöгöрвоны. Енмöй, Помтöмöй, ёна корам, медем ладмас нин мирнöй олöмыс. Усыпаньвыв пуксяс, ладитчас.

Енмöй, Ыджыдöй, кысь нö эськö лёкыс кыпöдчöма миян весьтö да том йöзсö лёкыс шырö да нырö, мырддьö найöс рöдысь-вужйысь? Тшöктö вуджны налы доя зыбуч нюр пырыс да помтöм ыджыд дой пырыс?

Енмöй, отсав тайöс гöгöрвоны, лышкыд съөлöмаön лоны. Ми öд тшöтш жö мыйöнкö вермам отсыштны. Сöмын отсышт, Енмöй, тайöс гöгöрвоны... Отсышт...

Инды... Прöстит...

Виль пуксьысь луныслы паныд пидзöсыв... Копыра юрөн...

Отсав аслыным асьнымöс тшöтш дорйыны да видзны. Рöднымöс-вужнымöс, коми мулысь пияннымöс, чужан му дорйысь-видзыйсянымöс. Öтувъя кытшön да молитваön.

Прöстит, Енмöй, прöстит ставсьыс. Мылышты, Мезöсöй... Господи, помилуй.

Гёре-гёре-гёревань

Гёре-гёре-гёревань. Кытысь пö и воöма? Кытысь пö и локтöма да ыджыд караба пыжөн? Караб тырыс молодец да. Уна еджыд паськöма. Мунöмаöсь вечностьö да мян слобода вöсна. Уна еджыд паськöма да мян бур олöм ради. Гортлань нырөн кывтöны да гортö быдлы окота. Гортас шорөн визувтö да мамъясныслөн синваыс. Быттö енэж шөрöдз да качлö ыджыд гыясыс. Шыблалö да ватлалö да карабыслөн мачтаыс. Дыр-ö ещё ваяласны ыджыд караб тыръяснас? Дыр-ö ещё мачасясны шанъяснас да буръяснас?

Караб по мору плывёт да, волнами играется. Караб страшнöй вестями да кор нин бара помасьлас. Быд гезйислөн пом овлö да, помыс, кöнкö, воас же.

Аминь да Аллилуйя жö нин эськö да. Абу тай мян кийн воропыс. Абу тай мян сайын сöмын олöмыс. Енмöй дай Спасительöй. Енмöй да и Великöйöй. Енмöй да и Богородица-мамöй. Видз дай бережит braveй воинъясöс. Мед лючки да бурөн гортö бергöдчасны да мирнöй олöмö.

Гортланьыс туйсö и-й инды поле браннöй вылын усьöмаяслы. Туйсö югöд дай восьты гортланьыс.

Ой да...

Ой да, ой да да. Олöм-вылöмьид тай, майбыр, зэв на лада вöлöма. Лада вöлöма да, абу порота чуша. Абу порота чуша да, отворяйте ворота. Пырöй, гöсьтьяс, гöститöй да бурсö сий-славитöй. Бур йöзсö чукöстöй да некодöс эн öтдортöй. Ставныс найö колöны да, бурнога мед олöны. Коро-коровод да, сьылö-йöктö коровод. Лебедь по небу плывёт да, лебедь белакрылая. Лебедь белакрылая да, лебедь чистакровная. Пару себе выбирай да, свадьбу пö и собирай. Свадьбу пö и собирай да, пару себе выбирай.

Ок, сирота-сирота да, одна на селе жила. Одна на селе жила да, никому не нужная. Никому не нужная да, одинокая была. Одинокая была да, чассе себе выбрала. Чассе себе выбрала да, часьлив олöм виччысис. Часьлив олöм, бур олöм да, колö ёна эскыны. Колö бурас эскыны да, ставыс сэки бур лоö.

Короводом плясала да, короводом плясала.

Сэсса очень устала да. Пöжалуй и добрöй день. Сё пöрадок, дитяяс. Сё пöрадок, дитяяс да. Ставыс бур да шогмана да, ставыс бур да, сё путём. Энö сэсса маитчöй да нинöмысь эн каитчöй. Олöй-вылöй-красуйтчöй да вöльнöй съветөн любуйтчöй. Олны öтчид сетöма да, некод мöдысьсö-й оз сет. Öти олöм позади да, красöванньö сё майбыр.

Ачид кö он красуйтчы, некод оз и красуйтöд. Ачид кö шогö усян да, некод тэныд не по-мош. Кульчунь корсян ю бокась, а вöлöма кö, зептад нин. Эсса чассе выбирай да менö ёна споминай. Кыдъя рочөн сказала да. Ачым и не поняла.

Сё пöрадки, порсь Матрен.

Р. S. Висьталöмсö ли мöвпалöмсö кодлыськö бара на гижи. Кодлөн мый, бара на ог тöд. Кыдзи век. Воас кад, да воссяс, гашкö, гусятöйыс. Ен кö сетас.

Но сьолöм вылын шоналис. И тайö бур.

Сигудöк си орöма

Сигудöк сиыс орöма. Енмыс пö ас дорас корöма ворсысьсö-мастерсö. Зарни чунь по-ма, ен ськöд, мыла-гора, спровора тöдысь-сьылысьсö. Йöзлысь дойсö-радлунсö ас пырыс нуысьсö.

Йӱзӱс тай шог на босьтӱма. Коді пӱ сӱсся ӱні выльсӱ и важсӱ ӱтувтас да ӱти мича да пыді вытя сьыланӱ лемалас-пуктас? Код пӱ сӱсся вӱр-пулысь шувгӱмсӱ, рас-ӱльысь увгӱмсӱ мян сьӱлӱм пыр сӱдзӱдас-сысьялас, быбейка* чышъян пыр ырситны келӱдлас чизыр шамыра вӱрса ӱляс? Коді сӱсся ӱні малыштас юрӱдыд тӱнь-тоня балалайка шынас, мед став тужа-нужатӱ ылӱдас? Коді вӱв сиа ворсанторнас да кругӱ-йӱктанӱ другысь кыпӱдас да бергӱдлас? Быттӱ юрыд кольмывлӱ шудылдла. Код нӱ мӱвпыштны кужас, быттӱ пӱ тайӱ вӱснӱыдик сиас олӱм сиыс водӱма? Зӱлыд струнаас куим куимаӱн красуйтӱ.

Эк да, ставыс тай вунны кутӱма коми мортыдлӱн. Быттӱ вежӱрас эжӱр чепӱсйӱ. Доймӱ сьӱлӱм вужйыс бӱрдысь струналӱн. Зӱлалӱма ормӱныс да тайкӱ и шлачкыяс. Медкӱ буре да киподӱн тӱчӱма струментсӱ мастерыс. Медкӱ шонтӱма-балитӱма-мичӱдӱма-краситӱма думсьыс. Краскаыд киссяс. Кадыд котӱртас. Коми олӱмыд вушъяс-саялас да джуджыд ытшкытӱм турунӱ да сюртӱм вылӱ. Мый пӱ и баитны да шлачкыны кывнад быд нинӱм абусӱ висьталігмоз? Оз ӱд енӱжсянӱ киссьы коми олӱмыд, а вужсянӱ чепӱстӱ тувсов эжа моз. Вежа-вежӱн да чӱскыд кӱра турунӱн. ӱтава ытшкигмоз тай ытшкӱны тӱнӱ, сьылан гора да мича сера сарапана аньӱй, зарни аньӱй. Пӱрчӱмыд тай, дитяӱй, ассыд юркытштӱ да бӱрдан-оллялан. Сьӱлӱм дой шӱрад тай солалӱмӱн солалӱма. ӱнтӱ да ӱнтӱ ӱнасьыс-ӱна да пыді кӱрыштӱ. Киад тай кутан выль чужӱм ладинечтӱ да бабитан, малалан кудриа юрӱдыс да мелі кияснад. Да небыд юрсисӱ чуньяс костӱдыд ислӱдлан. Ассыд сьылан гора чужан-торлысь суркнитчӱмсӱ видзан.

Ыджыд эскӱм-надеяӱн на думсьыд. Быдмас пӱ да батыслысь-пӱлыслысь сигудӱксӱ ловзьӱдас на да йӱзӱ петкӱдас. Оз жӱ кӱ пӱ-й сьыланыс да йӱлӱга чукӱстчӱмӱн помась. Оз жӱ кӱ пӱ нӱмся видзан-дорожитанторным дзӱля кӱшӱ во. Оз жӱ на кӱ пӱ ӱд и-й ӱтка кӱкӱн енӱкӱла шӱрас горӱдчы да пасьвартчы. Со пӱ чужин да, ӱти мунӱмсянӱ да выль олӱм бырснитӱм-чепӱсйӱмӱдз. Векуыс тадзи вӱлӱма. ӱти олӱм мӱдӱ йӱткыштчӱ-вуджӱ. Коми сӱрниыс ӱд оз жӱ кус, оз жӱ дзикӱдз гӱптӱвтчы, ӱм на жӱ выльысь чужан жилаыс. Абу эськӱ вӱв сиысь ни абу сигудӱк, а шыыс нӱ кутшӱм, шыыс нӱ кутшӱм, Енмӱй да Кристосӱй. Лӱбач гора дай йӱлӱга чукӱстчӱм кӱра, сӱдз ӱльӱн чольгысь да пель водзын челядь гӱлӱсӱн дзӱльзысь, крепыд мужик кабырас оз ӱмӱй нӱ Пераным топӱд вынсӱ да оз ӱмӱй нӱ бӱр на енӱж шӱрӱдз кыпӱд медся радейтана аньӱс моз?

Ме тай нӱ эскӱмӱс ӱг на кумӱ суй, ӱг на томан ӱшӱд аслам ыджыд вераӱ.

Кыланныд, сигудӱкӱн шыӱдчис асылыс? А тӱ чайтӱнныд, Енма вӱчысьыскӱд тшӱтш эскӱмыс кусӱма.

Ловзяс на, пестысяс бӱр... Визувтанаыд писькӱдчас...

*Быбейка – туруншӱрт, клопок

Рӱдлӱн локтан луныс

А тӱ кывзӱй менӱ, шаньяс, зарни аканьяс, оз тусьяс.

Кывзӱй тошка пӱрысь пӱльтӱ, кывзӱй, дитяяс, ӱн увгӱй. Медым мӱвпӱй сӱмын шувгас менам юр вемын.

Пуксьӱй быдӱн гусьӱн-гусьӱн. Ен ув пельӱс лабич шӱрӱ, код оз кӱсйы, огӱ корӱй. Дзоридзторъяс, рочаканьяс, мусьӱкмыльяс, сьӱлӱм малыштанаторъяс. Пызан гӱгӱр лӱбач кельӱб чукӱр, куткыртчӱмныд, син лапйӱдлӱгсор. Вай жӱ кывзӱй менӱ, пӱрысь мортӱс. Уна выльтор менам аскӱд ӱм.

Кӱнӱ радлун, кӱнӱ радлун олӱ. Сійӱ рӱдлӱн аския лун ӱм. Сӱнӱ вожъяс паськаласны чожа, быттӱ лыяс нӱвӱйӱн Пера вок.

А со тайё вожъяс енби олё, пыді вужъя пожём пулён гора. Абу восьса, абу енэж рёма, абу шонді югөр, көзөд сяма. Сэні буретш тёдёмлуныс олё. Медым ловзяс – ёдзёс восьтны колё.

А тэ, дитюк, Митрей Варук рёдысь. Сійё юкмёс джуджда олём тёдысь. Пуктас кисё – доя-иныс бурдё, сійё ёна важён съвліс буртё. Сэсса муніс, быттьё енэж шөрё ышкәмёшка чужліс зэрём бёрын. Вижа-гёрда ышкәмёшка рёмыс мавтіс тэнсьыд китё, медым тёдёмлунсё водзё събрад кывны кутан быдмём бёрад.

Вайлы китё меным, Машук нылук. Ёна, дитя, радейтёмыд айтё. Сійё колис тэнлы вылё пайтё. Мед тэ нигаясё кывбуръястё гижан, кызди кылан, кызди ачыд кужан. Ставсё аслад рёдвуж йылысь, мый пыр юрад волё. Олём шысё ловнад кылысь мёдысь лоан. Тэ эн вунёд. Кодыр тёдёмлунас сунан.

Васюк, пёлыд сетіс тэныд нимтё? Сійё ёні тэнё зарни киа муса нукён нимтё. Кодыр казътан сійёс гортад либё муса рёдвуж ордад. Тэнад кужанлуныд – шудыд. Мед жё видзны сійёс кужан.

Олексан, вай китё мыччыв. Нимкодътор ме татысь аддза. Гудёкён тэ ворсны босьтчан. Тэнад мыла гудёк шыё уна нывлён съёлём сылё. Ачыд съыланъяссё тэчан. Нимтё тёданаён вёчан. Сёмын кывзы ётитор – съёмтё унасё эн кор. Вошё сэки енби кинь. Син моз сетёмасё видз.

А тэ лёня кывтысь ю кодъ, вежавидзысь ичёт Кланюш. Тэнё козыналёма Енмыс йёзёс бурдёдана вынён. Тэ нин ёні весиг кылан ассьыд гуся пыді дартё. Йёзлён дойыс тэныд вартё мукёддырйи съёлём шёрад. Но тэ гёгөрвоан бёрын, мый быд висьём кывны позьё. Ачыд лечитнысё кутан.

Сёмын Ванюш ётнас тані пёрысь тёдысьёс эз кывлы. Сійё ачыс ичётсянныс татшём тёдысьён жё чужис. Мыйла чужис? Мыйла тёдё? Сійё лоё видзысь рёдлы. Ыджыд рёдлы.

Пёрысь тёдысь копыр юра, ен ув пельёсланьё чужём. Чепёльён пернапасалис да сэсса дыр на молитваяс лыддис. Аминь енби киня вёсна. Мед оз вомдзавны. Оз гуны.

Найё – рёдлён локтан луныс.

Восьты меным, Енмёй, ыджыдёй

Восьты меным, Енмёй, коді висъталё. Ассьыс гусяторсё шёпкё мен. Ме ог аддзы ни ог кыв, но ловруён кыла, кызди локтё шонтём кыв. Ме ог тёд ни ведайт, ни ог юасьлы, эска ли ог помёдз, ог на тёд. Сёмын мёвпё бара кодкё тотшкёдчас, бара восьта-тёда – аслам рёд. Рёдпуёд кайё тайё тёдёмыс. Кодкё волё, гашкё. Кызди эм. Тёдёмлуныд, вёлём, вуджё кок-ниа, восьсаин кө кёнкё рёдад эм. Ме ог кодйысь ни ог юась ковтёгыс. «Аттьё» кывтёг ёти кыв ог босьт. Сы вёсна мый вермас лоны, вьльторсё, гашкё, збыльысь некодлы ог восьт. Эм кө кылём, сідзкё, меным сетёма. Со и нуа водзё, восьсён дзик. Гашкё, абу гижысь ме ни тёдысь, вермас лоны, костса проводник. Чайтём вылё чайтём, абу збыльтор на. Тадзи тэчсё олёмкулён сер. Кызди джодждёралён артмё панасыс, сэсса содё берд да ещё берд. Тадзи тэчсё мамлён гуся кевмысьём. Тадзи артмё коми бёрданкыв. Тадзи мунё водзё олём тупылыс, ётчид мётийём, сэсса вылас мёд. Крукыля и мукыля, и гартола, овлё, зонмё, кызд коть сэсса ну.

Ой да ой, и энё сэсса сорлалёй важсё вьлькёд, мыйыс сёмын эм. Кывзёй пельнад, кывзёй тшётш и съёлёмнад. Кодлён важсё кывны вытьыс эм. Кодлён эз на вушйы важкёд йитёдыс. Коді эскё – рёд кост йитёд эм.

Войимётся, сердце бьётся. Берегиня Мать Святая. Пом.

Митрей Ёгашлөн мёскыс баксё

Митрей Ёгашлөн пё мёскыс баксё. Лудысь пё воёма. Баксытёг пё оз ов, дас во нин картаё эз пырав да, гажыс, кёнкё, быри матушкэлён. Час, пёдёнча кватита да сей минут котёрта. Тшайпод пасьтала да чышъян кёчпеляла. Мед матушкай тёдас жё путётм кёзьяйкасё. Прёститас жё мед тайтушй. Виддзыс ытшкытём, да дас чалькоста зорёдыс чөвтём лои, другё. Россяліс да бадьяліс йирсигкостыс медбур видзым. Кёзяин мёдарьюгдё пышйис. Прёщевайтлы пё, кёзьяйка, пёрысьми ме. Ёгушй пё менам дай нэмся борд йыв кыпёдысьй. Ме пё сэсса и мёдөдчи. Вөвтё пё лэдзав, а матушкатё йёрт. Йёрта, дерт, локтёма кё. Час, водздёраёс коть пысала. Пёдёнча дозйёс кватита. Карта вылё котёрён лэчча. Закод өдзёс гурйывта. Энлы, эн тэрмөдлы. Дас воыд тай и меным на сылы вылё сёлёма. Воддза Ёгашыд вёлёма ли абу вёлёма, надзмёма дзикөдз. Бонзьёма да и дзорён плавгысьёма. Котёрта нин эськё да, кокй оз ну. Чатрася ёшиньөд, да синмй, гашкё, бердёма. Баксан эськё, матушка – семья кутысьй да, пельй кывны дугдёма.

Синва шорён да пёдөнчаё лэччис, водздёра кётөдіс, кёчпель личаліс. Тайтөыд эськё волёма да, йёзлөн вёлёма. Окма жё нин пёрысь өтка олөмыд эськё да. Ёна и курыд, дай он на нинём вөч! Енмй дай Кристосёй.

Кёкыля-мёкыля юрси

Кёкыля кёкыльён тай юрсиыд гёгыльтчө, он, небось, кодлыськё шу ладинечтө. Батыслысь тай чужёмсё кульёма и ляскёма. Некутшөм жё нин мавтас ни нимпас оз ков. Чурка кагаыд век тадзи пасйёма. Мед оз вош. Мед рөдсё-вужсё тёдас – өтар и мөдар. Мед кё батыс дженьыд мывкыда. Он на пышй. Йёзыдлөн синмыд мышкас и балябөжас, плеш шөрас на коймөд син воссьылө, төднытө колө да. Кык пөвста пель быдмывлө, гашкё да. Кыв йылад оз ов татшөмыд, разалө. Сялькйөмөн сялькйёны шедөмасө, колскөдөны кывнас пөгибө воөмасө. А мөдыслы, виньттөм юра батыслы, нө мый? Кузь нинём! Сюралас на, ковмас на и сылы кокасьны. Енмыд аддзө. Кытчө разөдін, сэтысь и чукөрт. Поделом тэныд, злыдни мешөклы. Сьвет пасья йылөм разйыны. Примитны ковмас рөдад да вужяд выль чужысьсө. Ним да вичавны. Вичыс тэнад оз кё ло, гашкё, пөгибө некод оз во. Но пуста местаыд рөдад орөса лоө. Гөптасяс местаыс да виччысьны кутас. Этан гурана, сэті гөпта. Джопйөдлас бура путётм батыпутө. Кымын пакөсьт, сымын зуркйөдлас. Джопкан воис – джоп! Морттуй тэныд суйёны. Помнитан, даддьөн ислалігөн тай? Исковтін кё, дадтьө бөр кашикті гөра йылөдзыс, а то тыртас-толітас, да сйө на и төдлан, колөкө.

Некод нин немтор оз юась, но ставөн төдөны. Ставлы делө. Кытчөдз он висьтась. Аминь кокниа кёсьян овны, да Енмыслы тыдалө. Ставыс тыдалө. Ставсө пасйёма. Он пышйы. Вот тадз рөдад лөсьөдөма. Тэнадтө тэнадөн колө шуны. Менамсө менамөн.

Ещё медпрамй мортөн на коркө лоө эновтөм пиыд да нылыд, да гыррдзөдзид он судз.

Тадз тай прамй морт шуис. Висьтав пё привет мясьнь.

Сьёд пывсян

Майбырѡй дай майбыранѡй,
 сьѡдѡн шуѡм пывсянѡй,
 сьѡдѡн нимтѡм пывсянѡй да,
 бела чигъя войтырлы пасенне да раденне да,
 бела вын да бела кров.
 Лэчѡны кѡ чукарѡн да сьѡд пывсянѡ мыссьыны, да сьѡд пывсянѡ пывсьыны.
 Смоль сьѡд юрсиа нывъяс сьѡдсьыд оз на повзьыны.
 Сьѡд пѡ эськѡ пывсяныс да, небыд пѡ да кунваыс.
 Руд пѡ эськѡ майтѡгыс да, еджыд быгйѡн быгзьѡма.
 Еджыд быгъя ва сорыс да став шогтѡ кылѡдѡма.
 Любѡв шогтѡ оз кылѡд да, лѡсьѡдѡн кѡ, и шогав.
 Любѡв шогыд корсьѡм шог да, сйѡс тан оз лечитны.
 Кѡсьян кѡ пѡ лечитчыны, Эжва дорѡ лэччывлы.
 Кѡдзыд ваас суныштлы да, гашкѡ, сэки вунѡдан.
 А сьѡд пывсян бур пывсян да мукѡд шогъяс лечитѡ.
 Мукѡд дойяс бабитѡ да, сьѡлѡм пыкѡс оз лечит.
 Кузь юрсиа мича нывъяс кѡсаяс разялісны.
 Кѡсаяс разялісны да, кунваѡн мыськалісны,
 быгъя ваѡ сунлісны да важысь томѡсь петісны.
 Тайѡ пѡ тай и пывсяныс абу саа вѡлѡма,
 тайѡ пѡ тай и пывсяныс ёна вѡлѡм колана.
 Горйѡ ѡддьѡн шоналѡма пескѡн бура ломтѡмла,
 дзоньвидзалун судзѡдѡма, артмѡдчѡма донтѡма.
 Сэсса пѡрысь бабѡясыд пывсянѡ жѡ лэччасны.
 Молитва на лыддясны да быд пельѡс креститасны.
 Сьѡд пывсян батюшкаѡй да, примит пѡ да мыссьыны,
 корѡсьѡн да сьѡлѡм майѡдз миянѡс и пывсьыны.
 Ог кѡ пѡ дзикѡдз томмѡй да,
 важ кучикным выльмыштас.
 Овны на окотитам да, во-мѡд кезлѡ збыльмыштас.
 Прѡщевайтны корѡны да примитлыны тшѡктѡмысь.
 Прѡщевайтны корѡны да,
 не ас кадѡ локтѡмысь,
 прѡщевайтны корѡны да сьѡдѡн смольмѡм пывсянсѡ,
 мед эськѡ и ловъя морт моз оз жѡ и ѡбидитчы,
 оз на мед ѡбидитчы да ачыс пывсян айкаыс.
 Мыссьѡдас да пывсьѡдас да еджыд бела баняыс.
 Вот таdzi шуаласны да вѡлисти игналасны.
 Калич вылѡ точкасны да вот тебе и вся иган.
 Иган-томан трасича да, не прикѡди ласича.
 Ласича не прикѡди да, лѡк дзѡдзув не подкѡди.
 Ачым рѡчѡн рѡчалѡ да сѡ благѡслѡ кристосѡн.
 Кузь пиня еретнича да не прокѡди улича. Тырмас.

Рөд паметь

Эм сійө быдөнлөн дзик пыткас.
Сайөдчөма, топөдчөма, мышкыртчөма.
Оз шыась, оз висьтась, оз сёрнит, оз элясь, оло гусьоник.
Вочасөн садьмө асья унмысь, вочасөн палялө.
Пыдын-пыдын вөрзё сійө, мый рөдыдкөд йитчөма.
Бытьтө друг окота лоө веж видз вывті көмтөм кокөн котөртны.
Тічкө. Тіч-точ. Тіч-точ. Тіч да точ. Часі мунө, стрелка бергалө. Корө тэнө туйө.
Ыджыд да кузь туйө.
Бытьтө мунан тэ прагортланьыд нырөн. Восьлалан парма туйөд.
Он котөрт, он тэрмась, он сёрнит. Тэныд оз сійө ков.
Ловъя паметьла мунан. Аслад паметьла.
Садьмө тувсовъя асылыс лэбача гора шыөн.
Блонгө вичко жыннәннөн пыткасөд, лайкъялө-гөвкъялө сьөлөмад муслун.
Тэ татысь.
Тайө местасө төдан. Ставсө радейтан помтөг. Аслад төдтөг радейтан.
Мыйла?
Эз өд некод кор тэнө, эз чуйды. Ачыд кылін. Ачыд матыстчин Енкөла дінас.
Мезөсөй, вынаёй, көсья садьмөдны вежөрысь коланасө, меным индөмасө.
Отсав восьтыны ас пыткакысь ачимөс,
Отсав, ыджыд-ыджыд-ыджыд батьөй.
Отсав, ыджыд-ыджыд-ыджыд мамөй.
Отсав миянлы дорйыны пиянөс быд ускөттөсьыс. Быд лёк тышысь да войнаысь, немину-
чаысь да думайттөм вөчөмысь, Енмөй, бережит.
Енмөй, сет налы вынсө.
Өти оломө судзанасө. Өти морт оломө төранасө.
Сетышт. Отсав, Мезөсөй, ыджыд Мезөсөй.
Кора мам нимөн. Кевма пидзөс вылө сувтөмөн. Эн өтдорт миянөс.
Тэ медся вынаыс. Медся төлкаыс. Медся ёныс. Пыді вежөрнад сувтөд оломсө колана туйө.
Рөдпулөн видзанторъяс, дитяяс. Мед лоө, кызз шуөма. Аминь.
Тадзи помнита. Тадзи пуксьөма ыджыд мамлөн висьтасьөмыс лов пыдөсө.

Олом

Өти ыджыд олом.
Сэтшөм ыджыд, мый радейтан көть, да он некызз сывъяв. Он некызз вермы помөдз
гөгөрвоны да умны сыысь.
Пуксьыны да шензыны сөмын кольө.
Мыйла тадз да мыйла этадз. Сө дивө да и сөмын.
Чужан пасьтөм и кулан сідзи жө. Чужан да, тубырттор и тырмө.
Мунны кутан да, бытьтө ичөтдырө бергөдчан. Сы мында көлуй жө и тырмө. Нинөм оз
ков сэсся.
А олом чөжыс ми бытьтө корсям помтөм оломсө тані. Куралам, гурьям, чукөртам.
Йөзөс-мортөс думысь ордйөдам.
P. S. Ыджыд мамуклөн пөчө кудйыс ок джуджыд вөломө. Ме, гашкө, войт мында сэтысь
төдмалі. А гашкө, и сы мындасө на эг.

Зыбка дорын пўчў

Зыбка качайтў, дзуркўдлў, сьылў, мый эм кытўнкў пыдын лов вылас... Майбырўй дай пўчукўй. Енмўн индўм видзысьўй.

Пўчўд печкў да, вомнас ворсў да, висьталў важ тўданторсў. Тапкўдў да, бурдўдў да, малыштў дитяўс юрўдыс. Пиыслўн быдтас да, кыдзи он быдты. Ен сетўма да, ог жў шыбитўй.

Сёрни шўльўд шорўн кывтў, кужас, небось, корсьны кывтў.

Ќти бўрся мўдўс лўдў, шўмторлысь донсў тўдў. Мыйкў ўд олўм чўжнад пўчўлўн вуджўма жў лои. Господей жў нин эськў да, сё Господей да... Но, бережит став лёкысь.

Ќвў, сўлўмшўр, бай-бай, пўрысь мортўс да кывзы вай. Ачўд ўд дзўля да ыджыд да. Ставсў на ўд чечўдлан да, дорын узылыны велўдан да. Дарўм тай вильўн на войтыштўмўд... Ыджыд чери ўд шедўмўд батўйд тывйўн да мам шўныд сывйў.

Мед кўть синмўд и узьў да, кылан менў бура, сюся. Ачўд та йылысь он тўд да, пўчў куд-йўд вўссьяс мўдысь. Дзурлик-дзурликўн вўссьяс да, киссьяс да, небось, зарнитў аддзан на.

Ачўд лоан востер кывья да, зептў кывйўдла он пырав да. Востер-мастер кывья печика да. Он на, шу, миянўс босьт. Ставыс асланым эм.

Он ўд сэсья зыбкаын век черкьяв да, ыджыд олўм на водзын виччысьў. Ќнй вильўн на тэ чужин да, вўльнўя светсў кыйны кужин да. Аслад перна нин со эм да. Пондас видзны Господь Ен.

Кутас видзны Господь Батўным да, медым олўм лоў статья да, батя-мама, няня-сола. Пельтў чошкўдўмўн лалав, апав лов пыткад, мый колў. Пўчўд сьылас, пўчўд мойдас, чорыд кывьясўн оз дойдав. Пўчўдлўн кывйўд милўсьта.

Ќй – милўсьта пўчўй, шу, дай майбырўй.

Качай-качай-зыбка дзуртў да, вайў тэныд ноп тыр буртў да. Матич бердў домалўма да, кольча пытшкў кардьялўма да, оз чег.

Лоан винёв да, лоан снажен да, кыдзи пўрысь пўльўд важўн. Аслас енбиыслысь малас тэныд сйў пуктышталас, ыджыд мамыд сьылас бурсў, да медым кужин кутны юртў да. Мамўй, шу, матушкаўй да, чўскыд унмўс видзысьўй...

Батўйд-батўшкаўд да тэнад вўр-ва гежмалўмў пыртас да, вўр да ва дорў муслун тэныд ичўтдырсянь сетас да. Самалас ли, козьналас ли да. Ладитчас, небось.

Вўрыс-ваыс мед нэм чўж мамалас да, видзас да, вердас-удас да, тэ, пйў, вылў эн пуксьы, ськўд гусяторнад юксьы. Эн жў бара тэ горшась лишнўй, эн жў бара бурў пуксьыны пиштшит.

Мамыд аслас морўс йўлўн жў пуктас енма кывйўн олўм да, бур йўз костў соровтчана кывьяс да гылўдас тэныд чуманад.

Дознас вотчыны кў мунан да, мам-бать велўдўм он вунўд да. Сўдз ёль ваа визув шорас на келан да. Мыссян да мыссян, дитяўй миян.

Узь, дитя, сўлўмшўр, зарни пи, шлўчкан гаг, сйтноп, мусьёкмўль, тупылёк...

Биысь да ваысь да, туйын лёк йўзысь да, мисьтўм тунысь да, пакўсьта вомысь да оз лок мед вомидз.

Сир пинь горшаныс. Ставыс бур лоў.

Зыбка бокў юрсў пуктўма. Дитялы кынўм вылас кисў пуктўма. Сўмын здук келў и суркнитлис. Унмўд пўчўс бўжнас кыйўма. Кага видзысьыд и ланьтўма... Окма, робота жў эськў да.

Чужан кыв

Котөрт, котөрт черань йөзви кузя, некутшөм мөд туй кө оз югзыы.

Лэбовт төла дырьи пу выв корйөн.

Качөдчы, качөдчы да дурпопась шонді югөрөн. Горөд вөсни гласа йөлаөн.

Ме кыз унмысь паляла. Котөрта воча.

Сөмын эн берд син водзысь дзикөдз, эн сыв, эн воштысь паськыд ота енköлаас. Менам кө. Мелі мам кывйөн ыдждөдланаторйöй.

Менам кылана-аддзана-казяланаторйöй.

Пыді муткыртана сьөлөм дойöй и гуся радлунöй. Менам лелькуйтан-дорожитанторйöй.

Менам вөрзёдлытөм вөрзёдöй, менам вочакывтөмöй. Рөдöва визьöс корсьөмöй, да синтөм кималаса гижөдöй.

Сьökыд тай, сьökыд вөлөма тэнад мышсайса волыса нопйыд да тужурка пельöсад вурыштөм гуся дзебасыд.

Пөльөн да пөчөн рөдöва козиныд.

Гумаг лист вылө чөвталан-пукталан чудө-дивöйд. Рөдöва визьөд тюрөдөм-быгыльтөм, нэмьясын чередитөм, коми тураса, паськыд морөса, кокни вөраса, абу водзөсөн вичмөдөм кывйыд.

Сылөн ыдждаыс ем пысö төрөма, сунис-гезторөн крепыда вурөма, тубралөма-табралөма, благслөвитөма-ссылөдөма да туйö мөдөдөма.

Кут, верман кө.

Килаыд кө оз ор сьökтасысь, синваыд кө оз визувт чуткалөмсьыс, сьөлөмыд кө оз пот киад босьтөгөн. Со сійö кутшөм пөтка* – кывйыд.

Но, босьтан он аслад шоныд питшөгö бордъя ловсö?

Шонтан-бабитан он чужөм-быйкнитөм ладинеч кывтö?!

* Пөтка (тані) – асныра морт.

Чужан кывйöй, видзанторйöй, донай

Босьтан кө комиён шуөм кывсö соддзад да шонтан аслад лов шыөн, клан сылысь ловъя дйтшкөм шысö. Висьтась та йылысь Енköла водзас, мед кылас, мый нөшта öти кыв видзысь-паситысь воөма рөдöва коластö. Мед радлас муыс и ваыс, став бела светыс, мый чужөма сійö, коді лыддяс гуся небöгысь медбур гижöда кывсö. Оз солькнит ни эжөрт. Оз вошты, оз эновт, оз ройö увт. Видзас да сявнитас гылыд сёрнинас Енмөдз судзана ылнаö.

Пуктас кудйö джуджыд төданасö да игналас-клопкас, томналас. Эз на во кадыс, мед воссьыны помөдз. Колö на восьлавны, колö на вуджны тыкөла вомөн да көмтөм кокөн, бытш-ласыны-дойдасыны вундысь турун-эжөрөн, мед паськалас вежөрным. Мед оз вөрөдны, мед оз дзерөдны, мед оз бырөдны сөдза-сөдзсö, дзирда-дзирыдсö, оз чусмөдны-быгөдны. Öшкамөшкаөн визьйөдлөм, бердлыны петитчысь, рам да вежа көрөн малыштөм, Енмөн индылөм, рөдөн вежөдөм, чужан вема да вераа, гласөн нималысь, чуйөн чуймөдысь, тагъя сурөн ловзыйлөм, кыптөм няньөдз суктылөм, вежөр муткыртан, дзоля көшö воны кутлөм, кедзовтлөм, эновтлөм, кыпалысь йöрыша да збой лэбач гора, зарни платтö-кышөдөн пасьтөдөм, синтö чеган югөра, номйөн тоныган жынняяна, кельöба да онялан шоныд. Чолөм да здорово. Пасибö да сюрс мында поклона привет ыстöны ылі муö дзебөматорсянныд. Эз на ло помөдз восьтөма донсö да ладсö. Креститам, бабитам, видзам. Кыдз колö, сідзи серöдам сямöда турушкаö гаровтөмөн.

Ог гөгөрво, мыйла гига тадзисё. Важсё пуктала. Ќти кудйё. Ќти чукөрё. Ќти дзуё.

Отсышт восьтыны.

Енмёй, отсышт! Енмёй, малышт! Енмёй, мылышт!

* * *

Кёнкё елма-муа костас эм ин. Тёдёмлуна пёчё куд. Сійёс киад он босьт ни он кут. Он нигаён лыддьы ни пельён он кыв. Он некодлы висьтав ни он некодсянь кыв. Сэні мёвпьясыс джуджыдёсь да гёра кодь крутёсь. Вильдан тэрмасын-воштан тёдёмлун куд. Усяс-пасьмунас шёрипов ёктём нин тор. Кай да чукёрт, кытчёдз абу на вушйёма дзикёдз, кытчёдз абу на сёр. Кай да копыртчы пидзёсвив, Енмыслысь кор. Медым вичмёдас-юксяс и тэкёд кётъ кор. Сэсся видзёдлы увланё. Сёстёмсё ю. Кыдз тай шондильсь югёрсё чукёртё ю, кыдз тай кагалысь чужёмсё виччысьё мам. Ассьыс шоныдсё койё, но сійё оз ям. Кыдз тай Енкёла шёрёдзыс воськовтё морт, сёмын лэбёдё бокилань, вунё кё горт. А тэ Енмыслысь аслыдыв мывкылдун кор, медым шуыштас-воссяс, пёгиб воывлан кор. Медым аслад и тырмас на том олан вын, кытчёдз пелысыс киад, дзик ачыл и сын. Пёчё кудйыс и воссяс сэк, кылас мулён и пармалён гор. Лоан видзёдлас сертиыл ашёра кор.

Кёссян тані тэ овны кё, олём сунис оз ор...

Коскё пысалём сера вёньён, вёсни-вёсныдик, топыд шоныд ёберег кытшё тэнё босьтёма сывтыръяс Енмыс да видзё омёлъысь и висьёмысь, чорыл сёлёмаысь и сувт-са синмаысь, коді небыд кывнас мавтё, а кинас черань везйё тэнё думсьыс гартё. Лёка дойдёмысь видзё.

Вёняс, сераас, синмыд велалё тёдса серьясас. Гартчё олёмыл ыджыд тапыльё. Кодкё тэ вёсна век на кевмысьё, сера вёньыл кё костё шымыртё топыд ёберегён. Видлы кияснад сунис серьяссё. Сэні олёмыл тэнад кйёма.

Сера вёньёд да тэлань котёртысь шудтё малалышт, медым шоналас. Мёдлы шонавмён, коді тэ бёрысь сэсся вёнясас. Кодыр мёдёдчан мёдарьюгёд. Кутас новлыны Паметь кузьяд. Век нин казъыштас тэнё, донай, тайё му вылас. Югыл пасалас вёня олёмсё, тэон видзансё.

Тадзи, вёнь пырыс, бурыс котёртё рёдова визьёд.

Крёшкиён-чепёльён...

Крёшкиён, чепёльён пукталі, пукталі, пёлялі, бабиті ышмылём кывъяссё. Дитяён нежиті – юрёдыс шильёдй-мольёдй. Кёрталі сунисён, гёрд ёберег сунисён вёсныдик коскёдыс. Вёньёдй. Видзёга вёньёдй медмуса нылёс моз. Сёлёмшёр нылёс моз мичёдй-вежёдй.

Нуёма, нуёма, нуёма Мутиыл. Юав ни висьтав да гусь вёрон гуёма. Мый вёлі нимкывйён гусёник шёма. Чайтёма, тадзи и позьё, Омёлъыл. Омёлъыл кыскёмён кыскёма жиласё кывсьыс. Косьтёма кок йылас, суйёма зептас, кёсийёма асавны эськё да. Стойлы.

Кывйыл и босьтас да шыёдчас зептад. Небыдик гёлёсён. Зэв уна пёлёса аснима гласён. Омёлёс оз лыддьы асён. Кывлён эм кёзяин аслас, бур рёдвуж паса. Он, гашкё, асав. Медтыкё Елма жё кывйыс. Томана-ключа. Шеньёба.

Пукты бёр кывсё. Местаё. Кытысь и босьтлін. Некор эн вёрёд. Абу кё тэнад.

Торьялас-чуктас. Весиг оз шыась. Сійёс оз кывны.

Лов шыа кыв сёмын сёрнитё йёзкёд. Петкёдё синва и серам. Лолалё-олё. Лечитё, бабитё, видзё. Пыр вёлёма сідзи и лоё.

Корсь ассьыл кывтё. Сыын и шудыл.

Чужлытём ичөт лов

Ми коркө аддзысам на быть. Көсйин кө чужны тайо му вылас чойон либө вокон. Чепөстчывлин кө, гөррдзасьлин, крепитчывлин сөвмыны. Вежөраон, енбиаон, нюмбанаон. Менам эм муыввса ним. Тэ нимтөм. Менам эм аслам вич. А тэ вичтөм. Но тэ кодлөнкө чой ли вок, коді таладор оломас эз и лок. Чирсісны, жуглісны, нетшкисны. Ковтөмөн лыддисны, лишнөйон. Эм и абу. Быттьө вошөма кык мир костас. Мөдөдчөма эськө татчө, да абу воөма. Нима да вича мортон абу и лоөма, вичкоын абу пыртөма, зыбкаын абу дзуркйөма. Войяснас бать-мамыслыс унсө абу пальөдөма. Но рөдад найө ставныс эмөсь. Чужлытөм-волытөм чой-воктө казътив. Найө видзөдөны синманым. Оз гөгөрвоны, мыйон мыжмисны. Ми пө тیان рөдыс жө. Примитөй да казътөй. Быттьө пальөдны көсйөны мянөс. А то пө мянлыс куш местасө кодкө мырддяс... гуас тیان пөвстыс кодөскө мян пьдди. Тадзи токалө, висьталөны важ йөз, рөдтіид. Он дзебсьы.

* * *

Важ йөз шулөмаось,
Каттьөмасө эн каттьы,
Чөжөмасө эн шердйы,
Шогалөмсө эн шогав.
Бөрдөмасө эн бөрд.
Туйтөм сёрни эн нуөд,
Ковтөг туйө эн чепсась,
Дойтө поводон домав,
Нылыштас асья ру.

Вуран петшөрыс платтьө,
Көті пысалан кокад.
Коктө пөттөдзыд песан,
Кытчөдз мудзөм оз су.
Вынтө пытшкөссьыд зэвтан,
Нюмдан падмөглы воча.
Верман, унатор верман.
Он «ог вермы» кө шу.

* * *

Весиг медся ыджыд юыслөн абу та мында чукулыыс да мукулыыс, мыйта лоө чукльөдлыны да мукльөдлыны, венны сьөкылдунсө посни челядьөс дөзьөритіг-быдтігөн мамлы. Пуксьыны да чеччыны, узьөм пьдди вугравны. Лун и вой өтарө да мөдарө сюгъявны*. Мыйта копыр вөчны ваыслы и муыслы, мед сьөлөмшөрыслөн кынөм эз сюмав, мед мусянь тэчөма да тураса лоөны пияныс. Весиг медся джуджыд юкмөсас ваыс этшаджык локтөма. Сы мында шоныдыс мам морөс пытшкө төрөма. Мам морөс бердын узьөмыд медся чөскыд. Быд суркнитчөм уна серпаса да мойда. Ачыл мамыд жө и мойдлөма. Медся чөскыд көра асылыд, медся шуда гөлөса луныд да юрөд малыштан-ошкыштан рытыд. Нинөм абу водзөса, он и мөвпав водзөсө. Мамыд да батыд эм. Матушка рөдимөя дай мамукөй, Енмөн индөм дорожитанторйөй да сьөлөм доюкөй. Зарнион мавтөм кадөй да медшуда кадөй. Бордъя даддя, гылыд серама, вуйон мавтыштөм кадөй. Öдйө тай төвзян-котөртан. Суөдны он вермы. Бөжөдыс он кватит. Сывтырьяд он бабит. Пөчө кудйө он сайөд. А мамыд сьөлөмад. Мамыд лолад. Со и оло. Нэм помөдзыд орччөн. Нэм помөдзыд видзө. Енмыс, тыдалө, шуөма сідзи мамыдлы.

*Сюгъявны – диал. өдйө котравны, лэбавны.

* * *

Падей Варуклѡн мѡскыс вошѡма. Вошѡма, быттѡ му пырыс мунѡма, ва моз кытчѡкѡ сѡдзѡма-визувтѡма да мѡдар му помас петѡма. Но сѣ дивѡ пѡ, йѡзыс шензьѡны. Енмыс пѡ, колѡкѡ, босьтыштѣс. Сѣдзи и шуѡны – босьтыштѣс. Мыйла пѡ босьтыштѣс? Семьялысь пѡ вердысьсѡ нуис? Быдторыйысь пѡ колѡ вештысьны. Водзѡсѡн он кольччы. Мыйта босьтан, сы мында и вештан. Нинѡм некод оз ѡтъведайт. Толькѡ пѡрысь пѡль тошсѡ зыралѡ. Весиг вом дорыс льѡбзьѡ-тіралѡ.

Быттѡ ыджыд тѡдан нига восьтѡма да лыддьѡ да яналѡ тайтѡлѡн кѡзьяйка пыдди.

Ещѡ пѡ ѡд абу яндзымыс да, корсьысьѡ. Ещѡ пѡ ѡд и синваѡн мысьсѡ. Йѡй улѡ лѣдзчысьѡма да, быттѡ нинѡм абу вѡчлѡма. Гѡгѡр сылѡн чист да блист. Йѡзлы тыдавтѡмсѡ синва саяс гуалѡ-дзебѡ, мед оз аддзыны да оз лыддьыны збыльсѡ. Чайтѡ, сунис трубичаыд помтѡг вермас разсьыны, а помыс да дорыс оз тыдовтчы.

Пѡрысь тошкаысь полѡ. Тайѡ пѡ висьталас. Талѡн пѡ весиг нигаыс синма. Талѡн пѡ весиг ки пыдѡсыс ѡзьялѡ. Балябѡжнас и то аддзѡ. Кыдзи нѡ таысь дзебсян?

Сѣсся старикид и ыджыд лист восьтѣс. Ыджыд дѡраку да веськыда джодж пасьта. Ноко пѡ видзѡдлы, кымын шайт тѣнад мѡскыд сулалѡ. Этайѡ рѡдас пѡ тѣ сизим розь вѡчѡмыд да сизим морт лов босьтѡмыд. А сизимыслысь пѡ ещѡ сизимѡс травитѡмыд. Сизим кѡленатѣ аслад пуртѡн новлѡдлѡмыд. Сизим кѡленаѡ чардби лѣдзѡмыд-лыыштѡмыд. Кѡнѡсь нѡ пѡ найѡ ѡні, ичѡт чужтѡм ловьясыс? Кѡні пѡ ѡні нимтѡмьясылѡн лолыс бовьялѡ? Чужтѡм невиннѡй ладинечьясылѡн? Эн пѡ ѡти мѡс туша нажѡвит аслад няйт уджѡн. А ѡні пѡ лывкѣѡдлан. Йѡзыдлы пѡ бара лывкѣѡдлы. Йѡз водзад пѡ асьтѡ петкѡдлы. Сѡмын невиннѡй ладинечьясыс ѡд нимтѡмѡсь олѡны, на водзын коркѡ прѡщасѡ коран-ѡ? Лѣк вой-на пѡ сѡмын та пасьта вермѡ шырыштны. Война пѡ сѡмын та пасьта ранасѡ вермѡ вѡчны. Сизим да кѡлена пасьтаыс. Сизим да кѡлена кузьтаыс. Сизим да кѡлена джуджнаыс. А тѣ нѡ пѡ эськѡ мый вѡчин?!

А тѣ нѡ пѡ эськѡ мыйѡн нажѡвитчин? Тѣ пѡ ѡд и тайѡ войнасьыс на паськыда курыштѣн да рѡдыслысь водзѡ олѡмсѡ и вурыштѣн. Ыджыд да и паськыд дѡмаса кольѡма тайѡ местаыс. А гашкѡ, зоньяс эськѡ чужисны, тайѡяс ѡні эськѡ батьасѡн нин вѡліны, чужтѡм и ладинечьясыс. А гашкѡ-й, и детинаяс вѡліны, рѡдсѡ водзѡ нуѡдысьяс. Сизима сизимѡс на эськѡ чужтѣсны асланыс гѡтырьясыскѡд. А тѣ отсалѣн том йѡзлы, вежѡртѡм на аньяслы наысь и мынтѡдчыны.

А тѣ шуан, матушкаыд вошѡма. А тѣ шогсян, мый семья вердысьыд эз лок. А тѣ шогсян, мый семьяыд киссьѡма. Некод йѡвсѡ юысьыс эз коль. Аслад киѡн тай, нывбабаѡй, кок сѡнтѡ и орьѡдлѡмыд. А ѡні аслад бѡрдѡмѡн сѡмын дѡрѡмѡс ылѡдлѡмыд. Мун да бурджык каитчы. Невиннѡй челядь ловьяс водзын прѡща кор.

А юр весьтаныс югыд андельяс югѡдѡны рытсѡ. Места аслыныс рѡдас корѡны. Молитваын казътывны жѡ корѡны. Казътѡны, мый ставныс кѡсѣѡны овны. Рѡдын налѡн местаыс пуста кольѡма. Тороцитѡ.

Чукѡрт менѡ, Енмѡй...

Сиѡма налы, кодѣ аддзис вын сьѡкыд здукѡ сувтѡдны асьсѡ кок йылѡ. Ме тѡда – татшѡмьясыс эмѡсь.

Чукѡрт менѡ, Енмѡй, жугавлѡм торпыригысь, мед сувта кок йылѡ. Мед ачым первой кысся ва стѡкан дорѡдзыс.

Сѣсся пидзѡсчаниясьны верма. Нѣль кокѡн, но ен ув пельѡсѡдз воѡдча.

Чукөрт менө, жугласөдз доймалөмөс. Отсав меным, Енмөй, мортөн ачымөс кывны да выныштчыны. Бара на лабич дорө кутчысьомөн да сьолөм дойөс венөмөн сувтны, олөмыс кө менө сідзи тшөктас. Мед ме эг нин сэсся пидзөс вылын кыскась. Енмөй, отсав кок йылө сувтөм бөрын ещө өтчид воськовтны. Мед өти шаг, да сөмын ас вынөн. Мед некод сойбордйөд оз кут да оз жалит. Мед синмөс дойысла куньомөн муна, да ачым. Ас турасөн воськовта. Аслам Ен дорө, аслам видзыслань өти воськов матыстча.

Енмөй, отсав меным корсьны ачымөс сійө торпыригсьыс да воны морт вийөдз, коді көсйө лоны шудаөн тайө елма-муа костас.

Сет сэсся еджид юсьөн кыпөдчыны ас чужан му весьтө. Медым видзны сійөс да славитны. Ассьым рөдөс и вужйөс, став бела светсө аддзыны-кывны да ас нога сьывны. Чукөрт менө, Енманөй, ёсь торпыригсьыс.

Сөмын кора. Ачымөс ыдъяв. Ачымөс. Ме вына. Сөмын эскы меным, Ыджыдөй...

Мый верма, Енмөй. Верма...

Кытысь локтөмаөсь татшөм гижөдъясыс

Та йылысь пыр тшөкыдджыка и тшөкыдджыка юасянын. Со менам вочакыв. Некод оз вермы вочавидзны, кытысь тайө локтө. Локтө кө, колө петкөдны йөз водзө. Кывбур и висьт тай кыскө локтө жө. Аслас кадө, кор тэ дась нин гөгөрвоны да ас лов пырид лэдзны джуджид төдөмлунсө. Тайө сэтшөм жө гижөд, сөмын вужйыс пыдынджык. Да гижөдыс аслыспөлөсджык.

Шензьөны, вензьөны, збыльсө корсьөны. Кытысь пө босьтөма, кодлысь пө гижөма.

Абу корсьөма ни абу босьтөма. Ас ног локтанасө восьтөма. Висьтысь висьтө төдөмыс каттысьсө. Ыджид тупыльө ньөжйөник гартыштчө. Кодкө төдлөма, кодкө кужлөма. Кодкө лыддьөма. Коркө важөн нин. Менө бөрийөмаөсь, медым вуджөдны паськыд ю вомөн тайө төдөмсө. Коркө пыжөн, коркө көшельөн, коркө ки вылын, коркө моздорын. Нуа-кашикта меным сетөмсө. Меным восьтөмсө. Ог, ог юавлы, коді бөрийөма. Юрө воөмсө өдйө гижала, мед не воштыны. Мед не сувтөдны локтысь мөвпъяссө. Медым кыласны, медым оласны. Месянь вуджасны бара кодлыкө. Коркө дыр мысти, кодыр бара на вежсяс олөмыс. Дзикөдз топөдас важъя олөмсө төдны колөмыс. Немтор кад вотөг сідз оз восьтыны. Öнi ыстөны, мед пө босьтөны. Мед пө лыддьөны, мед пө төдөны, көні вужъясыным, рөдлөн вожъясыным. Воис пөраыс. Сөптыс потөма. Эрдвын петөма. На пө, пөльзуйтчөй, на здоровье.

Жаль зэв, вошас кө, прөста вушъяс кө тайө висьтъясыс. Кодөс чукөртi узьтөм войясө, кодөс кыялi весиг эштитөг. Рөдөн сетөмтө оз позь тупкыны. Оз позь сайөдны, кумө пуктавы. Колө өктыны, колө пөлявыны, ичөт кага моз. Кодыр вөляыс налы вичмывлө, зарни югөрөн гөгөр кыскалө. Кодкө гижө, мый сьолөм мыськыштө. Кодкө гижлiс нин, юр пө бурдлывлө. Лыддя нимкыв моз. Видза сьолөмын. Таын, тыдалө, муыв колөмөй*.

*Муыв колөм – предназначение.

Кодкө шуөма да кодкө висьталөма

Кодкө шуөма да кодкө висьталөма, содтөд солыштөма да перечалыштөма, мед дояджык лөө. Ыджид мам кө шуис, злөя ведьма пө волөма, тiян керка шөрөд шаркөдчөма-олөма. Лөк тамыш синнас бурсө казялөма. Аслас лыа ки кузяыс сунисъяс разялөма. Мед пө сунисыс моз жө олөмыс разьсяс-пазалас, мед пө котырыс разалас-пазалас. Радлөма да

сералёма, лёкысь эралёма. Асьныс и горт шёрас лэдзёмаёсь, пёрысь да лёк синма ань водзын педзёмаёсь. Юкталёмаёсь-вердёмаёсь да асланыс гозья крөватьё индёмаёсь. Нинёмысь абу полёмаёсь да видзчысьёмаёсь, пөль-пөч велөдөмлысь абу кывзысьёмаёсь. Мед пө лыид оз доймы, мед пө костё оз зырт. Вод пө да пөчивайт миян гөна небыд вольпасын, а ми пө пөлатын кос веськөдыштам, томось на. Ой, эз кывзысьны. Ой, эз эскыны, мый эм сэтшөмтор, мый вомён вуджнысё оз позь. Гозья вольпасяд лэдзны некодос оз туй.

Петис Ёмутыд өдзёсөд да эз бергөдчыв бөрлань. Порог вомён шуйга кокөн воськовтөма, став мичасө да бурсө керкасьыс киняулас кватитөма-босьтыштөма. Нинём киас абу, да уна нуө. Став шудсө-чассьёсө керкасьыс петкөдөма. Нуө да пиньтөм вомсө жерйөдлө.

Сөмын рөдыслөн молитваыс вынаджык вөлөма. Ёмалы аслыс жө гөрбас сөлөма. Киыс да кокыс сунисөн гартчөма, кос чуня киясыс гырddзөдз варччөма. Олөмыс тойлалө бокас и бөрсяныс. Со мыйла горзывлө, быттьөкө вөрсалы. Волы пө, волы, да өтлаын кургыштам. Важ коми кыв вылын нимкывсө нургыштам. Вөрсалы Ёмаос дыш весиг кывзыны. Оз пө ков, пасибө, тэнад кодь ызөныд. Кос турун вывтыс асланыд котөртас. Лысытан кө вөрзёдны Пеп рөдлысь котырсө. Зэв ыджыд вына да сьөлөма войтырсө. Төд, кытчө судзласян. Код вылө каттысян.

Ов бурджык, овсьө кө. Китө эн нюжйөдлы. А то гөн вольпасьыд чорыдөн кажитчас.

Нюйтын сөмын лягушалы бур

Тшолкъям*. Олөм-гөрасө мерайтам воськовъясөн. Кыткө ыджыда воськовтам, кыткө джөмдам. Крукасям да чеччам. Синва и радлун пыр корсям асьнымос. Воам сэтчөдз, кысянь заводитчим. Но сы ради колө восьлавны олөм чөж. Сулалысь ваыд нуйтмө, некытчө рымасьтөм** мортыд тшакмө. Нюйтын сөмын лягушалы овны кажитчө.

*Тшолкйыны – мунны

**Рымасьны – писькөдчыны, водзмөстчыны

Эн тэрмась кодыськө либө мыйыськө өткажитчыны

Кор мортыс шуө, мый некор оз бергөдчы татчө, быттьө вундыштө. Сийө быттьө сетө кыв бөр на волены. Мыйлакө виччысян нин, кор сийө тотшкөдчас бөр.

Унаысь нин тадзисө овлис. Вывти унаысь. Тааак, мися, ещё өти бөр локтысь лоө.

Бөръя кывтө водзвыв шуыськөд мыйлакө пыр тадзи артмө. Шуласны тай, «не говори гоп, пока не перепрыгнешь» либө «никогда не говори никогда».

Вот и став збыльыс.

И некутшөм восьтөм тані абу.

Өнек Дарья

Өнек Дарьялөн пө быттьө мужикыс абу. Өнек Дарьялөн пө челядьыс абу. Өнек Дарьялөн пө быттьө сөмын пон да кань. Накөд и сёрнитө.

Өнек Дарья пө төвнас вала көмтөгыс петалө. Өнек Дарья пө быттьө ваыскөд и пуыскөд шөпкөдчө. Өнек Дарья пө выжыласьө.

Өнек Дарья пө быттьө вотчыны ветлөма да ведра тырыс и ноп тырыс кыскө. Өнек Дарья пө быттьө батыслысь лэч туйсө на вөдитө. Сьөла-тарыд пө сылы ачыс дінас пуксьө.

Өнек Дарья пö нимкыв тöдö. Өнек Дарья пö быттö унаос кок йыв сувтöдöма. Өнек Дарья пö аслас вынөн сиктсö шызьöдöма.

Өнек Дарья пö, висьталöны, сёрнитны дугдöма. Өнек Дарья пö быттö кувны лöсьöдчöма. Өнек Дарья пö, тöдöны, пöслöвича туйö овны мудзöма.

Өнек Дарья пö нывтöм-питöм, да керкаыс дöзьöра мыйлакö сулалö. Быттö абу и кувлöма сэки. Шуысьыслөн да вöйпысьыслөн тай, эскы кöть эн, оланіныс пустошитчöма. Вöрсö да васö видзöмыс да бур вöчöмыс тай Өнек Дарьялөн абу вушйöма, абу быгдöма. Сылөн миян олöм вылö аслас спровора видзöдласыс сикт олöмас югыд пасён кольöма. Он на, гашкö, вензы.

Өнек Дарьяос пö öні быттö быдөн бурөн казтывлöны. Спровора ань понда весиг син-ва на пычкывлöны. Эз пö коль тай ассьыс бурдöдан сямсö некодлы, жалитöны. Аскöдыс пö мöдарьюгдö нуöма, шензьöны-дивуйтчöны. Быттö ловъя дырйиыс кодкö юасьлöма да сибöдчывлöма.

Быттö вермана дырйиыс кодкö морös бердас кутыштлöма, шонтыштлöма-отсыштлöма да юрöдыс малыштлöма-мольöдлöма. А тані казтыштöма бурөн. Оз ставыс вушйы.

Кага чин усьöма

Дзоля Митяйлөн пö кага чиныс усьöма. Усьöма-вошöма, пызан улö тупыльтчöма, пöлать костö турбыльтчöма, каньлы гöнас пысасьöма! Абу дай сё! Час, крöвать улö копыртчывла, джаджйöдз судзöдчывла, залавкаö дзумгысьла. Грым-грам, гири-люки джоджö лэччис ка-гайд. Крусталь юр кö вöлі, пасьмуніс да торпыригасис. Зонка винёв көр моз тубыртчис-та-быртчис, ошпи моз гöгыльтчис, юр пыдös гыжйыштіс и ыджыд мам дорас триньки-бриньки кага кокнас лым вылö кок туй коляліс. Ыркöдчис-пыркöдчис, лым толаö сунліс, йи торйöдз кынтысис. Бара нинöм эз сюр. Некутшöм кага «син» некытчö абу усьöма.

Ыджыд мамыс дорö пырис, ёна нин гажыс бырис, топöдчисны, лапöдчисны. Гöна гач гил-голя пач костö öшöдісны – тувсов шор пач дорö визувтіс. Но кага «син» ту ни бу саялöма. Ыджыд мамлысь Митяй юаліс, ыджыд мамыс сераліс. Ыджыд батылы сетіс вопрос, ыджыд бать и мыччис рос. Час пö ми тэ пытшкысь кага чин пыркöдам. Ноко пö, будимер детина, этайö лайкыд зыбкаас нюжöдчыв. Зонка эз гөгөрво ни эз кыв. Брунвидзö-сулалö. Вай пö, дедö, эн дур, менсьым эн янöд юр. Татчö пö öні Катьö чойös пуктам да дзуркйыны кутам. А менам пö кага чинöй кöні? Вот пö, детина, кага чиныд тэнад зыбкасяньыд и усьöма. Öні пö тэ абу кага, а ыджыд вок. Ывлаö чышкысьны котöртам лок. Кытчöдз сöмын на войтыштöм чоюкыд аслас ыджыд кага чинөн эз на во.

Мед пö кага чинсö сэсса сійö дзуркъяс. Кытчöдз тэнад моз оз прöступит, оз усь. А ми тэкöд салдатпуяс, даддьö сöлам да гöра горув уснитам, бöрсянь мед толькö буснитас. Сійö и аддзывласны. Миянлы кага чин усьöмыд кос паренча да тшаква. Всё пöрадки.

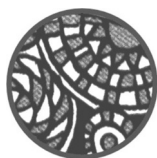
Курав-карав бурсö

Курав-карав бурсö да кумö тэч. Мед олö. Коркö сгöдитчас. Коркö бергöдчас. Коркö шыöдчас. Кума-камакылöмыд нö мый. Дрöбйөн сьöласьöм. А тэ видз. Донатор пыдди на видз. Эн шыбит. Важ бурнас. Тэныд тырмымөн. Пыстöм ем дон оз сулав печика кывйыд. Чуктö. Олöмыд ачыс тöдö. Öлöдас. А тэ видз. Кыв эн шу. Бурөн бергöдчас. Вежöрав.

Блудн  й пил  н берг  дч  м

Но, с  сся-й кывзы дай пель саяд и сюркняв, дона ва пыр аддзысь  й да би пыр петысь  й, да ол  м пестысь-бабитысь, нимкыв  й  н с  рнитысь-баитысь. Т  над кывьясыд п  т  са нянь  н пызан пель  с   т  ч  ма да мича блюд  й. К  н  бай  с   н кывзы. К  н  баитысь вомысь пет  м кыв  йыд му   сат  ш   да ва   в  й  .

Чышъян помад г  р  да крукыля гиж  дтор дзеб  ма-сай  д  ма й  з синвидз  гысь да ыл  га вомысь. Тай   гиж  дыс   ти бабитчысь  н. С  н   кага г  г гартыш  ма-таб  ма, молит  ма-крестит  ма. Кагаыс ыджыд морт   во  ма да гортас абу и вол  ма. С  сся кывзы, дитя. Вот. С  сся мортыд   ськ  -й лок  ма да. С  сся лок к  ть   н. Мамыс гу   баб  ма, да батыс с  мын коль  ма. Ме п   т  н   виччыси, батыс шуас, да г  г   тубрасын видзи. Но п   с  сся, блудн  й пи  й, мен   кывзышт неуна. Юрт  , друг  , копыртышт да во сыра земля вый  дз. Пр  стит п   мен  , бать  , да пр  стит п   мен  , мам  . Уна туйяс талял   да аслам т  пеня кок  н, аслам кумач д  р  м  н да н  шта гора гуд  к  н. Туй   п   и-й талял   дай гортлань шывги-м  д  дчи. Ыджыд воськола кок  н да ыджыд думъяса юр  н. Ыджыд думъяса юр  н да ноп тыр с  вт  м г  снеч  н. Но п  , пи  , здравству  шь да. Менам с   л  м дойдысь  й. Гортад туйыд восьса на да с   майбыр  й, майбыр  й. Ен к   таdzi гиж  ма да, чужан гортыд примитас. Шонтас да бабитас да. Благ  сл  витас. Сылы абу руга. Сылы абу водз  с. Бать с   л  м   т  ран. Мам с   л  м  д м  даръяугыдсянь аддз  . Вот на   д   щ   кутш  м мам учасьтыд. Мамыдлы т   векся с   л  мш  р. Й  злы ошканаыс и син сайын пошканаыс. Вот таdz.

ЗЫРЯНСКИЙ МИР:

визуальная этнография коми

Татьяна Алексеевна Пьянкова – заведующая отделом этнографии Национального музея Республики Коми. Лауреат премии Правительства Республики Коми (2003). Заслуженный работник Республики Коми (2011).

Ирина Александровна Канева – хранитель музейных предметов Национального музея Республики Коми.

Игорь Олегович Юлдашев – младший научный сотрудник Национального музея Республики Коми.

Коми семья в фотографиях

*«Утиной же мы были
Красивой стайкой.
Гоголей ведь мы были
Красивой семейкой (гнёздышком)»¹*

Наш рассказ основывается на музейной экспозиции «Традиционная культура народа коми в обрядах жизненного цикла конца XIX – начала XX века» и семейных фотографиях коми XX века, которые, в том числе, никогда доселе не публиковались.

«И землю создал Ен. И появился вольный свет. И на вольном свете Адам появился, и Емва появилась. И они вместе стали жить»² – так начинается история первой семьи у ранних коми-христиан. В конце XIX – начале XX века в мировоззрении народа коми семья являлась одной из важнейших ценностей человеческой жизни.

Выбор пары

По представлениям коми, мужчина и женщина должны встретить в жизни суженого или суженую и продлить крестьянский род, создав семью. Парни и девушки могли познакомиться, присмотреться друг к другу, выказать своё внимание во время зимних посиделок, а также во время гуляний, которые устраивались в дни православных праздников. Игры молодёжи на этих гуляниях представляли собой ритуал выбора будущей «половины».

На снимках С. И. Сергеля³ запечатлена группа девушек и парней в праздничных одеждах и с гармониями. Перед нами потенциальные женихи и невесты из д. Бадь-юль и жених из починка Югыт-ты-дор. На нём костюм из фабричной материи и на ногах кóты – самодельная обувь из кожи с опушкой из белого сукна (**фото № 1-2**).

В своих зарисовках Сергель описывает повседневную жизнь вычегодской коми молодёжи: «Спит не вся деревня. Из конца её доносится стройный хор девических голосов. Песня звучит чрезвычайно красиво, мелодия льётся свободно и гармонично. Толпа девушек проходит по улице мимо окон

Фото 1. Группа девушек и парней в д. Бадь-іоль в праздничных одеждах. Вологодская губерния, Усть-Сысольский уезд, Помоздинская волость, д. Бадь-іоль. 1906 г. РЭМ 984-90. Автор: С. И. Сергель.

Фото 2. Тип зырянского парня с гармонией-итальянкой. На нём костюм из фабричной материи и на ногах кѳті – самодельная обувь из кожи с опушкой из белого сукна. Вологодская губерния, Усть-Сысольский уезд, Помоздинская волость, починок Югыт-ты-дор. 1906 г. РЭМ 984-72. Автор: С. И. Сергель.

и скрывается за поворотом селения. Песня замирает вдали. В доме напротив звякнула дверь, и молодой парень со всех ног пустился бежать вдогонку за девушками»⁴.

В Ильин день в коми деревнях молодёжь делала дудки, свистульки, чипсаны. Под эту музыку все весело пели и плясали. «И голос мой звучит как лебединая дудка в Ильин день, и радостно свистеть мне в эту дудочку» – поётся в народной песне.

В этом контексте любопытна фотография «Девушки играют на чипсанах», отражающая традицию игры на многостольных флейтах у коми-зырянок. Активно и публично начинали играть на чипсанах в период девичества и молодости, когда девушки, по народным представлениям, наполнялись особой жизненной силой (**фото № 3**).

Во время посиделок много пели, плясали, молодёжь разыгрывала сцены и игры, которые давали возможность найти свою пару, кому на год, а кому на всю жизнь.

Взаимные симпатии молодёжи принимались во внимание, но решающее слово принадлежало родителям, собиравшим для окончательного решения семейный совет. Регулятором поведения молодёжи при выборе супругов являлась внутренняя убеждённость православного человека в необходимости получения родительского благословения⁵.

Фото 3. Девушки играют на чипсанах. с. Объячево. 1939 г. (Фото из Научного архива Коми НЦ УрО РАН).

Свадьба у коми

У коми крестьян (как и у русских) общепринятыми были представления об обязательности вступления в брак. Во многих коми народных пословицах выражена мысль о необходимости супружества: «без гнезда, одинокой, живёт только кукушка» (позтӧг, ӧтнасӧн, сӧмын кӧк олӧ)⁶, «каждая птица ищет себе пару» (быд пӧтка аслыс гоз пӧв корсьӧ)⁷.

За встречей мужчины и женщины, когда они сумели увидеть друг в друге божественную красоту, следует их соединение. Свадьба – важнейшее событие жизни, потому что двое, почувствовав себя единым целым, могут наполнить радостью весь мир. В земной жизни очень непросто сохранить эту радость и красоту, поэтому у коми, как и многих народов, свадебный обряд превратился в сложное действо, включавшее в себя множество церемоний. Каждый ритуал был направлен на то, чтобы обеспечить в жизни молодых гармонию земных и небесных законов, а стало быть, «благополучие» крестьянского рода.

Свадьба – очень яркий и важный момент жизненного пути человека. Коми свадьбе посвящена монография Ф. В. Плесовского «Свадьба народа коми». Именно на неё мы и будем опираться в данном блоке.

Фото 4. «Зонорд» - «У парня». Жених и его родственники в гостях у невесты накануне свадьбы. Автономная область Коми (Зырян), Ижмо-Печорский уезд, с. Сизябск. 1929 г.

В коллекции Национального музея имеются три уникальные фотографии, позволяющие окунуться в историю и таинство обряда наших предков. Эти снимки – важнейшие исторические документы, отображающие культурную специфику быта и свадебного обряда у коми.

Свадебный обряд коми, будучи христианским по форме и содержанию, имел множество схожих черт с русской свадьбой⁸. Вместе с этим единой коми свадьбы не существовало⁹. У каждой этнографической группы коми свадьба имела свои характерные черты в ритуально-обрядовом комплексе.

Фотография «Зонорд» – «У парня. Жених и его родственники в гостях у невесты накануне свадьбы» отображает уникальный обряд ижемских коми (**фото № 4**). Ф. В. Плесовский пишет: «В то же время в русской свадьбе (кроме устьцилёмцев) вовсе не известна такая существенная деталь, как ижемское зонорд, гощение у жениха, которое в обряде свадьбы занимает большое место и в других районах коми (Шошка и Кочпон по Сысолье, Сторожевск, Вишера по Вытегре)»¹⁰.

Зонорд происходит в канун свадьбы («ыджыд ки» или «вöйпсьöм»). Утром жених с дружкой приходят к невесте с подарками и вином, а она дарит жениху материал для рубахи. На фотографии мы видим родственников жениха, а сам жених, вероятно, находится где-то в левой части снимка. Таким образом, здесь мы наблюдаем начало обряда «зонорд». Согласно Плесовскому, дальше произойдёт следующее: после угощения гости покидают дом, а жених с дружкой остаются, приглашая девушек и парней от невесты в гости к жениху. Невесту уводят в другую комнату, где она продолжает причитать. Гостей, посланных невестой, жених встречает на крыльце, кланяясь им, и затем приглашает в избу. Здесь гостей угощают, после чего девушки поют песни и воспевают жениха. С гостин-

Фото 5. Молодожёны в день свадьбы. Гуляев. Открытка почтовая «Коми свадьба». Автономная область Коми (Зырян), Ижмо-Печорский уезд, с. Мохча. 1929 г.

цами жениха возвращаются к невесте. По пути в форме причитаний описывают, как принимали их у жениха и чем угощали¹¹.

Фотография «Молодожёны в день свадьбы», как и предыдущая, была сделана в 1929 году, что уже представляет огромную ценность (**фото № 5**). На заднем плане фотографии мы видим женщин в ижемских костюмах – видимо, родственниц невесты. Мужчину жениха обнимающего невесту. Рядом с ними сидят священник и, возможно, дружка жениха. Реконструировать свадебный ритуал (или его часть) на ней не представляется возможным. Тем не менее, очень вероятно, что венчание уже состоялось и пара, по ижемской свадебной традиции¹², прибыла в дом жениха.

Данные фотографии представляют особый интерес ещё и потому, что сделаны они после Октябрьской революции, но, как мы видим, традиционный свадебный обряд (христианский по форме и содержанию, с вкраплением, по-видимому, дохристианских обрядов коми) ещё оставался жив, несмотря на мощную антирелигиозную политику раннесоветских властей.

Фотография «Жительница с. Дон Усть-Куломского района в свадебном наряде» – поздняя (1946 год) и представляет большой интерес ввиду одной особенности свадебного наряда, а именно – двух покрывающих голову платков, чьи кисти закрывают лоб женщины (**фото № 6**). Фёдор Васильевич, описывая ритуал одевания невесты к венцу в Усть-Куломе, пишет следующее: «<...> Жених достаёт из ящика шёлковый платок, вытряхивает из него пыль и накрывает им невесту. Голову невесты закрывают двумя шёлковыми платками (один из них – женихов), втыкают в эти платки (на затылке невесты) иголку без ушка и нательный крест (перна), нитку нательного креста подкручивают вокруг иголки. (Если невесте куда-либо надо выйти, то, не перекрестившись, она не выходит, чтоб не околдова-

Фото 6. Жительница с. Дон
Усть-Куломского района в
свадебном наряде. 1946 г.

Фото 7. Семья Чупровых – Ивана Клементьевича и Натальи Малафеевны
(Семья певунов, сказителей и исполнителей народных песен). Республика
Коми, Усть-Цилемский р-н, дер. Боровская. 1946 г.

ли её колдуны)»¹³. Можно предположить, что данная особенность наряда напрямую связана с ритуалом венчания. Стоит упомянуть и то, что платок (шёлковый и кашемировый) очень часто фигурирует во множестве свадебных ритуалов коми.

Есть в музейной коллекции фотографии, отражающие и различные аспекты культуры русских старообрядцев Нижней Печоры: семейную обрядность, особенности быта этноконфессиональной группы устьцилемов второй половины XX века.

Особенно интересны фотографии, на которых запечатлены золотые свадьбы супругов Тороповых, Бабиковых, современный свадебный обряд, образцы семейных фотографий, в том числе певунов, сказителей, исполнителей старинных песен (**фото № 7**).

Показательна фотография «Жёны богатых оленеводов» (**фото № 8**). На ней запечатлены устьцилемские женщины с детьми в традиционных костюмах: в рукавах, парчовых сарафанах и коротёнах.

Фото 8. Жёны богатых оленеводов в парчовых одеждах. с. Усть-Цильма. 1914 г.

Традиционная коми семья

Основным хранителем языка, традиций, источником продолжения жизни является семья. Вместе с этим традиционная семья немыслима без детей. Народ коми выработал свои специфические, только ему присущие формы народной культуры. Это наглядно демонстрируют уникальные «семейные портреты» – фотографии конца XIX–начала XX вв., размещённые в экспозиции отдела этнографии Национального музея Республики Коми:

«Семья». Автономная область Коми (Зырян), Усть-Куломский уезд, д. Сарьюдин. 1926 г. Автор: Л. Л. Капица (**фото № 9**);

«Пара в национальных костюмах коми». п. Якша. 1935 г. (**фото № 10**); «Коми-зыряне. Муж и жена. Жители Усть-Сысольского уезда. 1908 г.» (**фото № 11**); «Крестьянская семья. Супруги Шехонины». с. Лойма. 1914 г. (**фото № 12**).

На изменение и сохранение статуса женщины в семье влияло, прежде всего, рождение ребёнка. Если бездетная молодуха называлась «выль монь» – «новая сноха», с рождением ребёнка её начинали называть просто «монь» – «невестка, сноха». Вдовы с малолетними детьми признавались обществом главами семейств и на мирских сходках, в отличие от бездетных женщин, имели полноценное право голоса. А вот бездетные вдовы в неразделённых семьях при отсутствии завещания имели право, в лучшем случае, только на седьмую часть движимого и на четверть недвижимого имущества, полагавшегося мужу, и на принесённое ею приданое. Бесплодие повсеместно расценивалось как большое несчастье, результат порчи или наказание супругов за грехи. К внебрачным же детям отно-

Фото 9. Семья. Автономная область Коми (Зырян), Усть-Куломский уезд, д. Сарьюдин. 1926 г. РЭМ 4860-46. Автор: Л. Л. Капица.

сились терпимо: «коли у девушки есть незаконнорожденные дети, значит, девка ядрёная, дородная, работников для семьи может дать, и тем скорее возьмёт её за себя любой парень»¹⁴.

В старину семьи коми крестьян были большими, иметь 5-8 детей считалось нормой. Конечно, родители желали, чтобы дети росли здоровыми, поэтому ещё до родов беременную женщину оберегали, но не столько от тяжёлой работы, сколько от «сглаза» и «порчи». Крестьянское хозяйство требовало много времени и сил, поэтому за малышами присматривали обычно старшие дети и старики. И хотя житейские заботы почти не оставляли времени для проявления материнской любви, о нежных чувствах говорят колыбельные песни, пестушки, сказки. Исследователь Н. Слепчина отмечала: «Показательны в этом плане словесные обращения, которые не оставляют сомнений в желанности детей в семье коми и характеризуют стиль отношения родителей к детям как заботливо-тёплый, создающий благоприят-

Фото 10. Пара в национальных костюмах верхнепечорских коми. 1935 г. Наряды коми национального костюма апрель 1935 г. Из архива Печоро-Илычского гос. заповедника. п. Якша (надпись на об.).

Фото 11. Коми-зыряне (открытка).
Муж и жена. Жители Усть-Сысольского
уезда. 1908 г.

Фото 12. Крестьянская семья. Супруги
Шехонины. с. Лойма. 1914 г.

ный эмоциональный фон для их развития. Об этом свидетельствует большое количество ласковых обращений, закрепившихся в коми языке, их богатая образность..., а также табуирование грубых бранных слов в общении с маленькими детьми»¹⁵.

Следующие фотографии посвящены ижемским семьям.

На снимке, сделанном в 1911–1912 годы, запечатлены печорские семьи оленеводов (**фото № 13**). Чётко прослеживаются особенности традиционного костюма, распределение ролей внутри семьи. Мужчины-олeneводы, стоящие на заднем плане, своим внешним видом показывают, что именно они отвечают за благополучие, достаток и вообще возможность жить и выживать в тундре.

Фотография «Оленеводки в Большеземельской тундре. Около чума стоят женщины с детьми» отражает семейный уклад жизни коми-ижемцев (**фото № 14**).

На следующей фотографии «Семья оленеводов» мы видим родственников потомственного оленевода Фёдора Хатанзейского: мужчину в малице и тобоках, который держит в руках хорей, рядом пожилую женщину с ребёнком на руках, пожилого мужчину в шапке-долгоушке, молодую женщину в традиционной одежде (**фото № 15**).

Далее представлена фотография «Семья в чуме», сделанная в 1967 году и запечатлевшая маму с двумя детьми в женской половине чума. Когда дети вырастали и хотели создать семью, они ставили себе новый чум (**фото № 16**).

В музейной коллекции имеются семейные портреты разных этнографических групп коми.

Фото 13. Семьи оленеводов. Бассейн р. Печоры, Архангельская губерния. 1911–1912 гг.

Фото 14. Оленеводки в Большеземельской тундре. Около чума стоят женщины с детьми. Август 1966 г. Автор: Г. В. Кмит.

Фото 15.
Семья оленеводов. Коми
АССР, Ижемский р-н,
с. Ижма. 1950-е гг.

Снимки, выполненные учёным Л. Л. Капицей¹⁶ в сёлах Помоздино и Щугор в 1926 году, раскрывают не только тему праздничных костюмов, но и показывают значимость большой коми крестьянской семьи (**фото № 17-18**).

На следующих фотографиях показана зырянская семья среднего достатка и зажиточная (**фото № 19-20**). С. И. Сергель, работая в 1906 году на территории Помоздинской волости, запечатлел на этих снимках ценнейший антропологический и этнографический материал.

Коллекция А. С. Сидорова позволяет составить представление об антропологии, жилище, способах хозяйствования и культуре населения бассейна р. Вымы в 1920-е годы. На снимках запечатлены крестьянские семейства (**фото № 21-22**).

Интересен снимок, на котором изображена семья в традиционных костюмах летских коми (**фото № 23**). Ритуальная свадебная рубаха на мужчине. Головедеч – головной убор невесты (на девушке слева).

Фото 16. Семья в чуме. Оленьсовхоз комбината
«Воркутауголь». Ямало-Ненецкий автономный округ.
Август 1967. Автор: И. И. Юдаш.

Фото 17. Семья в праздничных костюмах на крыльце избы. Автономная область Коми (Зырян), Усть-Куломский уезд, с. Помоздино. 1926 г. РЭМ 4860-54. Автор: Л. Л. Капица.

Сорока – женский головной убор и мошь перна – нагрудное украшение (на женщине справа). Ценность подобных фотографий заключается в том, что на них можно обнаружить впечатляющие разновидности традиционной одежды, кроя сарафанов и рубах, узоры вышивки, виды декорирования нагрудных украшений, головных уборов.

В бассейне р. Летки и в верховьях р. Лузы свадебные мужские рубахи из белого холста украшались тонкой вышивкой, выполненной нитями красного цвета. Местное название орнаментального мотива – «перна» – нательный крестик. На груди и спинке рубахи также имелась вышивка, которая имитировала кресты. У. Т. Сирелиус¹⁷ зафиксировал местное название мужской свадебной рубахи: «сийёса йёрдös – хомутовая рубаха»¹⁸. Хомут – символическое обозначение невесты. В свадебной обрядности орнаментированные изделия использовали для одаривания невестой жениха и его родственников. В сёлах бассейна р. Летки таким подарком могла быть ритуальная «хомутовая рубаха» как символ единения и продолжения рода.

Фото 18. Семья в праздничных костюмах. Автономная область Коми (Зырян), Усть-Куломский уезд, с. Щугор. 1926 г. РЭМ 4860-49. Автор: Л. Л. Капица.

Фото 19. Семья зырянина среднего достатка. Вологодская губерния, Усть-Сысольский уезд, Помоздинская волость, д. Бадь-юль. 1906 г. РЭМ 984-94. Автор: С. И. Сергель.

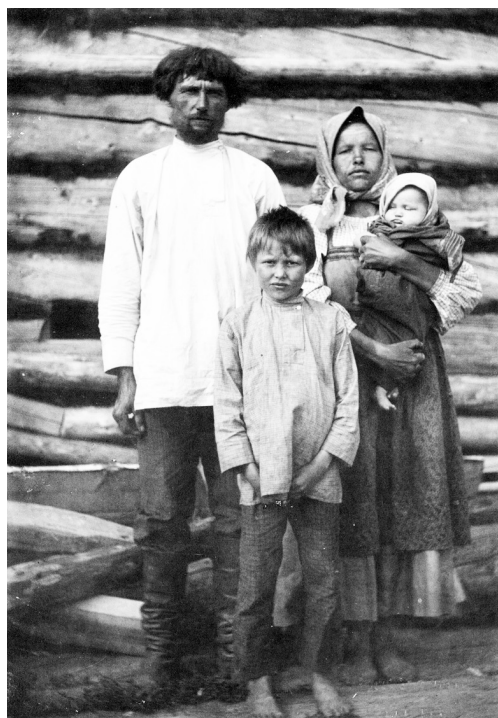

Фото 20. Семья зажиточного зырянина. Вологодская губерния, Усть-Сысольский уезд, Помоздинская волость, починок Югыт-ты-дор. 1906 г. РЭМ 984-93. Автор: С. И. Сергель.

Фото 21. Семья. Кон. 1920-х гг. Автор: А. С. Сидоров.

Фото 22. Коми семья. 1920-е гг. Автор: А. С. Сидоров.

На женщине справа (**фото № 23**) нагрудное украшение. «Согласно полевым материалам финского этнографа У. Т. Сирелиуса, в начале XX века коми женщины нередко носили на груди не один, а сразу три нательных креста в качестве центрального элемента моль перна – нагрудного украшения из бус. Примечательно, что в последнем случае крест носился не на теле, а поверх одежды»¹⁹.

Рассмотренные фотографии коми и русских семей создают визуальный образ и отражают мир семейных отношений, основные модели супружеских и детско-родительских отношений. Выраженный в фотографиях образ жизни запечатлённых людей и их будничные и праздничные практики характеризуют черты эпох и их смены.

Все эти снимки – важная часть исторической и культурной памяти. Регистрируя специфику материальной и духовной культур, они образуют своеобразный коммуникационный коридор между предками и их наследниками, передавая им всю красоту и разнообразие традиционных форм семейной жизни.

Фото 23. Семья прилузских коми. с. Летка. 1930-е гг.

Примечания:

- Осипов, 1986: 58. Цит. по: Ильина И. В., Уляшев О. И. Мужчина и женщина в традиционной культуре коми. – Сыктывкар, 2009. – С. 88.
- Fokos-Fuchs, 1956: 219. Там же. С. 14.
- Сергей Иванович Сергель (1883–1955) – этнограф, путешественник, писатель, автор фотографий, исследователь традиционной культуры коми-зырян.
- С. И. Сергель. В зырянском крае. С. 13.
- Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. Итоги этнографических исследований. Москва: «Наука», 2001. С. 7–35.
- Электронный ресурс [URL: <https://komikyv.ru/node/121>]. Дата обращения: 19.07.2024 г.
- Электронный ресурс [URL: https://vk.com/wall-174559914_7270?ysclid=lyr1ctb0yd40674716]. Дата обращения: 18.07.2024 г.
- Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми (обряды и причитания). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. – 320 с. С. 3–4.
- Там же. С. 4.
- Там же. С. 110.
- Там же. С. 47–48.
- Там же. С. 83.

13. Там же. С. 68.
14. Ильина И. В., Уляшёв О. И. Мужчина и женщина в традиционной культуре коми. Сыктывкар, 2009. – С. 146-147.
15. Слепчина Н. Е. Представления об этапах взросления // Традиционная культура народов Европейского Северо-Востока России: этнографическая электронная энциклопедия. Электронный ресурс [URL: <https://ethnokomi.ru/folk/komi/243.htm>]. Дата обращения: 18.07.2024 г.
16. Леонид Леонидович Капица (1892–1938) – учёный-этнограф, сотрудник Этнографического отдела Русского музея, автор фотографий, исследователь традиционной культуры коми-зырян.
17. Ууно Таави Сирелиус (1872–1929) – крупнейший финский этнограф, автор фотографий, исследователь традиционной культуры коми-зырян.
18. Официальный сайт Национального музея Финляндии.
19. Шарапов В. Э. Нателный крест в традиционном мировоззрении коми. Ставрографический сборник. Книга I / Сб. статей. М.: Древлехранилище, 2001. С. 304.

Список литературы

1. Ильина И. В., Уляшёв О. И. Мужчина и женщина в традиционной культуре коми. Сыктывкар, 2009. – 222 с.
2. Осипов, 1986: 58. Цит. по: Ильина И. В., Уляшёв О. И. Мужчина и женщина в традиционной культуре коми. – Сыктывкар, 2009. – С. 88.
3. Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми (обряды и причитания). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. – 320 с.
4. Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков. Итоги этнографических исследований. Москва: «Наука», 2001. С. 7-35.
5. Сергель С. И. В зырянском крае. С. 13.
6. Слепчина Н. Е. Представления об этапах взросления // Традиционная культура народов Европейского Северо-Востока России: этнографическая электронная энциклопедия. Электронный ресурс [URL: <https://ethnokomi.ru/folk/komi/243.htm>]. Дата обращения: 18.07.2024 г.
7. Шарапов В. Э. Нателный крест в традиционном мировоззрении коми. Ставрографический сборник. Книга I / Сб. статей. М.: Древлехранилище, 2001.
8. Fokos-Fuchs, 1956: 219. Там же. С. 14.
9. Электронный ресурс [URL: <https://komikyv.ru/node/121>]. Дата обращения: 19.07.2024 г.
10. Электронный ресурс [URL: https://vk.com/wall-174559914_7270?ysclid=lyr1ctb0yd40674716]. Дата обращения: 18.07.2024 г.

Литература сегодня

Галина Бутырева: «После «Арта»

“ Путешествия, книги, занятия фотографией, поездки на малую родину, участие в проектах земляков, которые помогают не угаснуть удорской сельской глубинке... Это то, чем сейчас живёт совсем недавно ещё главный редактор журнала «Арт» Галина Бутырева. 12 сентября видный государственный и общественный деятель, талантливый журналист и поэт отметит своё 80-летие. В интервью, которое Галина Васильевна дала изданию в преддверии юбилея, современность тесно переплетается с воспоминаниями, и богатая на события и дела жизнь предстаёт объёмно и ярко.

Путешествия

– Галина Васильевна, вам, пожалуй, может позавидовать любой заядлый путешественник: столько стран и мест вы посетили. А каким было ваше самое первое путешествие?

– Это произошло в пятом классе. Мы отправились на лодках в двухдневный поход. А на следующий год я в этих же местах уже работала на сенокосе. В 9 классе был ещё один лодочный поход в старинное село Лешуконское – в Архангельской области

на границе с Коми. В прошлом году мне подарили книгу «Лешуконские диалекты» – там столько удорских слов! Непонятно, или удорские коми переделали русские слова на свой лад, или же лешуконцы – коми на свой манер. По-соседски...

Потом, в годы учёбы в пединституте, тоже были поездки, но их не назовёшь путешествиями. Наша волейбольная команда выезжала на соревнования в Нальчик, Вологду и так далее.

Ну а первое большое «турне» мы с моей подругой Риммой совершили по

На писательской даче в Лемьё с московскими гостями.

Прибалтике, побывали в Эстонии, Латвии, Литве. Это было тяжёлое для меня время: я потеряла маму, и хотелось куда-нибудь уехать подальше, забыть.

– В прошлом году вышла в свет ваша «Книга путешествий», где собраны путевые очерки и эссе о зарубежных поездках и походах по Коми краю. Очень увлекательно! Однако ведь далеко не все записывают свои впечатления. Вас что на это побудило?

– Да, но в «Книге путешествий» собраны очерки далеко не обо всех путешествиях за границу и по стране. Они написаны в разные годы: что-то по свежим впечатлениям, что-то – много времени спустя.

Ну а самый мой первый путевой очерк – о Японии. К его написанию меня побудил известный сыктывкарский путешественник Сергей Горбунов. Он принёс в редакцию «Арта» свой рассказ, и я подумала: а почему я не пишу? Мне тоже

есть что вспомнить. Села и написала о Японии. Очерк назывался «Там, где корни солнца».

– Что это была за поездка?

– Однажды в Москве я попала на выставку «Современность и традиция японского быта». И с той поры заболела Японией. Контраст с нашей обыденностью просто ошеломлял. От древних самурайских мечей до суперсовременной электронной техники – всё это было развёрнуто в нескольких залах. Я тогда подумала: «Что же это за страна? Инопланетяне, не иначе». Там демонстрировались такие технологии, каких у нас в стране ещё и в помине не было. В Японии я побывала в 1996 году, когда работала на телевидении.

– Случился культурный шок?

– Шок – да, но я бы не сказала, что это был какой-то «смертельный номер». Удивляешься, радуешься, что человек это

Сборная команда КГПИ по волейболу (60-е годы).

может, и в то же время были надежда и даже уверенность, что и у нас всё это обязательно будет. И ведь так и произошло. Почти всё, что мы тогда в Японии видели, появилось и у нас. Хотя, конечно, во время поездки в основном мы видели только изобилие товаров народного потребления. Наше путешествие было морским – на теплоходе вокруг Японии. Посетили Кагосиму, Хиросиму с её Парком Мира и музеем Атомной бомбардировки, Кобу, остров Милджима, Киото и Токио. В каждом японском порту наш теплоход встречали кто-нибудь из городской мэрии и первая красавица города. А в Токио на палубу поднялись ещё и танцовщицы. Среди них была пожилая женщина, чем-то очень напоминающая мою маму. И рост такой же, и такие же тёмные волосы, и зелёные глаза, и руки, и пластика. Наверное, она почувствовала что-то в моём взгляде, какой-то особый интерес, и мне показалось, стала танцевать только для меня. А после подарила один из своих вееров. Я храню этот веер.

Одним из самых больших потрясений мужчин нашей группы были японские автомобили. Тогда у нас их можно было видеть разве что где-нибудь в Приморье или в Москве. А здесь море «Тойот», «Сузуки», – какие там ещё бывают? И не только мужская часть пассажиров, все! Ох, ах! – просто все стонали вокруг от восхищения и изумления: какое изобилие, как дёшево, как красиво (это, конечно, женщины).

– Обидно было, что у нас не так?

– Разницу в благосостоянии я увидела ещё в самой первой своей заграничной поездке – в Польшу и ГДР. Но это меня никогда не расстраивало. «Значит, мы не заслужили, плохо работаем», – думала я. Потом, когда пришлось бывать в командировках, я пришла к мысли, что они (заграница) будут жить так хорошо до тех пор, пока мы будем жить плохо. Потому что они покупают очень задёшево то, что нам даётся очень дорого, та же добыча полезных ископаемых. Или, скажем, мы выращивали хлопок, продавали его за бесценок и потом покупали у них дорогие хлопчатобумажные платья.

О малой родине и языковой культуре

– Пока вы были на высоком государственном посту, наверное, бывать в родных местах удавалось не так часто, как хотелось бы?

– Я бы чаще приезжала и в тот период, если бы были живы родители. Мои мама и папа очень рано ушли из жизни. Отца не стало, когда я училась в седьмом классе, а мамы – едва успела окончить институт и год поработать учителем в Княжпогостском районе. Мне удалось получить разрешение переехать в родную деревню, потому что мама заболела. В конце года она умерла.

Родни у нас в Ёртомe почти никого не было, мы же – приезжие. Я в семье – един-

ственный ребёнок, поздний. У отца от первого брака было двое сыновей, но мы мало общались из-за большой разницы в возрасте. У родителей разница в возрасте составляла 13 лет. Отец умер от сердечного приступа в 53 года, и мама умерла от рака, чуть не дожив до 53-х.

Сказались военные годы, тяжёлый труд. Отцу, когда началась война, было уже 40 лет. Его мобилизовали, но вскоре вернули по состоянию здоровья. Мужчин в районе не хватало, и отца из Важгорта отправили в Ёртом, чтобы он там организовал отдел рабочего снабжения для леспромхоза. Грузы он возил сам, мама ему помогала, а ещё пекла хлеб и смотрела за лошадьми. Сами содержали четырёх лошадей. И сено сами для них заготавливали.

В 50-е годы необходимость в ОРСах отпала, отец ушёл с этой работы и ещё несколько лет трудился завхозом в больнице. Помню, я была у него на подсобных работах, когда он ремонтировал больничную крышу, помогала строить ограду.

– Раз родители были приезжими, своего жилья у вас не было?

– Да, сначала жильё снимали у семьи Ершовых, в этом доме родилась я. Потом

родители стали снимать комнату у женщины, которую я называла бабушкой. Своих бабушек почти и не знала. А дедушек и вообще не застала. Её сын – фронтовик, после войны работал в райкоме, бабушка Анна и пустила нас в одну из комнат. А потом отец построил свой дом. Это был наш первый собственный дом. К сожалению, жили мы все там недолго.

– В деревнях тогда звучала исключительно коми речь. А по-русски вы когда научились говорить?

– Интерес и тяга к русскому языку были всегда. Почему? Может, потому что приезжали русские специалисты – врачи, например. Причём они сами быстро осваивали коми язык, а вот местное население по-русски говорило кое-как. Мне кажется, ещё и потому я быстрее других освоила русский, потому что очень любила читать. А книг на коми языке почти не было.

– Нынешний Ёртом сильно отличается от прежнего?

– В смысле языка? Разница большая. Сегодня мало кто не говорит по-русски. Но всё население продолжает общаться на коми, кроме, увы, детей, дети уже го-

*На встрече с читателями
в Молодёжной библиотеке
(Сыктывкар).*

ворят только по-русски. Носителей коми языка становится всё меньше. Возможно, это объективный процесс: в мире каждый день умирает по несколько языков, и мы тоже стоим в этой очереди.

В коми языке 10 диалектов. Помню, «на картошке» в южных районах республики мы много коми слов не понимали. А, например, отличие ижемского диалекта – в интонации. У удорских тоже особая интонация, и когда к нам приезжали какие-нибудь инспекторы, то очень сильно хохотали, слушая, как мы читаем по-коми и по-русски. И когда я вернулась из Артека, прочитала на уроке текст, учительница русского языка сказала: «Вот так надо читать».

– В Артек попали как отличница?

– Я не была отличницей. Ребят собирали со всего района. Из райцентра позвонили и предложили нашей школе одну путёвку в Артек. Выбрали двух лучших учеников – меня и мою одноклассницу Римму Борисову. Но оказалось, что поездка была не полностью бесплатной, надо было внести плату за дорогу, а по нашим деревенским меркам и эта плата показалась нереально большой. И Борисовы отказались. А мне повезло! Как раз из Воркуты приехал в отпуск мой сводный брат Вадим, и он в два счёта решил эту почти неразрешимую задачу: «Я дам денег, пусть Галя едет». И я поехала.

До райцентра добирались по старому тракту на телеге, потом летела самолётом из Кослана до Княжпогоста, где меня никто не встретил, пришлось самой искать дом наших знакомых. Поезд ушёл без меня! Мой отец, говорили, даже заплакал, узнав, что меня потеряли. Но, к счастью, всё закончилось хорошо.

Опоздала, оказалось, не одна, и нас с интинкой Тамарой Купченко сопровождали на поезде до Москвы, а дальше мы добирались сами. В артековской группе я была единственной коми. Но проблем с общением с детьми не возникало. Тем более, что

там были и латыши, и таджики. А они по-русски говорили гораздо хуже меня.

– Сейчас, когда приезжаете на родину, где останавливаетесь?

– Если в Ёртом, то в основном у библиотечкарей. Или в посёлке Солнечный, он находится в 15 километрах от Ёртома. Там живёт мой двоюродный брат Гелий Иванович Юдин. Обычно приезжаю не одна, привожу с собой гостей, и он всех принимает и размещает. Кстати, ёртомские земляки тоже всегда очень радушно принимают, с кем бы я ни приехала!

Книгоиздание

– Некоторые из проектов вы начинали ещё в «Арте». Расскажите, как рождались идеи и как получилось их воплотить.

– Мы стали заниматься изданием книг почти с самого начала существования «Арта». Первыми стали два больших альбома с работами Татьяны Васильевой и моими стихами. Любой альбом – это очень непростое издание, тем более в цвете.

– Издательское дело требует финансирования...

– Да, и чтобы издать книги, искали спонсоров. В том числе я обращалась к Юрию Алексеевичу Спиридонову, он звонил, и спонсоры находились. Первый Глава республики был неравнодушен к культуре. Вообще он был уникальный человек. Не знаю, читает ли кто-то из нынешних руководителей наши книги, а Юрий Алексеевич читал все, он даже редактировал Атлас Республики Коми, вносил важные поправки: «Об этом не сказано, это забыли».

Юрий Спиридонов очень хорошо относился к Татьяне Васильевой и, конечно, помог нам с изданием альбома. И первого, и второго. Я никогда не злоупотребляла своими связями, не считала, что мне обязаны помочь, но помощь почти всегда приходила. Самому «Арту» тоже помога-

ли многие. Иначе, может, и не выжили бы. Далее мы выпустили трёхтомник произведений Геннадия Юшкова, трёхтомник стихов Альберта Ванеева и трёхтомник поэзии Надежды Мирошниченко. Это уже по социально значимой программе.

Следующим изданием стал «Удорский альбом». Много лет в наших краях творил знаменитый русский художник Владимир Стожаров, один из живописцев – первооткрывателей Севера. С ним в экспедициях работала когорта больших мастеров. И мы решили издать альбом этих работ, которые сейчас хранятся в крупнейших музеях страны, в том числе в Третьяковке. Следом за этим альбомом появился «Ёртомский альбом» – сельские активисты пособирали фотографии. Николай Вахнин поработал над качеством снимков. И сегодня есть фотолетопись села. Сейчас в селе идёт сбор фото уже для второго альбома. Пока я не в курсе, как у них дела, но если понадобится какая-то помощь, буду рада помочь.

У меня довольно много всяких почётных званий, наград. И каждый раз, когда мне вручали очередную награду, у меня было ощущение, что я должна теперь её отрабатывать. Вручили-то за уже сделанное, а мне казалось, что это аванс. Поэтому и прежде, и сейчас я стараюсь как-то отрабатывать свои «долги»...

Ёртомские проекты

– На «Ёртомском альбоме» мы не оставались. Допустим, к нам приезжают художники Татьяна Васильева, Екатерина Ушанова, рисуют наше село и дарят работы, а мы за свой счёт выпускаем небольшой буклет. Это запечатлённое время, запечатлённый образ деревни.

Или, например, я по просьбе земляков пригласила Людмилу Михайловну Дымову, которая в своё время работала с Александром Католиковым, обучала ребят премудростям сельского хозяйства, помочь облагородить территорию вокруг на-

шей церкви. Она приехала вместе с внучкой. Анастасия Пименова учится в СГУ на дизайнера, и, пока бабушка консультировала сельчан, девушка сделала зарисовки села. Их мы тоже издали отдельной брошюрой. С этой поездки Настя вернулась в университет с альбомом своих работ.

С этих встреч с художниками, может быть, и началась наша сельская художественная галерея, и теперь ей уже скоро три года исполнится. Это лично для меня очень значимо, что не только ёртомские, но и дети со всего района могут воочию знакомиться с картинами очень многих наших известных художников. Галерея «Кыргорт» пополняется. Нам дарят свои работы художники и наши гости. Огромное им спасибо!

– Вы ведь причастны и к открытию городской художественной галереи в Сыктывкаре.

– Идея пришла, когда я ещё работала в «Арте». У нас есть Национальная галерея, но нужен выставочный зал, где мог бы показывать свои работы более широкий круг живописцев. В следующем году картинной галерее «Пейзажи Севера» исполнится уже десять лет. Спасибо тогдашнему мэру города Ивану Александровичу Поздееву, к которому я обратилась с этой идеей, и он поддержал меня. Тогда как раз освободилось помещение аптеки на улице Чернова, и он распорядился отдать его под художественное пространство.

Галерея была приписана к городской школе искусств, менялись руководители, что, конечно же, отражалось на работе не лучшим образом. И только когда городское управление культуры возглавил Владимир Юрковский, он сумел убедить своё руководство в том, что учреждение должно стать самостоятельным, и сейчас это настоящая галерея со своими штатами, планом выставок.

– А где картинная галерея в Ёртом разместились?

В сельской галерее «Кыргорт» (с. Ёртом, Удорский р-н).

– Сельскую галерею разместили в двух пустующих комнатах, которые оказались у библиотеки. Прежде там пустовало ещё одно помещение, и я сначала увезла туда свою библиотеку с мебелью и аппаратурой. А потом и идея галереи нашла поддержку у моих земляков.

– Гости стали приезжать в Ёртом чаще. Почему?

– Потому что здесь стали проводить интересные мероприятия. Первая «движуха» случилась в 2011 году, когда мы пригласили в село лагерь «Паломник» с ребятами при Гимназии искусств. Под руководством

Сергея Таскаева они уже занимались восстановлением храмов и с готовностью откликнулись: приезжали три лета подряд, жили в палатках и сделали очень много, чтобы привести Ёртомскую церковь в порядок. Народ смотрел, удивлялся: «Зачем это они делают?» А потом и сами пришли помогать. Возможно, с этого момента началось движение в душах людей: «Приехали дети, восстанавливают церковь, а мы сами ничего не делаем». Понятно, что многие сельчане ездят на работу в Благоево, Усогорск, райцентр и бывают дома только на выходных, и тем не менее! Однажды они взялись и организовали спортивный

На республиканской выставке в ТРЦ «Июнь» с рекламной акцией сельского этноспортивного праздника «Кытшьяс» (с. Ёртом).

После совещания, посвящённого предстоящему 100-летию художника Вл. Стожарова у министра культуры РК Г. Р. Идрисовой.

праздник «Кытшъяс». Инициатором его проведения стала тогдашний руководитель местного отделения «Коми войтыр» Алина Ванеева. У неё большой круг общения, и она быстро схватывает идеи. С ней очень легко воплощать все задумки. У неё самой их тысячи.

«Кытшъяс» переводится как «Круги» и соотносится с ландшафтом: в центре – Ёртом, вокруг которого расположены другие селенья. Для гостей проводят экскурсию по этому кругу. Зимний фестиваль практически сразу же приобрёл популярность. По сути, этот праздник – часть Лямпиады. Приезжают команды из других районов, поддерживают друг друга. Я привожу на «Кытшъяс» гостей: из Эстонии, Японии, Москвы, Сыктывкара...

– Среди ваших хобби – фотография и рыбалка. К ним приобщились с детских лет?

– Рыбалка, наверное, в крови у коми. Но раньше она считалась исключительно мужским занятием, женщины не рыбачили. К рыбалке меня приобщил отец. Нельзя сказать, чтобы он был заядлый рыбак, раз

в месяц сходит, и хватит, но любовь к реке, воде, костру мне привил.

Впоследствии все мои путешествия по республике так или иначе тоже были связаны с рекой, с рыбалкой. Когда работала на телевидении, мы отправлялись в походы по северным рекам с коллегами – Мариной Филатовой, Евгением Пендо. В нашей команде были чета художников Куликовых, один раз в поход с нами ходил скульптор Владимир Рохин. Мы много раз сплавлялись по разным рекам с Любой Розе и Виталием Центом.

Фотографией я увлеклась в классе шестом. У нас постоянно останавливались родня и земляки, просто не дом, а какая-то была промежуточная станция между райцентром и Важгортом. Я возвращалась из школы и считала подводы возле дома. И кто-то из гостей подарил мне на день рождения фотоаппарат «Смена». Потом была вторая «Смена», потом – фотоаппарат «Зенит».

Проявление плёнки в те далёкие пятидесятые годы превращалось в настоящее таинство. Смотришь: она тёмная, ничего не получилось, но всё же какая-то картин-

ка просматривается. А как её напечатать? Прикладываешь плёнку к фотобумаге, зажигаешь спичку, отражение остаётся на фотобумаге, проявляешь и получаешь фотографию. Без фотоувеличителя!

При этом первую персональную фото-выставку я подготовила уже в зрелые годы, приурочила её к какому-то своему юбилею. Она проходила в центре коми культуры. Выставка называлась «Реки моей земли». Потом были серии снимков «Человек фотографирует», «Дети мира» и другие. Я их посылала в родной район, и библиотеки организовывали выставки.

– Какой проект готовите сейчас?

– Если говорить о фотовыставках, у меня сейчас в работе несколько циклов: «Жизнь одной яблони», «Портреты друзей», продолжение темы путешествий, конечно, тоже.

В 2025 году будет отмечаться столетие Владимира Стожарова, и мы уже начали готовиться к этому событию. В следующем году планируем провести пленэр. Его инициаторами стали два художника, которые на протяжении нескольких лет приезжают в Важгорт, – Андрей Захаров из Костромы и Николай Андреев

из Чебоксар. Договорились, что пленэры на Удоре пройдут в трёх местах – Ёртом, Важгорте и Пыссе. В результате пленэров намечаются две большие выставки – в Национальной галерее РК и в Академии художеств (Москва). Надеемся, что всё получится, потому что сегодня в этом проекте и общественность, и отдел культуры Удоры, и Министерство культуры РК.

Уже в этом сентябре к нам на неделю придут учащиеся Гимназии искусств со своими преподавателями. Местом для проведения занятий станет школа. Она уже давно закрыта, но Алина Ванеева взяла здание под своё крыло, и здание ещё послужит селу, детям! А для этого школу надо привести в соответствующий вид: придумать внутренний дизайн помещений. А потом выходить на грант, чтобы воплотить этот проект. Надеемся, что здесь нам помогут будущие дизайнеры из СГУ.

А пока итогом работы Арт-школы в нынешнем сентябре станут выставки живописи и графики и несколько фотовыставок.

Беседовала Галина Бобракова.

*Фото из личного архива
Галины Бутыревой.*

На писательской даче в Лемью (2023 г.).

Поэзия начинается с удивления

Андрей Попов – один из самых известных поэтов Республики Коми. Много лет он входит в правление Союза писателей Коми, а два года назад возглавил его. Учит и направляет молодых и в определённом смысле влияет на весь литературный процесс в регионе. А что мы знаем о нём самом? Конечно, многое о человеке могут сказать его стихи, но иногда хочется узнать, «из какого сора» они растут.

«Ты помнишь, как всё начиналось...»

– Андрей, твоё детство прошло в Заполярье. Терриконы и вышки – привычный пейзаж воркутинца.

– Я родился в Воркуте 25 сентября 1959 года. Некоторых моментов уже не помню, но, говорят, в те годы в магазинах ещё стояли бочки с икрой. В 60–70-е годы в Воркуте было вполне приличное снабжение, но всё ещё оставались лагерь. Школу № 35, например, она рядом с моим домом, строили ээки, вокруг неё стояли вышки. Ээки строили и Дом быта, и Дом политпросвещения (сейчас это здание Воркутинского драмтеатра). Через «зоновский» забор можно было бросить пачку чая и взамен получить «весёлую ручку» или другой самодельный предмет. А на юг, на море мы с родителями выезжали обычно на целый месяц, это не казалось сложным. Ещё одна странность воркутинцев, которую я заметил, уже повзрослев: почти все считают себя патриотами города, и почти все думают, как бы уехать.

– Ты тоже уехал.

– Да, учиться. Сначала в Ленинград, потом решил учиться в столице Коми, окончил филфак Сыктывкарского университета. В 1982 году, получив диплом, вернулся в Воркуту и стал преподавать историю и

обществоведение в ПТУ. Ученики были интересные, чуть-чуть моложе меня, будущие газосварщики, штукатуры-маляры. Педагогический опыт накапливался с каждым уроком. У маляров, к примеру, в группе был единственный и не вполне здоровый мальчик. Он мог неожиданно во время урока вскочить на стол и станцевать на нём. Навести порядок требовало больших усилий. К счастью, были опытные преподаватели, которые объясняли, как с кем общаться. В ПТУ я недолго поработал. Перешёл во Дворец пионеров, где стал вести литературно-творческий кружок.

– А когда ты начал писать стихи?

– Ещё в школе. На последнем звонке я попросил разрешения прочитать их. Мне

разрешили. Правда, потом расстроились, потому что не посмотрели текст заранее. А я подготовил пародии: как бы прощались со школой знаменитые поэты Есенин, Маяковский, Расул Гамзатов... Помнишь, у Есенина есть такие строчки: «заметался пожар голубой». Я их использовал «Заметался пожар голубой, но пока что не школа горела...» (улыбается). Директор Вера Адамсон сказала: «Больше никаких стихов!» Самое интересное, что в 2016 году мою родную школу № 16 закрыли, мало детей стало в городе. И спортзал, где я читал эти стихи, сгорел. У меня даже есть видео, как он горит.

– Ты что, иногда его пересматриваешь? Ощущаешь себя Кассандрой?

– Ну, я когда-то ляпнул, а оно сошлось (смеётся). На самом деле школа была неплохая, в ней училась Вера Скоробогатова, на два класса меня младше, одно время она была заместителем Главы Коми, возглавляла комсомол России. Ещё учился будущий министр МВД по Коми, сейчас уже не помню его фамилию.

Ещё будучи студентом филфака, я ходил в литобъединение при газете «Молодёжь Севера». Позже стал ездить в Сыктывкар на различные творческие мастерские, которые проводил Альберт Ванеев, и в

НАША СПРАВКА

Андрей Гельевич Попов – член Союза писателей России с 1996 года. Автор 16 сборников стихов. Публикуется в журналах «Арт», «Север», «Наш современник», «Юность», «Молодая гвардия» и других. Стихи переводились на венгерский, болгарский, немецкий и коми языки.

Лауреат еженедельника «Литературная Россия» (2000), дипломант Всероссийского литературного конкурса «Золотое перо» (2005, 2008, 2012), дважды лауреат премии Правительства Республики Коми в области литературы им. И. А. Куратова (2013, 2020), Южно-Уральской литературной премии (2015), пять раз сайта «Российский писатель» (2015, 2020, 2022, 2023), международной литературной премии им. С. Есенина «О, Русь, взмахни крылами» (2015), премии им. Н. Тряпкина «Неизбывный вертоград» (2018), международного конкурса духовной литературы «Молитва» (2022), Всероссийской Арктической литературной премии им. В. С. Маслова (2022), Всероссийской литературной премии «Ладога» им. А. Прокофьева (2023), журнала «Краснодар литературный» (2023). Обладатель Золотого диплома XIII Международного Славянского форума «Золотой витязь» в номинации «Художественный перевод» (2022). Награждён Золотой Пушкинской медалью «За развитие литературы» (2023).

литобъединение, которое вела Надежда Мирошниченко. А в 1987-м состоялся республиканский семинар молодых авторов, на который мастерами приехали известные московские писатели. Именно этот семинар стал толчком для того, чтобы я задумался о своём творчестве более серьёзно. Когда варишься в собственном соку, это одно, а тут был взгляд со стороны, да ещё таких маститых авторов. Они «обсудили» тогда меня по полной программе.

– Когда вышел твой первый сборник?

– В 1990 году вышел коллективный сборник «Диалог под звёздами», где меня впервые опубликовали. До этого были лишь отдельные публикации в газетах «Заполярье», «Красное знамя», «Литературная Россия». В «Молодёжи Севера» был ответственный секретарь Владимир Скоробогатко. Чем-то я его зацепил, и он стал публиковать меня регулярно.

– Можно назвать его крёстным папой?

– Пожалуй, нет, он же не учил меня, просто брал то, что ему казалось интересным. Мои «крёстные» – это Елена Габова и Надежда Мирошниченко, Валентин Устинов, приезжавший на тот первый семинар.

– Когда ты понял, что будешь заниматься стихами профессионально?

– В начале 90-х, когда мне было уже за 30. Показалось, что может получиться что-то серьёзное. А в 1995-м вышел первый сборник «Январь и вечность» – и всё, это уже как наркотик – надо публиковаться. Причём это была книжка за свой счёт. Дима Фролов, Сергей Журавлёв, Игорь Вавилов – мы все делали такие книжки. Печатали на дешёвой бумаге, сами распространяли или сдавали в книжные магазины. В том же году в Сыктывкаре состоялся очередной семинар, секцию поэзии которого вёл сам Юрий Поликарпович Кузнецов. После семинара нас сразу пятерых приняли в Союз писателей России. Меня, Анатолия Илларионова, Анатолия Пашнева как поэтов, Андрея Влизкова и Марину Плеханову как прозаиков.

– Когда ты переехал в Сыктывкар?

– Сначала в 2000-м. Работал у Авенира Низовцева в газете «Красное знамя», но не понравилось, и вернулся в Воркуту. Был недолго собкором газеты «Московский комсомолец». В 2007-м переехал в Сыктывкар окончательно. Работал в газете «Панорама столицы» у Серёжи Журавлева. Потом, спасибо Елене Габовой, стал литконсультантом

в Союзе писателей Коми. Председателем тогда была Елена Козлова, а заместителем Владимир Тимин. Через два года, когда он ушёл, благословил меня стать заместителем.

«Соседи мои – обычные, добрые люди»

– Андрей, я заметила, что на творческих встречах ты почему-то всегда выбираешь стихи попроще или даже откровенно шуточные. Почему?

– Это меня Юрий Поликарпович научил: читать на встречах стихи попроще, с юмором, чтобы тебя слушали. Когда стихи сложные и в них много подтекстов – на слух не всегда получается уловить смысл. Чтобы заинтересовать аудиторию, стараюсь выбирать такие вот парадоксальные стихи.

– Поделюсь своим мнением. У тебя есть очень хорошие образы, всегда интересный зачин, а вот концовка, как мне кажется, часто всё нивелирует. Ты будто извиняешься: ладно, это сложно, не буду вас грузить.

– Нет, я так не думаю. Наоборот, меня даже хвалят за концовки, в том числе серьёзные критики. Посмотри, очень часто стихотворение выводит свой зачин на новый смысловый уровень, внешне как бы повторяя начало стихотворения, но делая его более многозначным. Это намеренность, полифоничный момент.

– В последнем сборнике «Шальная пчела» у тебя есть стихотворение «Соседи мои – обычные добрые люди...» В нём ты вроде как печалишься, что тебя даже соседи не узнают. А как же пастернаковское «быть знаменитым некрасиво»?

– Не печалюсь, а лишь удивляюсь. Я прочёл как-то в нескольких журналах «известный русский поэт Андрей Попов» и улыбнулся. Какой же я известный, если даже соседи меня не узнают? Меня это не расстроило, а развеселило. Надеюсь, что этому улыбнётся и читатель. Задача ведь не в том, чтобы соседи здоровались при встрече (хотя это бы не помешало). Я говорю, что известность – условное понятие. Улыбнитесь, люди! Не гонитесь за ней.

– И всё же на самом деле ты совсем не «весёленький поэт».

– Я просто поэт. Пишу о том, что со мной происходит. А происходит разное. В том числе и то, что никому не пожелаешь. Смерть сына (сын поэта трагически погиб в феврале 2008 года в Гатчине – Л. В.) – это одна из тем, к которой я постоянно возвращаюсь. Но такие стихи и самому тяжело читать, потому что каждый раз всё будто заново переживаешь. У меня есть стихи духовного поиска, их сейчас публикуют сайты «Ветрово», «Правчтение» (портал о православной литературе), «Русская народная линия».

– Говорят, артист должен переодеваться, а поэт – высказываться. У нас в республике по каждому важному событию непременно «высказывается», пожалуй, лишь Надежда Мирошниченко. Я не видела, чтобы другие наши поэты так же откликнулись на злобу дня. Всем больше интересны личные переживания.

– Поэт должен уметь удивляться. Что его удивляет, о том и писать. И если говорить на злобу дня, то говорить для вечности. Как это делает Надежда Мирошниченко. А писать стихи ради актуальности или газетной оперативности, ради сегодняшней похвалы нет смысла, на мой взгляд. Для этого есть публицистика. Стихи на злобу дня часто остаются лишь вульгарной спонтанностью, что я наблюдал порой в творчестве Евгения Евтушенко.

– К кому из современных поэтов у тебя другое отношение?

– Мне нравится классическая русская поэзия. Из современных авторов назову только «основоположников»: Юрий Кузнецов, который мне давал рекомендацию в Союз писателей, Николай Тряпкин (я получил премию его имени), Николай Рубцов. Ещё могу назвать три-четыре десятка прекрасных русских поэтов. Но это будет как список кораблей Гомера. Поэтому вовремя останавлиюсь.

– Ты соревнуешься с кем-то на нашей «поляне»?

– В республике много хороших поэтов, и слава Богу, что они рождаются. Надежда Мирошниченко, Александр Суворов, Елена Афанасьева, Евгений Козлов, Галина Бутырева, Татьяна Канова, Эвелина Пиженко, Валерия Салтанова, Анжелика Елфимова, Ольга Хмара. Это всё моё поколение и старше. А за нами идут Инга Карабинская, Наталья Стикина, Алёна Ельцова, Денис Попов, Владислав Сушков, Екатерина Цуммер, Анна Чалышева, Евгения Липовецкая – многие из них ходили ко мне на литобъединение, как я в своё время ходил на литобъединение к Надежде Мирошниченко. Но у нас нет соревнования. Каждый занимается тем, что важно для него.

– «Небесное время», «Ловцы человек», «Шальная пчела»... Какой сборник, на твой взгляд, получился близким к идеальному?

– Мне все нравятся. Но каждый следующий сборник кажется лучше предыдущего. «Шальная пчела» – это маленькая книжечка, необходимая больше для встреч с читателями. Поэтому лучшая моя книга пока «Метель». Она издавалась в серии «Звёзды Севера» и получила две премии: Всероссийскую Арктическую им. Виталия Маслова и Всероссийскую премию «Ладога» им. Александра Прокофьева. Но всегда кажется, что новые стихи лучше, чем предыдущие...

Внучатый племянник и госзаказ

– В этом году в Коми отмечают юбилей Ивана Куратова, основоположника коми литературы. Ты говорил когда-то, что с удовольствием перевёл бы на русский язык всё его поэтическое наследие, в том числе как родственник Ивана Алексеевича*. Между тем хорошего сборника на русском языке до сих пор нет. В переводах, сделанных в советское время, много идеологии. В частности, перевод Юрия Ионова мне лично показался очень скучным.

– Хороший сборник стихов Ивана Куратова в переводах на русский язык есть. Это «Исповедь», изданная Союзом писателей Коми в 2019 году. Как её составитель я получил премию Правительства Республики Коми в области литературы им. И. А. Куратова. Да и сборник «Ой, жизнь ты, жизнь...», составленный Альбертом Ваневым, очень достойное издание.

Совсем недавно мы с Еленой Афанасьевой составили небольшой сборник-билингву «Менам нэм» (Мой век). Он был профинансирован Министерством национальной политики Республики Коми, вышел в свет к юбилею поэта, тираж 500

экземпляров. Его дарили участникам съезда коми народа и литературного праздника «Менам муза» в Куратово.

– К слову, про заказ. Поступают ли в наш Союз заказы на песни, пьесы, гимны?

– Нет. У нас есть возможность подать свои книги на конкурс социально значимой литературы, которая издаётся за счёт республиканского бюджета. Это очень хорошо, во многих регионах такой возможности у писателей нет. Но хотелось бы, чтобы это дело совершенствовалось. Простой пример. В 2024 году народному поэту Надежде Мирошниченко исполнилось 80 лет, мы подали её сборник на конкурс, но через соответствующую комиссию при Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Республики Коми книга не прошла.

Подали на конкурс первый том собрания сочинений народного писателя Алексея Попова – тоже отказ. Но если мы признали авторов народными, то почему мы не можем издать их книги? Или сборник молодых авторов – уже 4 года не проходит. Почему? Они скоро на пенсию уйдут. Так тормозится литературный процесс. Нельзя же постоянно отдавать предпочтение прикладной литературе. Надо думать не только о литературе знаний, но и о литературе совести.

*Сестра И. А. Куратова – прабабушка А. Попова по отцовской линии.

Миссия Поэта

– Андрей, возраст у тебя юбилейный – 65. Кажется, уже стоит чётко планировать, что ты хочешь?

– Мне хочется выйти на новый уровень мастерства и не останавливаться на достигнутом. Для этого я задумал несколько циклов стихотворений – и надеюсь это творчески решить.

– Например?

– Продолжить тему духовного поиска. Или, например, обратиться к античности.

– Со времён античности люди мало в чём изменились. Ты, как поэт, ощущаешь свою миссию по исправлению человека?

– Моя миссия говорить о себе: я человек, родился, поверил в Бога, понял, что жизнь конечна, а душа бессмертна. Значит, нужно душу спасать. Нужно думать о том, что ты ответишь за свою жизнь на небе. Своё предназначение есть у каждого. Однажды я слышал, как батюшка на проповеди говорил: если ты стал врачом, значит, дал обет быть врачом, если стал учителем – дал обет быть учителем. И я подумал, если решил стать поэтом, то не будь ни врачом, ни учителем, никого не лечи и не учи. Иначе это будет не поэзия, а педагогика или медицина. Нужно говорить о том, что происходит в твоей душе. Честно, качественно, искренне. Насколько это возможно, и насколько талант позволяет. Задача миссионера просветить людей, катехизировать их. А поэт, на мой взгляд, хочет только коснуться сердца, чтоб оно переживало, а значит, могло любить. И этим бы тоже спасалось. На поэтах, как и на праведниках, я уверен, держится город, село, край, страна.

Взять того же Куратова. Был человек, который писал стихи «в стол» и в то же время выполнял высокий духовный подвиг. При жизни он даже не думал, что станет «основоположником», и не ставил задачу: как поэт просветить коми народ светом

Евангелия. Хотя читал проповеди в храме Усть-Сысольска и в конце жизни переводил Евангелие от Луки. Он писал о том, о чём думал, что его задевало. А в итоге оказалось, он сделал то, что стало основой культуры целого края.

– Как пишутся стихи?

– Вдохновение – это способность приводить себя в рабочий порядок, – говорил Анатолий Франс. Обычно замечаешь какие-то моменты жизни – записываешь. Потом садишься и работаешь с этими заготовками.

– А куда ты записываешь, сейчас манжеты не в моде?

– Раньше в тетрадку. Сейчас сразу в компьютер. Это удобно.

– То есть ты пишешь для себя и о себе...

– Я пишу о себе, и хочу этим с кем-то поделиться. Надеюсь, что найдётся понимающий читатель. Ещё Тютчев говорил, если у тебя есть хоть один верный читатель, то и довольно.

– Интересно, у тебя есть дома полка с твоими книжками?

– У меня есть отдельная полка с книгами авторов нашей республики, с альманахами «Белый бор», в издании которого я принимаю участие как составитель. Есть много подаренных сборников. А моих книг всего 8. Надеюсь, что будут ещё.

– Успеваешь ли ты что-то читать кроме стихов?

– Предпочитаю классическую литературу. Если тратить время, то только на неё – жизнь коротка. Из современной прозы отмечу книги, которое попались мне спонтанно, но произвели сильное впечатление: Василий Воронов, «В Загряжске нет американцев», Александр Проханов, «Человек звезды», Николай Иванов, «Светел тихий». Читаю философскую и духовную литературу. «Апофеоз беспочвенности» Льва Шестова – заставляет задуматься очень неординарными подходами к осмыслению жизни. Только что прочёл несколько книг Ивана Ильина: «Книга раздумий», «Поющее сердце», «Путь к очевидности». Думаю, по этим книгам надо в школе преподавать, это учебники честной жизни.

– Гельевич – значит «Солнцев». Интересно, тебя дразнили в школе?

– Не Солнцев, а сын Солнца. Или Солнечный. Одноклассники мои не знали ни моего отчества, ни его перевода с греческого. Дразнили проще. А вот когда я работал в ПТУ и в Воркутинском филиале Университета Российской академии образования, то некоторые студенты путали моё отчество. Однажды Евангелиевичем назвали.

– С иронией?

– Скорее, по недоразумению. А вообще, если когда-нибудь в далёком будущем моё отчество привлечёт внимание к моим стихам, то разве это плохо? Как в стихотворении:

*Вновь наступит весна, возвращая надежды приметам.
Но студентка – красивая! – в библиотеку войдёт,
Книгу выберет «Сборник совсем неизвестных поэтов»
(Никому неизвестных в тот очень двухтысячный год),*

*Терпеливо и бережно перелистает страницы –
Многолетних раздумий и опытов краткий итог.
По счастливой случайности в сборнике том сохранится
Моё лучшее стихотворение – несколько строк.*

*И она их прочтёт – не поймёт невесёлый мой юмор,
Но она улыбнётся – на улице будет весна.
И подумает: «Бедный, когда, интересно, он умер?
И какая была у него, интересно, жена?»*

И если мой будущий читатель вдобавок и подумает обо мне светло, то что ещё надо человеку?!

Беседовала Лиля Вовк.

Андрей
ПОПОВ

Андрей Гельевич

Попов родился в 1959 году в Воркуте. Окончил Сыктывкарский государственный университет, филологический факультет. Автор нескольких сборников стихотворений. Лауреат Южно-Уральской литературной премии, международной премии С. Есенина «О, Русь, взмахни крылами», премии Н. Тряпкина «Неизбывный вертоград», Всероссийской Арктической литературной премии имени В. С. Маслова, премии «Ладога» имени А. А. Прокофьева. Стихи переводились на венгерский, болгарский, немецкий языки. Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

«Созерцать блики речной воды...»

Стихи

* * *

Приуныли дороги – пустились вразнос.
Только вечная осень тебе не к лицу,
Потому что до смерти ещё не дорос.
Не ворчи каждый раз – жизнь подходит к концу.

Жизнь подходит к началу, как к сердцу вопрос –
Почему ждёшь любви на путях непогод?
Потому что до смерти ещё не дорос.
А она, как любовь, до тебя дорастёт.

* * *

Собака лает, ветер носит,
И жизнь по-прежнему идёт,
Её невидимые оси
Скрипят и ускоряют ход.

Скрипят о том, чтоб жили-были,
Чтоб зря не расточали дней,
Не зная ничего унылей,
Не зная ничего светлей,

Чтоб слушали на случай всякий
Ума и сердца разнорой,
Как ветер носит лай собаки
По полю жизни роковой.

* * *

И коснётся небесная влага чела,
И подумаешь, в небо вникая,
Что летит через поле шальная пчела,
Или, может быть, пуля шальная.

Будет дождь. Прижимается память к земле,
Птицы, словно обиды, уснули.
Только дождь не мешает упрямой пчеле,
А тем более маленькой пуле.

До каких я не смог прикоснуться высот
До сих пор в середине июля?
И подумаешь, целится прямо в висок,
Хорошо бы пчела, а не пуля.

* * *

Ни в птице, что летит, крылом касаясь лета,
Ни в утренней звезде, ни в памяти времён,
Ни в книгах мудрецов не отыскать ответа,
Ответа не найти – зачем я был рождён?

И только самому врасти душою надо
В звериную тоску, в распутия дорог,
В нежданную любовь, во все сомненья ада
И в городскую мглу, и в полевой цветок,

И в горькие слова, и в роковые числа,
И в облако надежд, что на семи ветрах.
И молится душа от осознания смысла –
Из праха рождены, чтоб возвратиться в прах.

И молится душа, что всё на свете этом
Уходит навсегда,
Предчувствуя свой срок –
И птица, что летит, крылом касаясь лета,
И городская мгла, и полевой цветок.

Чего же ты хотел? И твоего ухода
Ждут листопад и дождь, зарницы и мороз.
И молится душа. И говорит погода.
И трудно разобрать ответа на вопрос.

* * *

*Уступай дорогу дуракам
Японская пословица*

Не смотри на встречных свысока.
Никого не задевай. Не трогай.
Уступай дорогу дуракам,
Пусть они идут своей дорогой.

Пусть шагают до любой звезды.
Хоть куда. Окажется в итоге,
Как и прежде, только две беды –
Это дураки и их дороги.

Бессмертие

*Жил на свете таракан...
И потом попал в стакан.
Фёдор Достоевский*

*Таракан сидит в стакане.
Ножку рыжую сосёт.
Николай Олейников*

Человек гуляет с тараканом.
Таракан бежит без поводка,
Не стыдит он тех, кто в виде пьяном,
Тех, кто бродит праздно, как тоска,

Таракан гуляет с человеком
Круглый год – и летом, и зимой,
Не по мыслям и библиотекам,
А по жизни улицы прямой.

Тех, кто ковыляет по болезни,
Тех, кто промышляет в воровстве.
Потому что таракан любезный,
Потому что он не в голове.

Счастья он, увы, себе не тащит,
Но от счастья не бежит в туман.
Если человек не настоящий,
Настоящим будет таракан.

Потому что никогда не поздно
Выводить молитвой и постом
Тараканов головного мозга –
Гнать их из извилин на простор.

Не смутят его прогноз о буре,
С кислотою борною еда,
Потому что он в литературе
Навсегда.

* * *

Я верил, дождь не может обмануть,
Он уверял,
Что счастье будет завтра,
Хоть для него я неизвестный автор,
Но не бездарный.
Грустный линь чуть-чуть.

Дождь пел,
Как возвышающий обман,
Что звёзды спят, но это не утрата –
Проходит сон,
Проходит всё когда-то
И даже невнимания туман.

И я поверил, мы не пропадём –
Пусть звёзды спят,
Я их ещё увижу...
И через сорок лет для сердца ближе
Обещанное счастье мне дождём.

* * *

Не спит потолок,
И кровать не спит,
Часы на столе идут,
И только один ты делаешь вид,
Что спишь почти сто минут.

И тёмен запад,
И тёмен восток,
Сплошная ночная тьма.
Думаешь, если уснёт потолок,
То можно сойти с ума.

С ума не сойдёшь,
Но будешь смущён,
Казалось, только прилёт,
А снится такой тебе странный сон,
В котором спит потолок.

* * *

Что может быть трагичней и нелепей,
Что может быть бездарней, господа,
Когда у нас в пророках ходит рэпер,
А в праздниках – народная беда?

И мнит торговец, что он летописец,
А покупатель мнит, что он судья,
И я смотрю, как курит ангел лысый
На фестивале дыма и дождя.

* * *

У толпы дурная голова –
Вместе люди вздорней и глупее,
Их пьянит ничтожная идея,
Самые никчёмные слова.

Ни любви, ни дружбы – лишь суды,
Кто и как перед толпой ответит.
Только общий ропот в интернете,
Общий гул копеечной беды.

Что тебе их тёмная тоска,
Их недоуменья и разлады?
И у этой массовой досады
Хочешь ты признания искать?

Хочешь, чтобы этот дружный вздор
Сообщил тебе единым вздохом:
– Право, bravo! Пишешь ты неплохо!
Мы тебя берём в народный хор.

* * *

Немыслимую веры глубину
Разглядывать со стороны не надо,
Дна не увидим, а пойдём ко дну,
Не терпит вера любопытных взглядов.

Там в глубине – забвения вода,
И потому в потоке серебристом
Ума и сердца только простота
Помогут выбраться на Божью пристань.

И, может быть, Всемиловитый Спас
Простит нам непосредственную юность.
И глубина тогда коснётся нас,
Как вера к нам однажды прикоснулась.

* * *

И ещё одно утро... Медлительно, как облака,
Мои мысли плывут по-над городом с детства знакомым.
И гадают: душа ещё спит? не проснулась пока?
Или видит рассвет через сумерки грусти и дрёмы?

Или вдруг понимает, что участь её высока,
Или вдруг сознаёт, что в квартире панельного дома
Ей, наверное, только приснились любовь и тоска,
И строка о волнении из стихотворного тома?

Снова мысли летят, исчезая, как время, вдали,
Чтоб с тревогой смотрел человек на небесные дали.
И ещё одно утро понять, что же мы потеряли.

И ещё одно утро понять, что же мы сберегли.
И плывут облака. И касается утро земли,
Чтоб душа не разбилась от сна о любви и печали.

* * *

Ангелы, наши читая стихи,
Могут подумать: – Сердечные страсти,
Горькие мысли не так уж плохи,
Если слова их сильнее несчастий.

И почему умирают от мглы,
От одиночества и от разлада,
Если стихи их порою светлы,
Словно лампы?

* * *

Доводит язык до могилы, Минуя Киев – порой. Сказал это Игорь Вавилов, Поэт, не глухонемой.	Оставил он вместо итогов Лишь несколько тонких книг, В которых его по дорогам Вёл в Киев русский язык.
Такую предвидел картину О жизни краткой своей – Минуя Киев, покинул Наш мир стихов и речей.	Он был настоящим поэтом, Я близко с ним был знаком. Но в Киев не рвусь. По газетам, Там сложности с языком.

Окрестность

Не растёт под окнами лотос,
Не колеблет ветер бамбук.
И дорога идёт на Котлас,
Если будешь смотреть на юг.

Никакой изысканной флоры,
И на севере взгляд привык
Видеть узкий путь до Печоры,
Небо низкое, борщевик.

Красоту тайги в непогоду
Снег скрывает часто и дождь.
Про тюрьму опять и свободу
По дороге домой вздохнёшь.

* * *

Не считать бы годы и утраты,
Ни о чём в душе своей не споря,
Лишь смотреть спокойно на закаты
В домике на берегу у моря.

И надеждам никаким не веря,
Никого вокруг не замечая,
Наблюдать, как волны точат берег,
Сидя в старом кресле с чашкой чая.

Наблюдать, как ветер гонит к югу
Грусть и память, и рыбацьи шхуны.
И погладить кошку, как подругу
Вечной жизни на прибрежных дюнах.

* * *

Только выпадет свет – и пойду я по первому свету
И по узкой тропе, спотыкаясь о памяти тьму,
Выбираясь с трудом из свободных сетей интернета,
С безотчётной надеждой – по слову иду Твоему.

Что ж я всех ревновал?! А любил только море и лето.
И волнение рассвета в прозрачном и сладком дыму.
Ничего не успел. Почему? Не найду я ответа
С безотчётной надеждой – по слову ищу Твоему.

Как неловок я был! Невнимателен к снам и заветам.
Возвращаться не стоит. С собой ничего не возьму.
Только выпадет свет. И вздохну я от первого света.
С безотчётной надеждой – по слову вздохну Твоему.

* * *

Всё хорошо. И сны с любовью.
И сны с любовью про семью.
И снова выпью за здоровье,
Я за здоровье часто пью.

Во мне, как брага, бродит юмор,
И опьяняет речь мою.
И я от скромности не умер,
Поскольку за здоровье пью.

А вы, уставшие от дела,
От трезвых смет и от врачей,
Пойдёмте в парк, где будем белок
Ловить. Но не поймает их.

Пусть скачут. Лучше так, поверьте.
И после можно по сто грамм,
Чтобы хватило на бессмертье,
Здоровья бы хватило нам.

* * *

Я научусь находить для созерцания час,
Я научусь созерцать блики речной воды.
И наблюдать, как день совсем незаметно погас,
Как незаметно мысль коснулась Полярной звезды.

И перестану спешить. Искать суете слова.
И буду смотреть, как мысль становится вдруг светла,
Как незаметно жизнь плывёт по реке, как листва,
Не думая, что проходит. Или уже прошла.

* * *

Всё повторяется – с ними и с нами:
Дышит душа, умирает листва,
Смотрит во время бездонное память
И разбирает черты и слова.

Всё ещё просто: душа ещё дышит,
Не исчезает в осеннем году.
Видимо, грусть предназначена свыше –
Может, написано нам на роду.

Может, погода, как время, бездонна,
Смотрит душа в неё, грустью жива,
Грустью светла,
Хоть тревожится, словно
Поздняя осень, ночная листва.

* * *

Мысли не отбросишь и не выгонишь,
Что густая ныне трын-трава,
Что уйдём – и не оставим имени,
Зря растратим нужные слова.

Чтобы от сомнений не сутулиться,
Посмотрю на первую звезду –
Обо мне, быть может, вспомнит улица,
По которой я сейчас иду.

Вспомнит, что весёлым с грустной совестью
Направлялся к дому своему.
Но делиться вряд ли станет новостью –
Так и не расскажет никому.

Арт-факт

Анжела
РАЗМАНОВА

Анжела Рустиковна Разманова. Родилась в 1971 году в Сыктывкаре. Закончила в 1995 году в Москве ГАСБУ (художник декоративного искусства). Живёт и работает в Сыктывкаре. Художник, куратор и автор проекта «Клюква. Пленэр визуальных искусств» 2012–2022 годов, член КРО ВТОО СХР, участник российских и международных проектов, организатор и куратор выставок и проектов в области пластических искусств. Лауреат Государственной премии в области изобразительного искусства имени В. Полякова.

СОН РЫБАКА

Выставка «Сон рыбака». Искусство и этнография

Реки и люди всегда находятся в движении, взаимодействуя друг с другом. Не всегда эти отношения просты и однозначны. На Севере традиционно рыбалка является одним из основных занятий. Обладая магической силой притяжения, вода и её обитатели становятся персонажами многочисленных мифов и преданий. Водяные («васа» по-коми), русалки, хозяева водоёмов и прочие лесные и болотные жители находятся в некоем диалоге с человеком (рыбаком, ловцом), часто являясь во сне или даже наяву. Помимо существ, в коми фольклоре важное место имела тема власти над водными путями. Лодка, являясь основным средством коммуникации на реке, обладала особой властью и значением для людей. Древняя культура народа коми – это неиссякаемый источник вдохновения для художников, живущих в Республике Коми и приезжающих сюда на различные проекты. Всё, что связано с рекой, всегда живо и изменчиво, наполнено внутренним движением и очищением. В реке нет пугающего дыхания океана, но есть манящее движение, желание куда-то плыть и что-то познавать.

Образ реки как дороги-пути является метафорой, которая прочитывается в работах художников, представленных на выставке. Всех участников объединяет созерцательно-поэтическое восприятие мира.

Кураторская концепция выставочного проекта заключалась в соединении искусства и этнографии через различные медиа. Это сейчас становится очень распространённым методом работы с музейными материалами. Произведения искусства находятся в диалоге с миром вещей из собрания НМРК. Лодка, сети, рыбацкие морды и даже уникальные музыкальные инструменты мастера В. Я. Павлова.

Впервые представлены работы Г. В. Кудяшева из запасников музея. Это пленэрные акварельные этюды. Сюжеты, иллюстрирующие время и место.

Это интересный опыт соединения достоверности наследия и современного образного языка художника.

Особое место на выставке уделено этнографическим находкам из экспедиций художников.

В выставочном пространстве музея соединилось несколько проектов:

«Клюква. Большая вода» (2018), «Клюква. РОМ» (2019), «Клюква. Ветер» (2020), «Клюква. Место, где затихает ветер»

(2022), а также выставочный проект «Диалоги. Синтез искусств» и «Интуиция» Анастасии Белолипецких, которые проходили в ЦКИ «Югор»;

проект Анжелы Размановой «Путешествие, или о том, как зыряне Кандинского околдовали»;

музыкальное произведение, сопровождающее выставку «Лодка» (автор Наталья Высоких (Спб)).

Все проекты «Клюква» – это художественные экспедиции, в которых помимо изобразительного материала накопилось много этнографических источников и фотографий в архиве, которые органично дополнили работы из коллекции музея.

Любовь к рыбалке объединяла художников, живущих в Коми Республике, которые формировали СХР, и тех, которые не состояли в Союзе, но работали в художественном фонде СХР. Я слышала разные истории о рыбалке, конечно, это были классические рыбацкие байки про огромных рыб, но в них присутствовали описание взаимоотношений художников и колоритные нюансы, свойственные только художественной среде. В таких рассказах раскрываются особенности личностей художников, их умение искренне посмеяться, что потом наполняет картины жизнью, смыслами и содержанием. Эти живые рассказы-байки послужили поводом для создания в экспозиции места, где можно послушать истории художников о «своих рыбалках». Специально для выставки были записаны сюжеты с рассказами о рыбалке художника Николая Семёнова. Снял репортаж его сын Антон Семёнов. Это интересное начало, которое хочется продолжить.

Когда-то давно, делая свой личный проект о путешествии Василия Кандинского, я много работала в фондах в поисках точных символов предметов. Моё внимание привлёк маленький макет лодки, который стал отправной точкой выставки «Сон рыбака». Лодка как символ переносит в иное пространство реки и в некое потустороннее пространство.

Несколько работ в экспозиции об этом мистическом переживании ухода в другую реальность – «Побег Веры» Анны Сажинной, «Река памяти» Кристины Овсянкиной, «Отла. Лодки» Анжелы Размановой.

МУЗЕЙНЫЕ НАХОДКИ

Находка номер 1: папка акварелей

В экспозиции мы впервые показали акварельные этюды художника Г. В. Кудяшева, выполненные детально и достоверно. Сложность показа графики всегда заключается в оформлении работ и подсветке. Показать этюды, заключив их в рамы, было бы равнозначно – убить их живое состояние. Как всегда, всё решилось вопреки правилам, и акварели зазвучали в пространстве конструкций, не нарушая музейных правил сохранности. Конструкции стали большой центральной инсталляцией, в которой чучела рыб, макеты лодок и акварели собрались в цельную композицию.

Находка номер 2: пароход

Увидев макет парохода «1 мая», я поняла, что этот шедевр надо показать людям, тем более, что ностальгические воспоминания жителей о колёсном пароходе «Коми пионер» живы в народе.

Так в экспозиции возник диалог музейного экспоната парохода с современной идеей возрождения судоходства в макете-концепции колёсного буксира «Клюква».

Находка номер 3: морды и мережа

Верша (морда) рыболовная. Представляет собой устройство для ловли рыбы запорным способом, выполненное из хорошо оструганного соснового колотья (в виде плоских прутьев), конусообразное по форме, с двумя отверстиями – входом и выходом. Вход оформлен в виде прямоугольной рамы из черёмуховых прутьев, к которой крепятся колотья и так называемый «детыш», также изготовленный из тонкого колотья в виде полого конуса. Вовнутрь верши вставлены один или два обруча, а сами колотья оплетены переплетениями из корня и металлической проволоки. Крышка выходного отверстия выполнялась из бересты или деревянных планок.

«...В старину запруды делали, потом сетями тоже. Это когда реку ограждают. Полностью нельзя, конечно. По правилам, третью часть реки только перекрывали, использовали сосновые или еловые жерди. Сосновые в основном... В воду бросали сучья. Потом морды туда устанавливали. Очень популярно было. Рыба туда забиралась. Сеть видит, а это нет...» (Охотничьи тропы, с. 98. Пер. с коми языка Н. А. Хозяиновой (2019), записано со слов Г. П. Люосевой (1931 г. р.). На выставке «морды» преобразились в световую инсталляцию, а благодаря вертикальному положению они стали скульптурными объектами. Вideoпроекция, направленная в их сторону, создавала эффектные тени.

Вентерь (мережа). Представляет собой устройство для ловли рыбы заставным способом, выполненное в виде сетчатого мешка, надетого на черёмуховые обручи, сужающегося кверху. Внутри вентеря имеются два сетчатых конусообразных горла (так называемые «детыши»), прикреплённых к обручам. Конец (вершина) вентеря приспособлен на шнур, по обе стороны устья имеются «крылья».

Мережа в экспозиции так же, как и морды, превратилась в скульптурный выставочный объект, внешне напоминая птицу с расправленными крыльями.

Находка номер 4: музыкальные инструменты и бытовые предметы

Для многих посетителей выставки значение музыкальных инструментов мастера В. Я. Павлова и бытовых предметов, связанных с рыбой и рыбалкой, непонятно, но красота формы считается любым зрителем. Все предметы необычайно красивы по пропорциям и абсолютно функциональны. Красота и совершенство инструментов В. Я. Павлова в моём представлении сродни этим бытовым предметам, это тот случай, когда художник мыслит как древний мастер, создавая традицию, придумывая уникальный современный предмет.

Находка номер 5: лодка из Усть-Цильмы

Огромная чёрная лодка, красивая, как гондола, разделила пространство на сны и реальность.

Таким образом, собрав знаковые этнографические объекты, получилось организовать пространство выставки как рассказ о корнях и о поиске в прошлом живых идей для настоящего.

Приведу пример: макет музейного парохода в экспозиции в диалоге с концептуальным проектом создания нового колёсного буксира «Клюква» для арт-экспедиций. Очень интересно и актуально выглядели акварельные этюды пристани и сплава на реке.

Чёрная лодка и тонкая сеть зелёного цвета организовали пространство выставки с живописными работами.

Временная музейная экспозиция имеет возможность показать те предметы и произведения, которых нет в коллекции музея. На этой выставке также было много деталей из личных коллекций: поплавки, светильники, сети, оконные рамы, вёсла. Сеть и поплавки с родовыми пасами были найдены в разрушенном доме деревни Корттувья Удорского района на реке Вашке. Поплавки стали частью инсталляции из старинных досок с изображением лодок Вашки и Мезени.

Сети протянулись вдоль всех стен. Удорская сеть ещё пахла рыбой и рекой.

На фоне сетей нашла себе место работа Анастасии Юрьевой «Дочь рыбака», стала пойманной «золотой рыбкой» в этой сети, некой драгоценностью. Работу Анастасии Юрьевой и Натальи Павлицкой «Черинянь» технически можно назвать ассамбляжем, созданным из старых досок, потёртых зеркал и старого металла. Образ города на реке и его заречного района получился как начинка большой деревянной рыбины. Надо отметить точный выбор авторами цвета. Сигнально-красный, потёртый, как на спасательных кругах, в сочетании со сложным голубым и тёмным цветом необработанного дерева.

Современный текстиль на выставке был представлен работами Анастасии Белолипецких. Образ реки создаётся через свободно плавающую нить. Это две вертикальные шпалеры от потолка до пола, дополненные прозрачным слоем сотканного «тумана». Её ткачество невесомо и одновременно скульптурно и чётко графично. В её работах отсутствует предметность, но есть абсолютно архаичное чувство волокна и, самое главное, образа.

Экспозиция предполагает погружение в пространства через видеопроекцию воды и движения нитей в шпалерах.

Рядом с текстилем на стене разместилась работа «Параскева Пекнича» (автор Анжела Разманова) и инсталляция «Вашка и Мезень». Образ Параскевы Пекничи важен для жителей Удорского района. Доска, найденная в Диюре (может, стол, может, икона, сказали местные жители), превратилась в иконный образ Параскевы из Ёртома. Позже в фильме «Самосожжение воды», который был показан Павлом Фёдоровичем Лимеровым, я увидела, как моют икону Параскевы Пекничи, и это было очень похоже на то, как выглядела доска из Диюра. Так часто сходятся знаки и символы у художников, и эти пересечения очень важны на выставке. Это то, что создаёт внутреннюю энергетику выставки.

Параскева Пекнича – это не копия конкретной иконы, а авторское прочтение образа.

Далее в экспозиции идёт сильная цветовая доминанта – работа «Река памяти» Кристины Овсянкиной. Изумрудная лодка, проплывающая сквозь траву застывшего времени.

Кристина так описывает работу:

«Река памяти»

Создана по итогам экспедиции «Клюква. Место, где затихает ветер» в Удорский район. Это место в селе Буткан на левобережье реки Мезени. Меня очень удивило это место: когда я вышла на берег реки, увидела, что река полностью заросла высокой ярко-зелёной травой. То есть движение на лодке по этой реке уже невозможно, хотя вода там есть. И тем не менее у берега всё ещё были причаленные лодки, которые ходили там когда-то. У меня было ощущение, что время остановилось, и я представила, как лодка плывёт по реке сквозь траву в пространстве без времени. В какой-то степени была аналогия с фильмом Джармуша «Мертвец».

«Река памяти»

Про уходящие деревни, застывшее время и вечный путь души.

Рядом диптих Татьяны Зыковой «Небо внутри». Отец и Невеста. Далее немного из авторского текста Татьяны:

«В работе «Небо внутри. Ловцы рыб» я обращаю внимание на невесомость как на то, что не имеет физического веса. Невесомостью обладает нечто неуловимое и невидимое, существующее за пределами материального мира. Проект «Небо внутри» – это взгляд на происходящее в человеческой жизни с точки зрения её метафизического измерения. Смысловой центр композиции – это мужчина-рыбак, который является собирательным образом человека послевоенного поколения».

Образ отца, лежащего в лодке и уплывающего в свой неведомый мир, изображён и в работе Юрия Лисовского.

Эта выставка наполнена деталями и пересечениями смыслов. Картины как будто находятся между собой в диалоге. Портреты рыбаков со смуглыми лицами в колоритных шапках. Мальчишки-рыбаки и их собаки, рыбацкие лодки и избы – всё это пропитано духом и воздухом времени. Сон – это безграничное пространство свободы, некий портал, через который к человеку приходят знаки из прошлого и будущего.

В целом выставка похожа на сновидение с нелинейным повествованием, «спиритическую медитативность» которой усиливает музыка.

Позволю завершить свой рассказ цитатой из стихотворения посетителя выставки Майи Лочкаревой.

Пока Рыбак спит

...Сладок сон Рыбака
Который видит себя
Пучеглазой Рыбой
В водах холодной Реки
И учится плавать так
Чтобы себя не поймать
В водах холодной Реки
Плыви пучеглазая Рыба
В водах холодной Реки
Пока Рыбак спит

Ангела Разманова.
Афиша выставки «Сон рыбака».

Рыбацкие «морды».

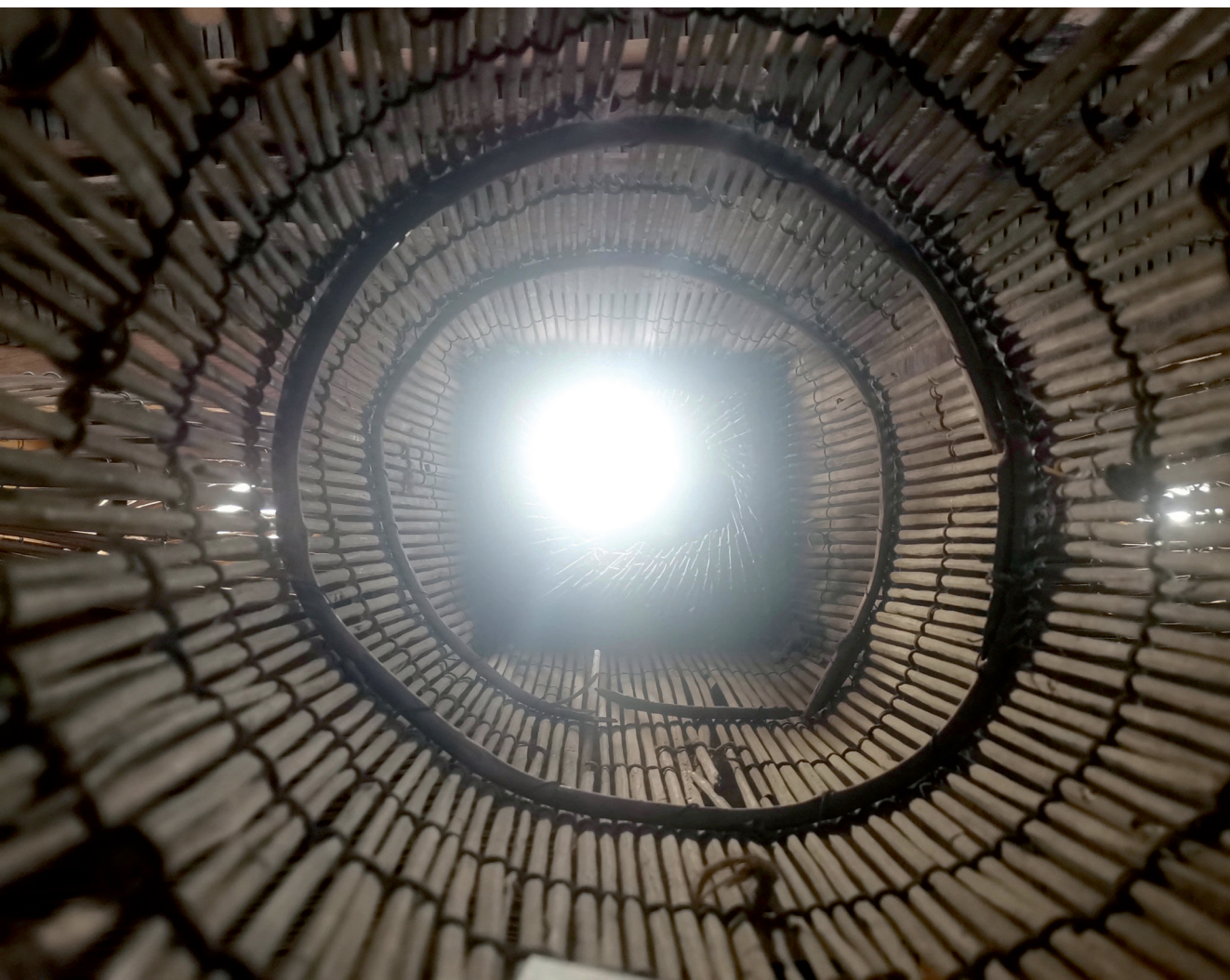
Анна Сажина.
«Побег Веры». Акварель, бумага.

Андрей Ретанов.
«Рыбак». Ассамбляж.

Юрий Лисовский.
Внутри «морды». Фотография.

Ангела Разманова.
«Ночная рыбалка». Бумага, масло.

Григорий Кудяшев. «Старая пристань на Сысоле». 1970-е гг. Холст, масло.
Из собрания Национального музея Республики Коми

Модель. Пароход пассажирский «1 мая». 1946 г. г. Сыктывкар.
Из собрания Национального музея Республики Коми

Григорий Кудяшев.
«Дети в лодках». 1980-е гг. Бумага, акварель.
Из собрания Национального музея Республики Коми

Модель. Лодка-дощаник с грузом.
196–1980-е гг.
Из собрания Национального музея Республики Коми
Модель лодки.
Из собрания Национального музея Республики Коми

Анастасия Юрьева.
«Дочь рыбака». Стекло, керамика, металл.

Анастасия Юрьева, Наталья Павлицкая.
«Черинянь». Ассамбляж. Фрагмент.

Григорий Кудяшев. «Рыбаки. Гроза над рекой». 1980-е гг. Бумага, акварель.
Из собрания Национального музея Республики Коми

Анастасия Белолипецких.

«Река». Диптих. Туман.

Ручное ткачество, полушерсть, хлопок, синтетика.

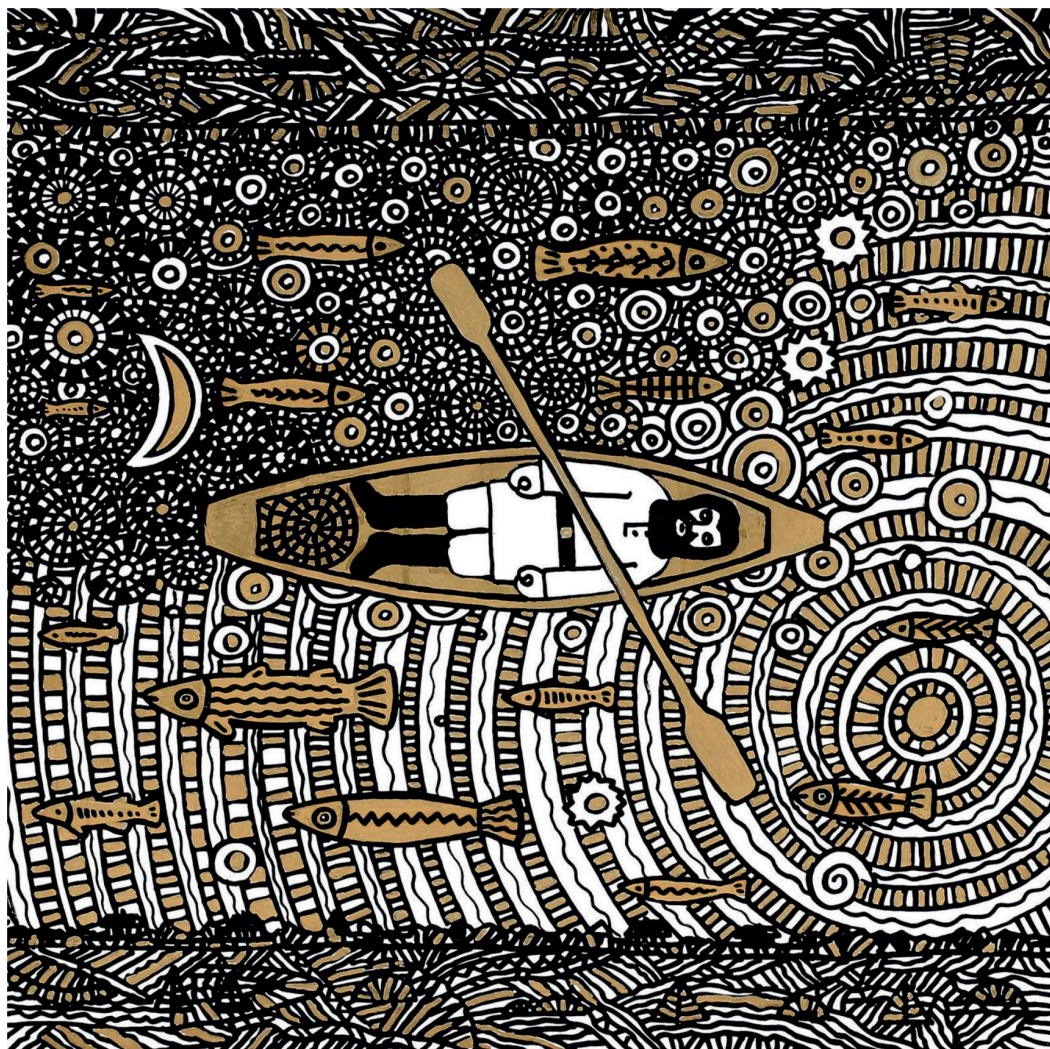
Кристина Овсянкина.
«Берег». Картон, пастель.

Сергей Разманов.
«На Выми». Фотография. д. Кони.

Павел Зарослов.
«Движение на Север. Часть 1. Часть 2». Бумага, акварель, гуашь.

Юрий Лисовский.

«Душа реки моего отца». Бумага, тушь. 2014 г.
Из собрания Национального музея Республики Коми

Татьяна Зыкова.
«Небо внутри. Отец». Холст, акрил.

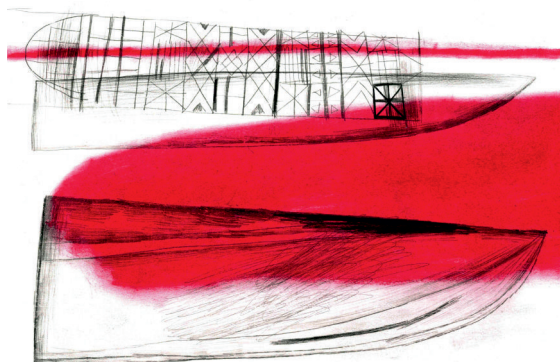
Ангела Разманова.
«Маленький кусочек голубого неба». Холст, масло.

Кристина Овсянкина.
«Река памяти». Холст, акрил.

«Ижемские знаки».
Бумага, масляная пастель.

Ангела Разманова.
«Параскева Пекнича». Дерево, темпера, акварель.

«Мезень да Вашка». Дерево, темпера, акварель. Поплавки с родовыми пасами из д. Корттувья.

**ТОМ
ГИЖЫСЬЯСЛӨН
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖУРНАЛ**

Анастасия Лосева

Сыктывкарсянь Уфаӧдз да бӧр: луннебӧгысь лист бокъяс

Апрель 20 лунӧ дас час рытын Ӧтувезйын воис гижӧд: «Настя, пырӧдчы «Кывъя арт-резиденция» став-россияса проектӧ. Ме видзӧдлі часі вылӧ. Заявка примитан кад помӧдз колис кык час. Позис кинам ӧлыштны и вунӧдны, но мыйлакӧ ме ыззи, мися, колӧ кызкӧ удитны. И удиті.

Май 16 лунӧ воис юӧр: ме пыри сійӧ 10 вермысь лыдас, кодъяс мӧдасны Башкортостанӧ «Кывъя арт-резиденцияӧ». Бӧрді, сералі, чеччалі, сьылі, йӧкті – сэтшӧм вӧлі рад.

И со воис кад петны туйӧ, медым тӧдмавны, мый сэтшӧмыс «Кывъя арт-резиденция».

Лӧддза-номъя тӧлысь 20 лун

Лӧддза-номъя тӧлысь 20 лун – вобыднас медся кузь лун. Менам сійӧ збыль кузь и арт-мис. Сійӧ ньӧжӧндзик йитчис мукӧд лункӧд, и артмис быттьӧ помтӧм-дортӧм кузь лун. Но ставсӧ висьтала сьӧрсьӧн-бӧрсьӧн.

10 часын ме пукси автобусӧ и мӧдӧдчи ылі туйӧ – Сыктывкарсянь Уфаӧдз. Тайӧ 1156 километр.

Сыктывкарсянь Кировӧдз туйыс лэбис ӧдйӧ – вит часӧн. Сэсся ме пукси мӧд машинаӧ, медым мунны водзӧ. Шоперыс сьурис бур, но зэв ньӧжмьд. 70-80 км/ч мунӧмӧн ме чайті, мый некор ог во местаӧдз, туйыс некор оз помассы, кызди и луныс. Но кадыс тотшкис ассыыс кытш. Часысь часӧ Сыктывкарыс ылысмис, а Уфа матысмис.

Ӧшинь сайын серпасыс дугдывтӧг вежласис: то видзьяс, то карьяс, то сиктяс. Шонді пуксьӧм ми паныдалім Татарстанын, шонді садьмӧм – кор вуджим Башкортостанлысь суйӧр. Ӧти здукӧн лоим как часӧн водзынджык Москва кад дорысь.

И со вои Уфаӧ. Часі вылын 5 час 31 минут. Водз асыв, но карыс узьӧ на. Сьӧкыд таӧ эскыны, ӧд Уфаын олӧ миллионысь унджык морт.

Квайт час асылын пыри хостелӧ, кӧні шойччисны арт-резиденция котыртысьяс да проектын участвуйтысьяс.

Лӧддза-номъя тӧлысь 21 лун

Тайӧ асывнас ме тӧдмасы Аня Темниковакӧд (Новосибирск) да Анастасия Малышевакӧд (Оренбург). Сёйыштӧм бӧрын мӧдӧдчим Башкортостанса войтыръяслӧн ёртасян керкаӧ. Абу и ыджыд, но, быттьӧ фокусниклӧн зептын, быдторйыс эм. Медся ёна воис сьӧлӧм вылӧ национальной паськӧм выставка. Син да вом паськӧдӧмӧн видзӧді. Весиг чуньям эг лысьт

инмөдчыны. Юрын бергаліс юалөм: «Кыдзи тайö мичлунсö видзны?» Юр кышöд доръясын – көрт сьöмпас, морös вылын – сьöмпас. Ме чайта, сьöкыд видзны татшöм озырлунсö.

Недыр кешлö пыравлім и Башкортостанса Национальнöй музейö. Вöлөмкö, Уфа нимын эм финн-угор вуж. Уй (тюрка-башкыра) – ю, визув ва. Фа (венгр) – пу, пуысь вöчöм сикт.

Миян войтырьяслөн пö вермас лоны öтувъя вуж. Тайö мөвпнас миянös пуксьöдісны автобусö, медым нудöны Бурзян районö.

16 морт төрöдчим öти автобусö.

Котыртысьяс: Анжелика Засядько, Анна Новоселова, Айгуль Габитова, Евгения Такаракова, Радмир Садыков, Айсылу Хафизова.

Резидентъяс: Кирилл Косыгин (Камчатка, Палана посёлок), Виктория Матвеева (Марий Эл, Кучукенер грезд), Анна Темникова (Новосибирск), Дари Буянтуева (Бурятия, Улан-Удэ), Зухра Рахматуллина (Башкортостан, Уфа), Елизавета Шеломихина (Благовещенск), Анастасия Малышева (Оренбург), Макар Окотэтто (Ямал-Ненеч кытш, Мыс Каменный сикт), София Толстова (Чувашия, Чебоксары) да ме, Анастасия Лосева (Сыктывкар).

Миянös виччысис квайт час туй Башкортостанса медся мича районті, медым вежон чöж овны Лунвыв Урал дорын, енбиа йöз пövстын.

Лөддза-номъя төлысь 22 лун

Кутшöм чуймөдана вөр-ва Бурзян районын! То виччысьтөг мөдас зэрны да гымавны. То лөняс, и пырысьтөм-пыр заводитасны сывны лэбачьяс, дзизгыны гут-гаг. А кыряс костын став шыыс, вöлөмкö, некимын пöv гораджык. Миянладорын, Комиын, ёна лөнджык. Тайö медводз менö и чуймөдіс.

Талун мөдөдчим вуджны гөра да сюрны Урал кыръяс костө дзебсьом сиктө. Миянлы колө воөдчыны Инсебикэ кыртөдз. Тайө зэв жугыль легенда: мича ныв Инсебикэ радейтөма зонмөс, но зон вөлөма зэв гольон и абу вермөма гөтрасьны. Сэки мам-батыс корсьөмаөсь озыр пöрысь верөсөс, но ныв абу көсийөма петны сы сайө да пышйөма гортсьыс. Инсебикэс аддзөмаөсь кыр йылысь. Ныв гөгөрвоөма, мый водзө пышйыны некытчө, да уськөдчөма ваө, и өнi на сийө ваыс визувтө кыр горулын.

Новосубхангуловоса йөз паныдалісны миянөс сиктса клубын. Найө петкөдлісны көлысь традицияс, кыдзи дасьтöны да примитöны выль семьяө гөтырпуөс. Прөйдитім нейджыд музейөд, көнi тшөктісны пасьтавлыны башкыр костюмысь элементъяс. Ме пасьталі морөс вылө – тушелдерек. Сийө вуджө мамсянь нывлы, кодi ас киөн содтө сьөмпас рад. Тадз көленаысь көленаө. Ок, кутшөм сьөкыд! Дас минутысь унджык эг вермы видзны. Кыдзи сийөс новлөны башкыр нывъяс? Ог төд.

Сэсса вөлі тэчөма башкыр сөйөд-юөдөн помтөм-дортөм пызан. Ми медводдзаысь видлім: кумыс, бишбармак, кызыл эремсек (казанын сахарөн жаритөм рысь), баурсак (ыджыд чак-чак), казылык (мусысь пуөм калбас), вак белиш (шыдөс дорө нянь), корот (шыдөс дорө йөлысь содтөд).

Гастрономия отсөгөн миянлы лоисны гөгөрвоанаджыкөсь башкыръяслөн традицияс.

Лагерө воөм бөрын миянөс виччысис Айгуль Габитовалөн мастер-класс. Поэт, Россияса гижысь котырө пырысь висьталіс, кыдзи поэьө пуктыны сцена вылын кывбур да висьт сэтшөм кывйөн, медым вөлі гөгөрвоана видзөдысьлы. Пуктанторйыс кө мунас сьөлөмсянь, йөзыс кыласны да аддзасны, мый тэ көсьян висьтавны аслад гижөдөн.

Мастер-класс бөрын ми, резидентъяс, пуксим өти кытшө Айгулькөд да бөрийим морт өти гижөдөн. Некумын лун мысти кутам петкөдлыны найөс сцена вылын, и став кывбур-висьтным йитчасны сикөтш моляяс моз. А таөдз ковмас уна на репетируйтчыны, да нөшта шымыртны мастер-классъяс, ёрта сёрнияс да клип снимайтөм.

Лөддза-номъя төлысь 23 лун

Тайө луныс дыр-дыр кежлө кольө менам паметьө. Унатор лоис медводдзаысь лөддза-номъя төлысь 23 лунө. Ми мунім экскурсия вылө «Шульган-Таш» государственной природной биосферной заповедникө да «Пещера Шульган-Таш» историко-культурной музей-заповедникө.

Первой ми пыравлім музейö. Кыдзи сэнi сетөма информациясö! Эг и казавлы – лэбыштiс дзонь час. Ставсө позис видзөдны, кывзыны, вошйыны кинад, веситны. Кыдзи ичөт челядь, кытшлалім экспонатъяс гөгөр да төдмасим наөн.

Сэсса веськалім «Шульган-Таш» пещераб. Йөзыс овлөмаөсь сэнi 20 000 во сайын. А ште-нас кольөм серпасъяслы пө 14000-17000 воысь унджык. Ме тшукөдчи наө.

«Шульган-таш» пещеракөд йитчөма уна миф да легенда. Öти висьталө, быттө сэнi олө Урал-Батырлөн лов. Кодлы усяс шуд аддзывны Акбузатөс – сылысь бордъя вөвсө – лоө шудаөн. Мөд легенда серти, тайө пещераас коркө муувса йөзкөд овлөма Дивө – пещералөн көзяин. Та вөсна туристъяслы висьталөны, көсьян кө пө Дивөсянь козин, вөч сылы мыйкө бурөс.

А эм нөшта татшөм легенда. Коркө Пугачёв кадө тайө пещераас дзебсьөма пышъялысь крестьянин. Мужичөйлөн вөлөма чуймөдана вын: сийө кужөма лоны тыдавтөмөн.

Сэсса пө рөзбойникъяс овлөмаөсь: найө дзебөмаөсь танi клад, кодөс өнiя кадөдз на некод абу аддзөма.

Виль төдөмлунъяс сэтшөма шызьөдісны вежөрөс, мый пещераысь петөм бөрын эг и төдлы, кызди бөр воим лагерө да пондім вичысьны виль мастер-класс.

Рашид Шангареев, HappyStoryFilms-өн веськөдлысь, висьталіс, кызди да мыйөн поэьо дасьтыны сэтшөм видеоклип, медем сійө лоис өнія кадлы лөсяланаөн. Татшөм урок бөрын ми гөгөрвоим, мый дзик ог кужой вөдитчыны ас телепонөн. Но регыд мысти миянлы нин ковмис петкөдлыны, бура-ө сяммам пөртны олөмө виль кужанлунсө: өти часөн миянлы ковмис снимайтны да монтируйтны «Кывъя арт-резиденция» йылысь неыджыд ролик. Ме чайті, мый музей кытшовтігөн ми вөлім челядьсьыс на челядь. Но тайө уджсө вөчигөн нөшта на ичөтджык челядьө пөрим: чеччалім, котралім, турун пиын куйлім, көмкот арталім, мөд резидентъяс бөрся кыйөдчим. Но видео вөчим. Оценка пыдди быдөнлы вичмис аслас нимпас: енбиа, мича, гажа да сідз водзө.

Лөддза-номъя төлысь 24 да 25 лунъяс

Тайө лунъяссө ме юкөрта, өд вөчим кыктор: снимайтчим клипын ас кывбур-висьтөн да репетируйтчим. Быд номерын ёна отсасим ёрта-ёртлы: вөлім и артистъясөн, и лыддысьысьысөн. Тайө репетицияс дырйиыс Лиза вөлі менам нылөн, Вика – чойөн, а ме ачым Анялы – серпасасьысьөн, Макарлы – матысса рөдняөн, Лизалы – йөз чукөрөн, Зухралы – нывьёртөн.

Кык луннас удитім кывзыны кык мастер-класс. Анна Новоселова да Регина Мухаметова висьталісны стратегия йылысь, кызди водзө сөвмөдны литературной творчество. А Анжелика Засядько, «Кывъя арт-резиденция» проектөн веськөдлысь, кывкөрталіс мастер-классъяссө да тшөктіс вөчны 2024 волөн декабр помөдз медиаплан. Тайө лоө мед-ся джыд гортса удж, кодөс колө вөчны миянлы быд төлысь.

Лөддза-номъя төлысь 26 лун

Лөддза-номъя төлысь 26 лунө Бурзян районын олысьяс кылісны культура керка сцена вывсьянь уна пөлөс кывлысь юргөм: коми, коряк, башкыр, мари, роч, немеч, бурят, чуваш,

яран. Вöзийом темаясыс сідз жö вöліны аслыспöлöсöсь: ичöтдырся кад, радейтчöм, чужан кыв, му да традицияс нимöдöм, ас туй корсьöм.

Зэв сьöкыд вöлі петны йöз водзö. Öд тэнö некоді оз гөгöрво. Но ставыс колис лючки-ладнö. Мед кö йöзыс эз тöдны миянлысь кыв, та пыдди найö кылісны оланрунымöс.

Ме чайта, ставлы тайö выступленньöысь позьö пуктыны ыджыд «вит». Сэтшöм ми молодечья!

Лöддза-номъя тöлысь 27 лун

Тайö луныс сідзи жö кольö паметьö нэм кежлö. Миян лагерö локтіс Алия Юсуповна Ишматурова – международнöй тшупöда чемпион – да велöдіс миянöс лыйсьыны ньöввужйысь. Медводз яндысим, öд некоді эз куж бура витны ньöвсö, а веськавны кытш шöрö – тайö нин торъя теш. Кияс нюжöдлім, морöс чургöдлім, ньöввуж зэвтлім и сідз и тадз. Ме весигтö воштi öти ньöв: лэбис кытчöккö пуяс сайö. Гашкö, лягöй сійöс аддзис да öнöдз пукалö кутшöмкö из вылын, виччысьö, кор принц локтас.

А рытнас ми чукöртчим бөръя бипур дорö, медым сылыштны гитара улö, мыччöдлыны ас войтыръяслысь йöктöмъяс да вöчны ёрта-ёртлы козиньяс.

Ме кö верми, сувтöді эськö здуксö. Вижоннас тайö 16 мортыс лоины меным донась. Жаль, кадыс сэтшöм öдйö колис. Аски бөръя петкöдчöм, и ми мунам, лэбам, кывтам асла-ным ылі муясö.

Лöддза-номъя тöлысь 28 лун

Агидель. Башкыр кывйысь вуджöдсьö кызди «еджыд». Тані ставыс еджыд – ю, челядьлы лагер, кыр, лавка, гостиница. Кор ме муна вöлі Башкортостанö, сёысь юалі ассым: «Мыйла Башкортостан? Мыйла татшöм ылö?»

А öні верма висьтавны: медым ставсö заводитны выльысь. Мöд нога видзöдлыны ас вылö, аслам творчество вылö.

Водз асывнас пуксим автобусо да модім туйо: Бурзян районысь – Уфао. Сэні Ахмет-Заки Валиди нима Национальнэй библиотекаын миянөс виччысисны чина да нималана йөз, журналистъяс да лыддысьсысьяс.

Медводз миянөс чолөмалісны Башкортостанса культура министрөс вежысь Наталья Лапшина, Башкортостанса народнэй гижысь, сатирик Марсель Салимов, Башкортостанса гижысь котырөн веськөдлысьөс вежысь Танзиля Давлетбердина, Башкортостан войтыръяслөн ёртасын керкаён веськөдлысь Эльмира Саматова, а сідз жө Ресурснэй шөринса национальнэй отношениияс юкөнөн веськөдлысь Евгения Михалева. Та бөрын сцена вывсаян юргисны кывъяс: коми, коряк, башкыр, мари, роч, немеч, бурят, чуваш, яран.

Петкөдчөм помын өтлаөдім пазъяс: на вылын вөлі гижөма «чужан» кывлысь вежөртассө миян кывъясөн. Тадзи артмөдім өти ыджыд сьөлөм. Сійө төдчөдіс, мый ми олам өтувъя чужанінын – Россияын. А гитара улө ливкөдлөм «Выйду ночью в поле с конём» сыланкыв дыр на пондас юргыны миян лолын.

Татшөм кыпыда помасис Башкортостанын коллялөм өкмыс лун.

Лөддза-номъя төлысь 29 лун

Дас час асыв. А гортын – көкъямыс. Пукала автобусын, медым бөр мунны Комиө. Сьөлөм вылын шог. Öд талун ми чукөртчылім бөръяысь – «Кывъя арт-резиденция» котыртысьяс да помалысьяс. Мый олөманым шуөма? Аддзысьлам коркө али огөй?

Водзө ёртасям Öтуввезйын. Кутам төдмасыны ёрта-ёртлөн гижөдъясөн да радлыны выль вермөмъясла.

А өні гортө, гортө! Медым водзө сөвмөдны ассым творчествоөс. Виччысьны гижөд чукөр да клип петөм.

Р. С. Бөрсө локтігөн ме тшөкыда казаявлі енэжысь кутшъясөс. Тайө ми, «Кывъя арт-резиденция» помалысьяс. Öні ми өлалам бордъясөн, медым кыпөдчыны енэжө, йитчыны шонёд төвкөд да долыд сьөлөмөн лэбны выль вермөмъясла. Ме нимкодаяся тіянөн да тшөкыда юавла ассым, кыдзи эськө тіянтөг олі? Сэтшөм зумыда пыриннөд менам лолө, быттьө тадзи вөлі век.

Аддзысьлытөдз, ёртъяс!

Анастасия Быкова
(Луздор районса Абъячой сикт)

Лөзмик

мойд

Марьялөн котырыс олө карын. Найө думайтөны вуджны став овмөснас сиктө, сы вөсна мый карын вывті шума, а сынөдыс няйт. Бөрйисны некымын керка, но медъёна кажит-чис юдорсаыс. Локтісны видзөдлыны сійөс. Керкаыс вөлі мича, турунвиж рөма. Пытшкыс лөсьыд, югыз. Пырысьтөм-пыр и ньөбисны керкасө да вежон мысти вуджисны.

Өтчөд рытнас Марья босьтіс небөг да муніс ю дорө, пуксис лабич вылө. Нывка ёна радейтіс лыддысьны.

Вичысьтөг кыліс кутшөмкө шы: «Фырр!..» Марья повзис, пышйис гортас да дзевсис крөватывывса эшкын улө. Дыр мөвпаліс, коді тайө вермис лоны. Сэсса висьталіс мамыслы. Мамыс шуис, кань пө тайө вөлі.

Марья эскис меддона мортыслы. Вежон мысти бара муніс ю дорө небөгөн, пуксис лабич вылө, кывзысьыштис да заводитіс лыддысьны.

Друг бара кыліс шы: «Фырр!.. Фырр!..»

– Коді тайө? – шөпкөдөмөн юаліс Марья.

Вичысьтөг юысь мыччысис дзик лөз дивө – дзирыд турунвиж синма да пашкыр гөна бөжа.

Нывка чуймис:

– Коді тэ?

– Фырр... Ме Лөзмик.

Маша өдйө котөртіс гортас, петкөдіс ывлаө нянь да йөв. Лөзмик виччысьөма нывкаөс керка водзас. Сійө азыма нуръясис да меліа аттьөаліс Марьяөс.

Найө кутісны аддзысьлыны быд лун: ворсісны, сёрнитісны. Вөлөмкө, дивө ичөтдырйиыс на вошөма да абу төдлөма мам-батъыслысь радейтөмсө.

Пуксис гожөм. Марьялөн котырыс думыштис ветлыны саридз дорө. Нывка шөгө усис. Ковмис мунны да висьтавын Лөзмиклы. Дивөыс көсйысис бура овны да виччысьны сійөс.

Регыз котыр муніс саридз дорө. Бура шойччөм да козинъяс ньөбөм бөрын локтісны гортас. Но Лөзмик эз паныдав Марьяөс. Нывка висьталіс котырыслы дивө йылысь, и ставныс мунісны корсьны Лөзмикөс. Но налы сюри куш сулея. Пытшкас вөлі гаровтөма письмө: «Ме Горда, юса көлдуння, гусялі Лөзмикөс! Ог сет бөрсө: меным колө сылөн сьөлөмысь шуда кизы! Эн корсьөй сійөс».

Котыр мөдіс ю дорө. Налы паныдасис Турунник. Вөлөмкө, тайө Лөзмиклөн ёртыс. Сійө висьталіс, көні олө көлдуння, да көсйысис отсавны. Кодкө пө сунөй ваас Гордалысь оланінсө корсьны, а кор көлдунняыс петас, ме пө уськөдча сы вылө.

Тадзи и вөчисны. Марьялөн батыс суныштис ваө, таркөдчис Гордалөн оланін өдзөсө. Көлдуння здукөн кыпөдчис ю веркөсө, чеччыштис берегө, мед кынтыны юсө да Марьялысь батысө. Но Горда вылө уськөдчис Турунник да гартіс сійөс турунөн. Көлдуння горзіс-горзіс, дзодзулө пөрис да пышйис.

Регыз мысти юысь мыччысисны Марьялөн батыс да Лөзмик. Дивө ставныслы висьталіс ыджыд аттьө да кутыштис Турунниклысь кисө.

Өні Лөзмик олө Марьялөн керкаын да отсасьө котырлы быд уджын.

Тшакла

висьт

– Гортса уджтö вöчин? – юалис Мишуклысь мамыс.

– Вöчи-вöчи, – шыасис зонка вольпась вывсянь.

– Велöдчöй, челядь, югдöдöй юр, велöдчöм вайö тiянлы бур, – висьталiс мамыс. Сiйö век тадзи садьмöдö Мишукöс школаö, шебрассö вывсьыс босьтас, пельпомöдыс вöрзьöдыштас да шуас: «Велöдчöй, челядь...» Но öнi вöлi рыт, да сiдз нин шмонитiс, гортса удж гаралöм вöснайс.

Школаöдз Мишукöс да Дашаöс, воча сочсö, дедушыс новлöдлö машинаөн. Вит минут – и школаын. А подөн чой паныд час мунны. Нöшта на кö ылалан кытчöкö либö кодкöдкö – верман и сёрмыны. Да и Гурейлөн понйыс вермас уськöдчыны...

– А мый талун сэтшöм водз водöмьд? – чуймис мамыс да выльысь восьтыштлiс жыр öдзöссö. – Эн-ö висьмы?

– Эг. Аски кöсья водзджык чеччыны да подөн мунны школаö.

– Мый сiдз?

– Да, Сашкакöд споритi, кодi водзджык чеччас да первойөн школаас воас.

– Но-но...

Мамыс, дерт жö, тöдiс, мый унзiль Мишукöс асывнас бара на ковмас мырдөн катны, а дедушыслы – перйыны машинасö гаражысь.

– Велöдчöй, челядь, югдöдöй юр, велöдчöм вайö тiянлы бур, – вомгорулас дурскис Миша. А водзöсö эз тöд.

«Нинöм оз ло, öти лун кö ог кайлы школаö. Но вот мый лоас? Лыддьысьны кужа, артась-ны кужа. Со кило тшаксö примитöны квайтымын рубысь. Мöд сортсö. Первой сортыс ешшö на донаджык. Та вылö шедас шоколад. Кило тшактö вота часөн. А лунтырнас и вит кило, а та вылö позьö ньöбны нин вит шоколад. Бабуш тöрыт вотöма куим сюрс дон. А öти тшак, веситöмась да, сувтöма кöкъямысдас руб. Сы вылö и меным шоколадсö ньöбöма. Аски кö школаö ог мун, а муна тшакла, верма нажöвитны бабуш мында жö», – тадзи мөвпалiгмоз Миша и унмовсис.

Вöтасис, дерт, тшак вотöм. Мунö ягтi, а тшакыс – быттö сiталöма. Тадзи бабушыс век шуö. «Но тэ, бабуш, он жö тадзи шу!» – шыасяс Маша. Чойыс Мишаысь сизим арöсөн ыджыдджык. Школа нин помалiс, велöдчö институтын учительö, бара и янöдас пöчсö. А Мишалөн серамыс петö, кор тадзи бабушыс шуö.

И со мунö Миша вöртi. Полö тувчынысö – тшак вылын тшак. Чумансö öдйö и тыртiс, да пондiс жалитны, мыйла батыслысь пестерсö эз босьт. Кепкасö пöрччис да сэтчö заводитiс чукöртны. И виччысьтöг пуö зурасис. Сöмын кокыс абу мукöд пуыслөн кодь. Югыд кырся, но абу кыз.

Миша вöрзьöдiс чуньнас – небыд. Чатöртiс юрсö да повзискöдь: тайö вöлi гөрд гоб. Тшакъястö зонка бура тöдiс, сорасьны эз вермы. Дивö тай – тшакыс пу джуджда. Миша перйис гач зепсьыс телепон, гөгöрбок снимайтiс. Сэсся пондiс пуртнас пилитны-пöрöдны тшаксö, тилис-тилис пöсь петтöдзыс, кашмытöдзыс. Пуксис шойччыштны, мышнас бертчис тшак кокас. Кöсийс видзöдлыны телепонсьыс фотояссö, а фото пыдди – руд квадрат.

Миша чеччис выльысь снимайтны, бергөдчис, а тшакыс абу. И чуманыс абу. И кепкаыс куш... Зонка пондіс бергавны – съөд вөр, туйыс абу. Кытчө мунны?

– Мааам... Батьё... – повзьёмысла горөдіс Миша да садьмис. Видзөдліс гөгөр: гортас, өшинь сайын ывлаыс югыдкодь нин. Кухнясянь кылө тасьті-паньён гольган шы, а нөшта өвтө аладдя дукөн. Буракө, мамыс чеччөма нин да вөчө завтрак. А батьыс, пөдикось*, петіс скөт вердны.

«А мыйла меным и сы мында шоколадыс? Бабушлөн төрытья ньөбөмаыс на эм. Сэсся бара пиньой висьмас да, бурдөдны ковмас».

Кыдзи пинь йывсьыс думыштіс Мишук, да вөтсө на төд вылас уськөдіс, пыр и шуис асылс, некытчө пө ог мун. Шебраснас юр вевдорөдзыс тупкысис да здук мысти стынитіс-узис нин.

– Велөдчөй, челядь, югдөдөй юр, велөдчөм вайө тіянлы бур. Мишук, чеччы, дедушyd коляс, подөн сэсся ковмас кайны, – зонкалы пельпомас меліа инмөдчис мамыс...

*Пөдикось – лл. пөди.

Маяксянь письмояс

висьт

Ме вöлі сэнi öтчыд, но ясыда аддза серпассö... Пижмалöн коръяс пыр тыдалö, быттьö китлöн жергöдöм горш, Охотскöй саридзö нүöдысь ворота. Берегас и ваас шойччöны сiмöн йирöм буксирьяс – тадзи и коллялöны нэм помнысö. А зумыш изъяс вылын куйлысь быгалöм вужляясö öшйöма кöтасьöм ламинария. Колымаса сьöкыд енэж лолалö лöня. Важ маяк век видзöдö Нагаево бухта вылö. Воськыдывсянь и шуйгавывсянь кыссьö сiсьмöм забор. Сылысь пу кокъяссö дзёбöма кос турун. Туруныс мыйкö вашкöдö сылы аслас кывйöн... Ме ог вöлі гөгöрво тайö сёрнисö, но маяк бöрся видзöдысь вуджöдiс меным быд кыв. Сэсса сiйö велöдiс менö кывны саридзсö, төвсö, изъяссö...

Водзын ме думайтi, мый куш выживьяс вермöны сёрнитны изъяскöд да турункöд, но бöрыннас гөгöрвои: сöмын тайö кыпöдö öтка мортлысь ловсö. Ме коддьöмыс абу этша. Прöстö йöзыс яндысьöны асланыс гусяторйысь. Öтканас öд абу яндзим лонысö. Сöмын тай овнысö курыджык. Гашкö, турункöд да изъяскöд сёрнитiгöн ме коддьöмсö кыласны мöд, тыдавтöм сьöлöмьяс.

Коркö уна во сайын менö сэтчö вайис батьöй. Сiйö локтiс вузасян портö могöн, а меным окота вöлі веськавлыны «му помас»... Саридзкöд паныдаси медводдзаысь. Сiйö вöлі быттьö Колымалöн кöдзыд сьöлöм, но тiпкис шоныда. Быгъя сюръяяс варкйисны ыджыд пöртйын. Ме сулалi и нюмъялi! Тайö вöлі вывтi мича...

– Медся ыджыдыс бухтаын – маяк. Сiйö пöрысь да вежöра! – виччысьтöг шыасис кодкö.

Тöдтöм морт шытöг матыстчис ме дорö. Ме сыркмуныштi, но повзёмöс эг петкöдлы. Тайö вöлі сөнiöра пöль. Шуйга киас эз тырмыны водз да шöр чуньяс.

– Тэ мыйла танi öтнад? – юалис сiйö. – Кодлöн нö эськö лоан?

– Ме папалöн. Тонö сiйö, сёрнитö, – öвтыштi киöн баржаяслань. Да содтi: – Папайö öнi матыстчас.

– Мед инö... – нюмдыштiс пöль. – Ме гөгöрвои. Ва дорас эн матыстчы. Но? Тöлыс танi вежласьö... Да... төбсьыны тэныд эськö ёнджыка...

Пöль лашиктiс чери кыйысьяслань. Вадорса вильыд изъяс вывтi восьлалiгöн тöдчис: шуйга кокнас чотö. Чери кыйысьяс ноксисны берег дорас, ёрчисны да шуасисны йиа ру вылö, кодöс төв нырыс вöтлiс картi öти бухтасянь мöдö. Но тайö венöрыс, буракö, вöлі му вылас медся мича места.

Ме батькöд сибдылi бухтаас куим лун кежлö. Быд лун пажын бöрын вöлі лэчча маяк дорö. Сэнi ме кындзи ворсiсны матысса чериалан артельысь челядь. Чой йылас вöлі ёна шоныдджык портын дорысь, и ми эгö кынмылöй. Но и но – эгö кынмылöй июнь помын!

Первойысьсö ме мöдi маяк дорас кöзяйкалöн ыджыд нылыскöд, кодлöн керкаын ми овмöдчим. Кузь кöсаа, ыджыд тушаа Даша велöдiс мукöд зонпоснисö, видзöдöй пö та бöрся, син увсьыд эн лэдзöй, кедзовтны эн сетöй... Тадзи куим лун кежлö менам лои мелi ним – «дзoля бöж».

Кутшöма жö ме чуйми, кор маяк весьтын виль ёртъяскöд ворсiгöн ме бара паныдаси эсiйö пöльыскöд!

– Видзöдлöй, – ворсöмсö дугöдi ме да шöпкöдi: – Тонö тай пöльыс... ме аддзылi сiйöс асывнас портсьыс, баржаяс дорысь.

– Но и мый? – чушнитіс нырнас Влад, кудриа ыджыд юрсö чатöртöмөн. – Тайö жö маяк бöрся видзöдысь. Коркö вöлöма лоцманöн.

– А мыйла сійö чотö? И мыйла ки вылас чуңьясыс абуöсь? – окота лои тöдны меным.

– Неминуча... – гөлөссö надзмöдöмөн гөгөрвоöдiс ёртöй. – Повны сысыс оз ков. Степан Викторовичöс танi ставныс пыдди пуктöны.

Пöль матыстчыштiс миянлань да довкнитiс юрнас.

– Видзöда да, менам танi бара гöсьтъяс. Ещö на öти боеч содöма?! – шпыньмунiс сійö.

– Степан Викторович, – Влад вайöдiс менö вöвлöм лоцман дiнöдз, – тайö Нора – миян «дзоля бöж»!

Ставныс пондiсны серавны да кытшалiсны пöльöс.

– Нимыд тэнад кутшöм... Нора... – шемöсмис сійö да вöчис сэтшöм чужöм, быттьö коркö тöдлöма нин менö, а öнi бара паныдалöма дыр кeжлö янсöдчылöм бöрын. – Но, ви-дза олан, Нора! Вай тöдмасыам.

Ме лöня чолöмасы. Весиг шöйöвошлi, ставныс сэтшöм любöпырысь видзöдiсны миян тöдмасьöм вылö да. Но зэв нин регыд збой Влад пысасис маяк бöрся видзöдысь дорö:

– Степан Викторович, висьталöй асланыд приключенньöяс йылысь!

Вильыш пышкайяс моз пуксялiм ыджыд вужляяс вылö да пондiм виччысьны Степан Викторовичöс. Сійö тшöтш пуксис, нюзöдiс веськыд коксö водзлань, гөрба нырсö нуöдiс бокыв да довöля нюммуномөн лэптiс му вылысь еджыд изтор. Изторйыс пырысьтöм-пыр и вöйис сылөн гаддьöсь, сарöга паськыд ки пыдöсас.

– Öнi пансяс мойд... – лöня шуис пöль, топöдöм ки пыдöссö пель дорас матыстöмөн. – Изтор миянлы сійöс висьталас.

– Степан Викторович! Тадз оз овлы! – шызис Владик. – Ми абу дзоляöсь! А изъяс оз кужны сёрнитны!

– Тэ кö он велав изъяслөн кывйö, и со тайö турунлөн, и... тöвлөн, тэ некор он вермы лоны карабыввса капитанöн!

Вöвлöм лоцман паськöдiс кырымсö. Изтор усис да кынмис.

– Корсюрö, пиук, олöмас овлöны здукъяс, кор сöмын и верман сёрнитны изъяскöд да турункöд... Ноко, кодi тiян пиысь тöдö турунлысь кывсö?

Ми чуймöмөн видзöдiм дивö-пöль вылö. Степан Викторович нюмдыштiс да нинöм эз вочавидз.

Ми нöшта неуна бергалыштим сы гөгөр да котöртим вывлань, артель дорö. Маяк дорысь мунтöдз ме лэптi сійö изторсö. Изтор югъялiс пони шондi моз, и ме кокниа торйöдi сійöс мукöд изйысь.

Рытнас ми ужнайтим батькöд да öттор-мöдтор йылысь сёрнитöм бöрын водiм узыны. Войковтi ме Дашакöд да сылөн ичöt воккöд. Даниллы вольсалiсны джоджас батыслысь ыджыд тулупсö, кодi вöли пач кодь шоныд, а ме водi сылөн векныд крöватяс.

– Он узь? – лöня юалiс Даша, менсьым бергалöмöс кылiс да.

– Ог узь.

Ме пукси крöвать вылö. Тадзи вöчис и Даша.

– Меным оз жö узьсы, – вашнитiс Данил.

– Даша, – юалi ме, – тiян семьяыд важөн нин танi олö?

– Дерт. Ми воккöд чужим маяк вылын, а бать-мамöй локтöмаöсь татчö томдырйиыс. Мамöй шуö, тайö местыс пö сэтшöма мусмö, мый сэсса он вермы татысь муннысö.

– Висьтав, а эсiйö пöлыс... Степан Викторович, сiйö... мыйла сiйö сэтшöм тешкодь?

– Тешкодъ али мый? – нюммуніс Даша.

Синмөй велалис нин пемыдас, и ме видзөдалі сылысь нюмъялысь чужөмсö, лэдзалөм сук юрсисö, вынйöра кисö, неуна чурвидзысь тшöкасö... Воыс дзик жö сы кодъ вöлі, кульöма-ляскöма.

– Татшөм мортсö ме некор на эг паныдавлы, – водзö висьталі ме.

Даша пыльсмуніс.

– Дзоля на тэ! Кымын мортсö олөмад паныдавлин? Кымын сьöкыдсö пыкин? Вот Степан Викторович унатор аддзылөма! Төдан, мыйла ки вылас чуныясыс абуось?

– Да, Влад шуис маяк вылын, неминуца пö вөлöма...

– Абу! – шыасис Даша.

Сійö чеччыштис крөватьсьыс да пуксис ме дорö:

– Батьöй висьтавліс, Степан Викторович пö дорйöма понйöс öти уголовникись...

– Кодлысь понсö? – чуйми ме.

– Калюжнöйлысь – эм тані сэтшөм вöралысь. Маяк вылас котралысь детинкаясыс ассьыныс легенда думыштöмаось.

...Ме кылі, кыдзи синлапъясöй кутісны сьöктаммыны. Данил куйліс тулуп вылын кияссö паськөдөмөн да гораа нускис. Даша вуджис аслас крөватьö, кунис синсö и дзумгысис вөтö.

Мөд луннас ме бара муні маяк вылө. Та пöрйö куш Владкөд. Öти сайын ми пырим сімөм буксирö.

– Ме повтөм капитан! – горөдіс Влад пельпомсö веськөдөмөн. – Видзөд! Миян караб вылө уськөдчöмаось чикышъяс да сивучьяс!

– Ой! – ме тшөтш мөді ворсны. – Да нöшта на и саридзыс сэтшөма гызис...

– Көнкө, караб вылас став неминуचाыс – нывбаба понда, – шпыньмуніс Влад да петкөдліс, быттьökö венö саридз гызьöмсö...

Смотровöй площадка вуджөм бöрын ми лэччим көдзыд лажмыд изъяс вывті маяк дорö. Ылынкодъ, порт весьтын, öшаліс вежласьтөм көдзыд ру. Сöмын öні, пажын бöрын, төв нырыс бөр вөтліс сійöс карысь. Пöрысь маяк видзөдіс пөтлытөм каляяс вылө. Быттьökö весиг мый йылысь кö мөвпаліс.

Виччысьтөг Влад шамыртис менсьыс киöс да горөдіс:

– Котöртам берег вылө! Кутам мерайтны?

– Мый мерайтны? – пыкси ме.

– Кутшөм гы ёнджыка кучкас изъяссö! Тайö жö сэтшөм интереснö!

– Ме пола...

– Но тэ көч!

– Степан Викторович эз тшөкты матыстчыны ва дорас: сійö шуис, төлыс пö вежласьö...

– Да мый тэ төдан! Көч!

Влад шыбитис менсьым киöс да котөртис саридз дорö.

– Сёрнит аслад турункөд да изъяскөд! – горөдіс бөръявылыс. – Йöй-вöй!

Шойөвошөмөн бергөдчылі, эм-ö кодкө менö дорйысь, сэсся пукси вужля вылө да бөррдзи. Менö босьтис гажтөм. Төлыс летйис плаш пöлаös, кыдзи вож вылысь косьмөм кор. Быттьö кодлөнкө вынйöра киясыс первой нетшкисны көсынка улысь юрси пратьясös, а сэсся и кульыштисны көсынкасö юрысь. Ме понді видзөдны Влад бөрся: сійö то матыстчыліс берег дорышас, то бөр чеччыштлис. Виччысьтөг Влад вильснитис да усис чужөмнас увлань. Некумын здук кежлö ме измылі, прөстö видзөді сы вылө. Влад куйліс легзьывтөг. Дзулькйөн пуысь йиа быгйыс вевттис сійöс юр вывтис. И тайö здукас ме аддзи, кыдзи кодкө лютки-летки котөртö сруб вылө дасьтөм кер чукөр дорсянь береглань. Тайö вöлі Степан Викторович... Ме збоймөдчи да уськөдчи береглань.

Пöль кыскис Владös ва дорысь да пелька бергөдіс мыш вылас.

– Эк, пиукöй... Лолав, капитан! Татшөм приказ! – горөдіс маяк бөрся видзөдысь.

Сійö шыбитіс Владöс аслас пидзöс вомöныс да пондіс пальöдны.

– Нора! Котöрт артельö, сюся! Кор отсöг вылö! Врач колö!

– Сійö... ловъя?

– Ловъя... Котöрт! Котöрт!

Ме котöрти мый вынысь! Медтыкö удитны, медтыкö не сёрмыны...

Кор отсöгыс воис, Влад куйліс нин Степан Викторовичлөн керкаын. Пöль тöбöма сійöс шоныд шебрасö да зырالیс едждöдöм кокъяссö спиртөн. Мöдыс гораа лолаліс синсö куньмөн.

– Овны кутас... – мудзöмөн кывкöрталіс көзяин. – Таысь на сьöкыджык овлö... Ен мед видзас сэтшöмсö аддзывны...

Сэсса менö вöтлісны сэтсысь, мед ог аддзыв, мый оз позь. Помнита сöмын, кызди Степан Викторович видзöдліс ме вылö. Тайö вöліны... збыльнöй мортлөн синъяс. Керка дорас бергалісны йöз. Ме эг мун – сулалі пöлынтьчöм забор дорын да виччыси, виччыси... Туруныс быттьö вöйпöдіс менö, эн пö майшась и асьтö эн мыжды. Ме юалі сылысь, кытысь, мися, тöдан менам майшасьöм йылысь. Сійö вочавидзис, мый öтырышъя кывзö менö, и öткалы гөгöрвоны татшöм жö öткаöс – абу сьöкыд...

Тайö здукас ме кылі, кызди менам плаш зептын öйис дзoляник шонді – Степан Викторовичлөн изторйыс. Ме кыски сійöс и топöді киама, а кор Владöс вöлі вуджöдöны «тэ-рыб отсöг» машинаö, котöрөн матыстчи да пункті изторсö сылөн кöдзыд ки пыдöсö. Влад видзöдліс ме вылö кöтасьöм повзём синмөн.

Мöд луннас ми батькöд мöдöдчим гортö – Сусуманö. Мунтöдз ме вöйыси котöртлыны маяк вылö.

– Норук, вай эн сөр! Кутшöм маяк? – броткис батьöй.

– Папа, лэдзлы! – вöйпöді ме. – Бөръяысь лэдзлы! Но? Ме зэв öдйö... Сэні жö ёртъясöй...

– Тэнад тай... эсійö... Владыс... Мый сыкöд тöрыт лоис? И тэ сэтчö жö көсьян сунгысьны?

Батьöй кватитіс менö киöд, пуксьöдіс машинаö да заведитіс моторсö.

– Мöдны колö. Эн бöрд, нылук. Ме ог лысьт тэнö сэтчö лэдзны.

– Но кор тэ быд асыв вöлі мунан портö, а менö татчö колян, весиг юрад эз воы, мый мекöд мыйкö вермас лоны! – ырзалі ме.

Батьöй эз сетчы. Сылөн ки дорö топöдчöмөн ме никöсті:

– Лэдзлы менö...

– Господи... Но котöртлы... – небзис батьöй.

Ме чепöйи машинаысь да ризöді сэтшöм жö öдйö, кызди сэки артельö отсöгла. Котöрти сідз, быттьö сёрма вöлі бөръя поезд вылö странаö, көні ставыс мöд ног, көні менö гөгöрвоöны. Нöшта муртса, и со сійö – маяк. Быд из, код вылö сувтліс кокöй, висьталіс меным: «Аддзысылытöдз...» «Аддзысылытöдз...» – шöпкисны турун, и саридз, и тöv... Сöмын маяк, пöрысь маяк оліс чöv.

– Аддзан, – шыасис излөн пöдöм гөлöс, – кутшöма сійö кушмис... Синъясыс гажтöмöсь и тыртöмöсь. Таысь мыжаыс тэ. Оз на вильöн бурд...

Ме паськöді киясöс да став вир-ййөн топöдчи маяклөн пöсь сьöлөм бердö.

– Тэ мыйла тани? – кыськö быйкнитіс Степан Викторович. – А?

– Мöдім тай гортö... – вочавидзи ме.

– Бур туй сідзкö тияны батьыдкöд, Нора! – нюмдыштіс пöль.

Ме дыр видзöді сылөн чужöмас. Көйи колыны вежөрö синъяссö – мортлысь, коді кужö менö гөгöрвоны.

– Степан Викторович, ме тшөтш велалі кывны турун, изъяс, төв, саридз...

– Сідз и чайті!

– А маякныдлөн кывъяс эг и велав.

Степан Викторович чатөртчыліс вывлань.

– А мыйла сылы мыйкө висьтавыны? Сійө ставнысө радейтө чөла.

– Чөла... – нюммуні ме.

– Но, котөрт бать дорад! – тэрмөдлыштіс менө Степан Викторович.

Ме довкниті.

– А позьө ме кута гижны письмөяс тіян маяклы? И турунлы, и изъяслы? Позьө? – горөді чой йылө кайигмоз. – Ме өд збыльыс гига! А ті лыддьөй налы! Лыддянныд налы менсьым письмөяссө?

Степан Викторович өвтыштіс меным. Вайөдіс-ө төлыс сылөн пельөдз менсьым пось кывъяссө?..

Колис уна кад. Ме важөн быдми. Коркө өтчид батьлыс бумагаяссө видлалігөн (кулөм бөрас нин) аддзи открытка. Сэні вөлі серпасалөма Нагаево бухтаса маяк. Маяклөн синъ-ясыс вөліны гажаөсь. И турун, и изъяс, и буалыс саридз – видзөдісны ме вылө зэв шоны-да. Мөдар бокас вөлі гижөма: «Пыдди пуктана Норалы! Став ёртыд ыстөны тэныд улөдз копыр...»

Ме некор эг аддзыв тайө открытасө. Батьөй, буракө, дзебөма. И нөшта өти письмө сюрис. Даша гижлөма. Сійө нывкаыс чери кыйысьяслөн артельыс...

«Миян муса бөж... Степан Викторович абу нин ловъя. Сылөн керкаыс маяк вылын аддзисны тэнад письмөясөн тырөм дзөнь көрөб. Найөс вөлі тэчөма конвертьястөг. Кыдзи тэ и корин, Степан Викторович лыддьылө вөлі найөс маяклы. Ме эг вермы чөв овны: төда өд, мый виччысян маяксян письмөяс. Тэ жө кужан кутны кывтө, кыдзи Сулус* – моряк водзын... А нөшта тэ зэв вына, кыдзи Хайа. Но быть ковмас тайөс висьтавыны: маяк дзикөдз кушмис. Ми ставным кушмим...»

Комиөдіс Алёна Шомысова.

*Сулус – кодзув

**Хайа – гөра

АРТ

www.artlad.ru
2024

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал
Республики Коми

Издаётся с 1997 года
на двух языках: коми и русском
Здесь вы найдёте всё о науке, культуре,
литературе, истории и общественной
жизни Республики Коми

Присоединяйтесь к увлекательному чтению!

**ЭЛЕКТРОННАЯ
ПОДПИСКА**

**Оплатить стоимость
электронной подписки
можно одним из следующих способов:**

1. в кассе редакции журнала «Арт»:
г. Сыктывкар, ул.К. Маркса, д. 229, каб. 136, Дом печати
2. посредством онлайн переводов: необходимые данные (наши банковские реквизиты) ниже.

При оформлении электронной подписки необходимо указать следующую информацию: количество комплектов, электронный адрес, на который оформляется подписка, Ф.И.О. подписчика и контактный номер телефона (для связи)

Выслать на следующий электронный адрес: artkomi@mail.ru сообщение примерно следующего содержания: ЭП «Арт»-2023, primer@mail.ru и приложить копию квитанции об оплате.

Реквизиты:

ИНН/КПП 1101485466/110101001 р/с 40603810328004070042 отделение Сбербанка России № 8617 БИК 048702640 к/с 301018104000000000640

**Стоимость годовой подписки
на журнал «Арт» - 400 рублей.**

По вопросам и предложениям
звоните по следующему номеру:
8 (8212) 20-14-99

APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT